

Лев
Никольский

„ПАКЕТ“ выходит на орбиту

Л

ЛЕВ НИКОЛЬСКИЙ

*„Ракета“
выходит
на орбиту*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД
1966

Scan AAW

Р2, мл.
Н64

О чём эта книжка?

Валерик — главный её герой, — наверное, ответил бы так: «Ну, конечно, о нашей «Ракете»!»

Верно. Все события, от первой до последней страницы, связаны с радиогазетой, которую ребята, несмотря на неудачи, всё-таки выпускают в школьный эфир...

Но эта повесть о многом другом.

Дружба и предательство, потерянное и завоёванное уважение, большая и мелкая ложь и настоящая правда — вот о чём задумываются герои книги.

А Валерик, наверное, добавил бы: «И о том, как человек становится взрослым!»

Но... Пусть ребята сами расскажут обо всём. Ведь это важно знать каждому. Правда?

РИСУНКИ Ф. МАХОНИНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ КАПИТАНЫ РАДИОРУБКИ

Рассказывает автор

В каждой радиопередаче есть свой ведущий. Иногда достаточно сказать вначале: «Зал будет включён без особого предупреждения», — и в конце: «Через минуту слушайте сведения о погоде». А порой не ограничишься одной-двумя фразами.

Как бы ни хотелось автору этой повести сразу передать слово своим героям, но о капитанах радиорубки я, ведущий, должен рассказать сам.

...Широкая школьная лестница ведёт мимо библиотеки, где хозяйничаю я со своими читателями, в просторный актовый зал. На лестничной площадке перед залом большое зеркало. Во время перемены здесь толпятся девочки. Они-то всегда готовы полюбоваться собой. Три больших двери распахиваются в дни школьных торжеств в актовый зал. В глубине — эстрада. Перед ней тридцать рядов стульев.

Но сейчас нас интересует маленькая дверка в самом конце зала. Это — вход в радиорубку, от которой провода трансляционной сети тянутся во все классы и школьные кабинеты. Не пугайтесь надписи «*Вход посторонним совершенно воспрещён*». Со мной вы можете проникнуть в эту узкую неприглядную комнату. На потолке сизое с разводами пятно. Пол грязный. Воздух затхлый, прогорклый. Ближе к единственному окну, почти перегораживая комнату, стол, на нём большой серый ящик с аппаратурой. Это — радиотрансляционный узел. Проигрыватель снабжает танцевальной музыкой актовый зал.

Запомните, справа у входа шкаф. В одном отделении на полках свалены патефонные пластинки, инструменты, какие-то старые коробки. В другом, большем, предназначенном собственно для одежды, ничего нет, если не считать груды старых газет и каких-то бумаг.

Но проветрим рубку, приоткроем окно, выходящее во двор, и мы услышим, как Владимир Андреевич ведёт урок физкультуры на воздухе.

— Бегом! — командует он. — Быстрее! Дышите глубже!

Вот мы и успели осмотреться, прежде чем появились капитаны. Команду «бегом» они восприняли как разрешение удрать. В зале слышны быстрые шаги и шумное дыхание. Поворачивается ключ в замке. Раз, два. Надо немного приподнять дверь и хорошенько дёрнуть её, чтобы войти в комнату. И вот они оба здесь, широко шагающий, хотя и прихрамывающий Кока Марев и семенящий Васенька Меньшов — оба запыхавшиеся, потные, растрёпанные. Снова ключ в замок — закрылись.

Кока Марев — старший по возрасту капитан. У него длинные лохматые волосы — вольная причёска, которую он всеми силами отстаивает от покушений Дагмары и даже директора школы.

Другой капитан ростом пониже, кругленький, какой-то весь неказистый, с маленькими серыми глазами, под цвет школьной формы. Ва-

сенька Меньшов опораживает разбухший портфель, и одна за другой на столе появляются пластинки в ярких цветных рекламных обложках — на рентгеноплёнке, с музыкальными дорожками, выцарапанными на смутных очертаниях скелетов. Это производство кустарей-спекулянтов.

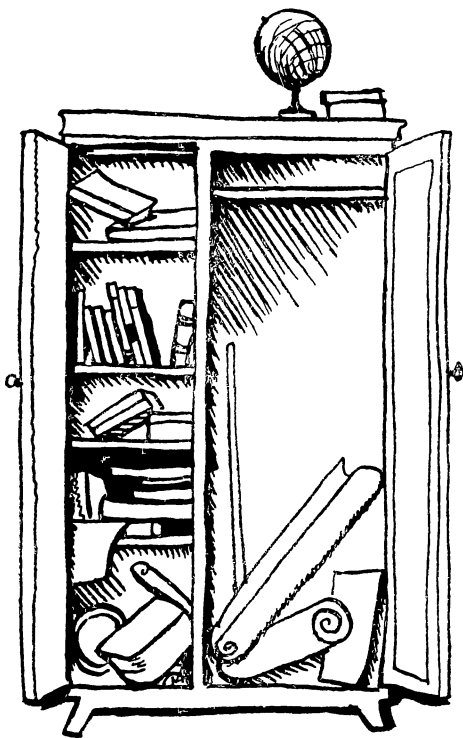
Старшего капитана Васенька считает недоразвитым, но побаивается его кулаков. Он охотно уступает ему работу, а сам, как говорит, проявляет «деловую инициативу». Драки между ними вспыхивают нередко. Но сейчас оба настроены миролюбиво. Кока закуривает предложенную Васенькой сигарету, несколько раз затягивается и пускает вверх дым, который закручивается спиральками.

— Ну? — спрашивает Кока.

— Как будем жить, главный механик? — вторит ему Васенька.

— Как жили, босс, — неуверенно отвечает Кока.

— Придётся свёртываться.

Пусть потанцуют без тебя. Кто ещё в школе знает эту чёртову аппаратуру? — поддразнивает Васенька.

— Я им с-свернусь, — огрызается Кока (когда он волнуется, то немного заикается).

— Я вижу, главный механик, ты никого не боишься, — продолжает поддразнивать Васенька. — Даже директора...

Неизвестно, как долго продолжался бы содержательный разговор капитанов радиорубки, если бы не звонок на большую перемену. А вслед за звонком неожиданный стук в дверь. Капитаны переглянулись.

Они не испытывали желания встречаться с кем бы то ни было и меньше всего — с директором Кузьмой Васильевичем. Васенька приложил палец к губам, Кока стал запихивать пластинки в портфель.

Стук повторился резкий, требовательный. Кока повернул ключ в замке и рывком распахнул дверь. Перед ним стоял Валерик...

ГЛАВА ВТОРАЯ

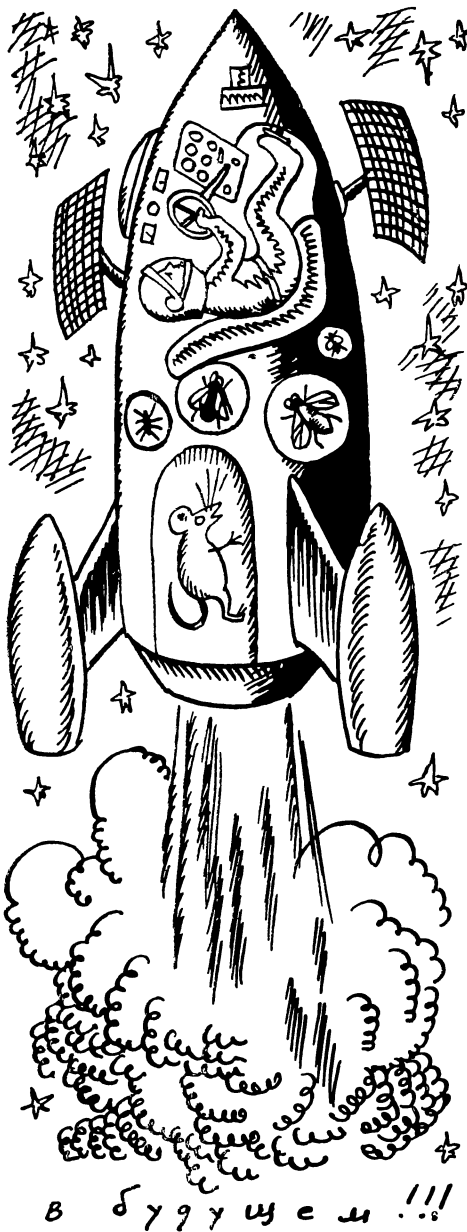
КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

Рассказывает Валерик

Да, меня зовут Валерик. И в нашем седьмом классе я самый маленький. Так было и в шестом. И в пятом. Но всё-таки за последний год я здорово вырос. В школе докторша записала в медицинскую карточку — на пять сантиметров, а дома даже на семь сантиметров. Я удивился, почему такая разница. Мама думает, что дома я мерился в туфлях на толстой подошве, а в школе — босиком. Но всё равно я маленького роста. Правда, говорят, что на Марс и Юпитер будут брать именно таких людей, чтобы в кабине оставалось больше места для аппаратуры, приборов, концентраторов, белых мышей и вообще всего необходимого.

Это, наверное, единственное преимущество человека маленького роста. И то в будущем. А пока я, конечно, переживаю.

Света тоже переживает: у неё две толстенные рыжие косы. И брови, и ресницы. Тётя Нина называет её медовой. А моя мама — золотой. Но разве золото бывает тёмно-красное? Я, конечно, Светлане ничего не говорю, но всё-таки она просто рыжая. И я знаю, что она тоже переживает. Хотя никому об этом не скажет. Даже мне. В общем, мы друзья по несчастью. Что ни говорите, но быть маленьким или рыжим невесело. Хотя я лично совсем не понимаю, почему этот цвет ребята считают некрасивым. Когда мы со Светой были в пионерском лагере, то все — и взрослые и ребята — ходили смотреть на залив, как солнце

заходит. И восхищались: «Какое небо, какие краски!» А закат тоже бывает рыжий. Или хвост у лисы настоящей, а не черно-бурой. Или маки — их художники специально рисуют.

Интересно было в лагере! У нас со Светой завелись тогда артистические знакомства. Света очень хорошо читала стихи. Вот почему я взял её к себе диктором. Я, конечно, старший диктор. И меня слушаются. Без дисциплины в нашем радиоделе невозможно. Точка-тире! Но вообще всё это произошло совершенно неожиданно. Появилась «Ракета» — и потом пошло такое...

У нас в школе из года в год по понедельникам выходит большая стенная газета. Каждый класс выпускает по очереди. А по пятницам после шестого урока собирается «Клуб интересных встреч». Приезжают артисты, писатели, художники, путешественники, Герои Советского Союза.

На этот раз мы решили организовать встречу «Наше лето». Каждый на каникулах что-то повидал. Так расскажи, пожалуйста, самое интересное. Вначале боялись, что и говорить будет нечего. Но учитель географии Прохор Степанович предложил взять большую карту Советского Союза и чтобы каждый воткнул флажок в то место, где провёл лето.

Карта прямо расцвела. Флажки... флажки... флажки... Конечно, особенно много под Ленинградом. Но не только. Много внизу, на юге. Два в Крыму. Вернее, три — третий мы поставили за Анюту —

в Артеке. Один убежал далеко вправо — Владивосток! А для флажка в Казахстане никак не могли найти места. Новый город: нет и нет на карте! Петька Файнштейн рассказывает, что в этом городе уже целые улицы из четырёхэтажных домов и троллейбусы ходят. Не думаю, чтобы он на этот раз врал. Наташе Шагиной поставили несколько флажков: она выезжала на междугородные соревнования. Правда, запасной. Но всё-таки наша Наташа — баскетболистка детского всероссийского масштаба.

Ну, вот и все собрались, ребята рассказывают — каждый о своём флажке. И в это время приоткрывается дверь, показывается лицо и исчезает. Потом стук. Можно? И выясняется, что голова принадлежит моряку — загорелому, высокому, идёт вразвалочку. Но самым удивительным, оказалось, что это не просто моряк, а Виктор Афанасьевич Зыбков — первый председатель «Клуба интересных встреч». И вот теперь снова пришёл в школу. В пятницу. Как он выразился, — «с корабля на бал». В актовом зале его фамилия — золотом на мраморе. Представляете, как мы его встретили? А он почему-то смутился и всё говорит: «Продолжайте, ребята, продолжайте, а то мне неудобно».

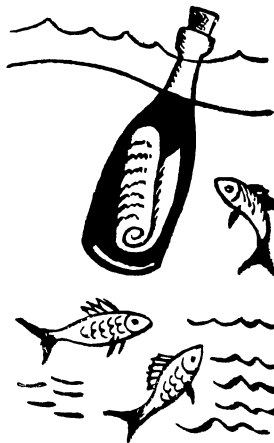
Но ничего неудобного не было. Тем более, что учитель географии Прохор Степанович предложил: «Витя! У нас тут все сухопутные путешественники; может быть, ты расскажешь, что на морях и океанах делается?»

Виктор Афанасьевич посмотрел и сказал: «Этой карты мало. Танкер, на котором я проходил практику, побывал и в Каире, и в Бордо, и в Бомбее».

Принесли карту мира, и он стал рассказывать... Больше всех был доволен Прохор Степанович.

— Ну, наконец, Витя, я могу тебе поставить за Индию пятёрку. А то в шестом классе больше тройки никак не выходило.

По-моему, нетактично. После шестого класса человек исправился и даже окончил школу с золотой медалью. Виктор очень смутился, покраснел. Мы стали задавать ему нарочно побольше вопросов и о путешествиях, и о мореходном училище. Я спросил, что самое трудное в училище? Он подумал и сказал: «Узлы вязать. Адское терпение нужно!» И тут же показал десять способов, как эти узлы вяжут. А сколько способов ещё не показал! Света помешала. Её, видите ли, заинтересовало, часто ли моряки пишут домой. И где они находят марки. Кто-то засмеялся: «Запечатывают письмо в бутылку и бросают в море!» Виктор

Афанасьевич сказал, что ничего смешного нет. Можно, конечно, и в бутылку, через несколько лет дойдёт, выловят. Но он лично пишет домой из каждого порта и опускает в почтовый ящик. А если что-нибудь нужно срочно сообщить, то передаёт по радио, прямо с корабля.

Вот здорово получать от него письма с марками из всех стран мира, но если об этом сказать, то и другие ребята тоже захотят. Тогда ему и на вахте стоять будет некогда, и к экзаменам готовиться, только письма пиши. Как же быть? Но в это время Зыбков сам перешёл к вопросам.

— Вот, — говорит, — удачно, что вы мне напомнили. Ведь мы всем классом радиофицировали школу. Ох и потрудились тогда на славу. Как радиогазета называется?

Тут-то и получилась точка-тире. Нас спрашивают, а что отвечать? Нечего! Как? Да никак. Нет её. В сентябре передавали по школьному радио правила уличного движения: «Зелёный огонь. Красный огонь. Не перебегайте улицу!» Через месяц выступил врач, поговорил о прививках и глистах. На вечерах из радиоузла передаётся танцевальная музыка. Вот, пожалуй, и всё. Если не считать, что в стенной газете «Вымпел» был нарисован большой рупор, а под ним надпись «ГРОМКОМОЛЧАТЕЛЬ».

— Ну, ребята, — говорит нам Виктор. — Это не по-честному. Мы работали. Старались. Не для себя. Так сказать, для грядущих поколений. А грядущее поколение... Смотрите, чтобы к вечеру встречи таких разговоров не было. А пока прощайте. Явка в училище двадцать ноль ноль, а я ещё и домой не заходил. Прямо в школу. Пятница ведь.

И пошёл. Я за ним.

— Вот мой адрес, — сказал я, — пишите мне, пожалуйста, почаще. Только с разными марками.

— Ну что ж, давай переписываться. Мои позывные... На чём бы записать?

Он полез в карман своих флотских брюк и вытащил оттуда тиснёный пластмассовый бумажник.

— Сейчас достанем два мотоцикла.

Виктор Афанасьевич показал два лотерейных билета.

— Мотоцикл моряку иметь не обязательно, а два — просто ненужная роскошь. Так вот на одном билете я тебе напишу свои позывные. Смотри. Исключительный билет. По теории вероятностей и невероятностей этот номер должен обязательно выиграть. Сам подбирал цифры. Только нечётные. 13579, и серия одиннадцатая. Вот, владей вместе с выигрышем.

И он написал аккуратным почерком на билете свой адрес. Затем сунул мне этот самый билет, засмеялся и так крепко тряхнул руку, что я чуть не ойкнул.

Когда я вернулся, Света спорила со старшими ребятами.

— Тебе-то что? Ты шестиклассница. С тебя спрос не велик.

— А мне стыдно! Мы должны выпускать радиогазету.

— И журнал «Школьный огонёк» с цветными вкладками,— сострил Петька Файнштейн.

По-моему, это глупая острота. И все стали решать, как назвать школьную радиогазету. Кто-то предложил:

— «Наша юность»!

— «Радиоголос»!

— «Последние школьные известия»!

И вдруг меня осенило.

— «Ракета»! — закричал я.

— «Ракета»! «Ракета»! — подхватили ребята. Не возражала даже Света.

Название было найдено. Нам казалось, что это самое главное.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ПРОИСШЕСТВИЕ ЗА ПРОИСШЕСТВИЕМ, ИЛИ НЕСЧАСТНЫЙ ДЕНЬ ВАЛЕРИКА

Рассказывает автор

Когда встревоженные капитаны распахнули дверь радиорубки, то увидели не директора Кузьму Васильевича, как опасались, не учителя физкультуры Владимира Андреевича, от которого удрали, и даже не старшую вожатую Дагмару, а всего только Валерика — вежливого и маленького.

У капитанов отлегло от сердца.

Кока вопросительно посмотрел на мальчика.

— Ты чего здесь шляешься? — почти весело, но с оттенком угрозы спросил Васенька.

— Б-брысь! — показал рукой на выход Кока.

Но для капитанов возникла новая опасность. Теперь в зал входил Прохор Степанович. А за ним несколько мальчиков и девочек.

— Не видишь, что ли: «Посторонним вход совершенно воспрещён», — уже другим тоном продолжал Васенька разговор с Валериком.

— Как удачно, что вы здесь! — сказал приближаясь Прохор Степанович. — Можно к вам? Тут целая делегация.

— Мы ему говорим, что посторонним вход совершенно воспрещён: здесь аппаратура, лампы, — уже совсем вежливо разъяснил Васенька, показывая на Валерика. — А он прёт. Ну, куда ты прёшь?

— Разве так встречают гостей, Меньшов?

— К учителям это не относится, — пояснил Васенька.

— Нельзя — не пойдём, — согласился за всех Прохор Степанович. — Придём после уроков... — И добавил так, чтобы его слышали только капитаны: — Приберитесь, проветрите помещение.

— Иди и ты, мальчик, — почти нежно сказал Васенька, приподняв задержавшегося Валерика за плечи, и, больно сдавив, повернул к выходу.

— Пронесло! — облегчённо вздохнул Кока, снова запираясь на ключ.

— Пока! — мрачно добавил Васенька.

Да, первая попытка Валерика проникнуть в радиорубку оказалась неудачной. И вообще неудачи преследовали его с утра. Около большого зеркала, конечно, всячески вертелись девочки. Он хотел сказать несколько слов Свете, но та притворилась, что не видит его, и продолжала болтать с подругами. А тут ещё появился Петька Файнштейн и стал рассказывать девчонкам какую-то удивительную историю.

В пионерской комнате на Валерика накричала Дагмара. Может быть, она права — ещё три дня назад он должен был сдать сводки по санитарному состоянию классов. Валерик рассердился и заявил, что ему надоело это санитарное состояние и пусть им занимается, кто хочет.

— Вот как?! — угрожающе спросила Дагмара. — Так-то выполняют поручения совета дружины? Ну, мы ещё с тобой, Серёгин, поговорим в другом месте. Ты будешь у меня шёлковый.

Валерику не хотелось быть шёлковым. Он расстроился и пошёл снова искать Свету. Но у зеркала девчонок уже не было, прозвенел звонок на урок.

В класс Валерик опоздал. Глафира Алексеевна — учительница ли-

тературы, она же завуч — не пустила его на урок. И вот он, расстроенный, злой, явился ко мне.

Вообще говоря, ученикам во время уроков не положено находиться в библиотеке. Но я знал, что, если Валерик появился у меня, да ещё с расстроенным лицом, и не говорит, что произошло, — значит, он не просто удрал, а у него есть свои причины, о которых пока не стоило расспрашивать.

Валерик был хорошим помощником. Всего несколько дней назад мы произвели маленькую революцию: открыли ребятам свободный доступ к полкам книгохранилища. Валерик, Света и её старший брат Слава помогали мне готовиться к этому событию.

Я научил их расставлять книги по строгому алфавиту. Они помогали младшим ребятам выбирать интересные книжки.

— Проверь, — сказал я, — как расставлены книги от П до Р. Ребята могли напутать. Только по строгому алфавиту.

Валерик молча кивнул головой и принялся за дело, а я стал заносить в большую инвентарную книгу библиотечные новинки.

Скажите откровенно, вас не удивляет, что в школьной библиотеке у стола с формулярами хозяйничает мужчина? Это не так часто бывает. Как я сюда попал? Когда началась война, я, учитель русского языка и литературы, вместе с учениками пошёл на фронт. А потом остался военным. И вот только недавно, в середине учебного года, вернулся в школу и согласился временно поработать в библиотеке.

Когда на следующий год мне предложили пойти в класс, я подумал... и отказался. Люблю книги, подружился со своими читателями. И по секрету сказать, после того как они уходили, я за столом, позади стеллажей, писал воспоминания о друзьях-однополчанях.

Но, когда завязалась история с «Ракетой», как вы увидите, мне оказалось просто не до мемуаров.

...Я занёс в инвентарь новые книги и раздумывал о том, как сложилась моя судьба: учитель — майор — библиотекарь.

И вдруг услышал встревоженный голос Валерика:

— А это что?!

Я обернулся. Мой помощник держал в руках раскрытую книгу — «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого.

— А это что?! — повторил Валерик.

Из середины зверски были выдраны листы, лишь несколько лоскутков текста застряло в книге.

— А это что?! — набросился я на Валерика. У меня всё переворачивается внутри, когда я вижу исковерканную книгу. — Что это за

хулиганство? Разве вас можно в книгохранилище? Никого больше близко к полкам не подпущу. Никого, пока этот варвар не будет найден и наказан. Открытый доступ к книгам! Да и ты ещё не дорос до этого!

Я сказал и осёкся. Не дорос... Валерик, маленький Валерик, бросив книгу на стол, выбежал из библиотеки.

Вот происшествие...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ПРИВЕТ ИЗ АТЛАНТИКИ

Рассказывает Валерик

Вас когда-нибудь вызывали к директору, да ещё к нашему Кузьме Васильевичу? Я быстро стал думать, за что?.. Разбил стекло? Но это было летом. И не в школе, а во дворе. И не я один, а вместе с ребятами. И разве мы нарочно?

А в школе? Подсказывал на немецком? Все подсказывают. Или на ленин раскрывал рот, а не пел... Или сегодня опоздал на урок. Но так или иначе, а раз вызывает директор — приходится идти.

— Садитесь! — пригласил Кузьма Васильевич. Он что-то писал в толстой тетради.

Я сел на большой кожаный диван с покатым сиденьем. Было очень неудобно на краешке. А сесть поглубже — не достать ногами до полу. Не знаю, как директор заметил мои мучения — он не поднимал головы, — но я услышал:

— Серёгин, садитесь ближе, вот стул.

Я пересел. Он кончил писать, снял очки, посмотрел на меня, и я впервые увидел так близко лицо Кузьмы Васильевича. Потом он улыбнулся. Честное слово, улыбнулся, хотя ребята и даже учителя знают, что наш директор не улыбается.

Он всё-таки улыбнулся и спросил:

— Скажи, Серёгин, у тебя есть знакомства в Атлантическом океане?

Я был готов к чему угодно. Почти перестал бояться. Ну, разбил стекло, ну, не пел. Но вот насчёт знакомых в Атлантическом океане...

— В Атлантическом океане, значит, нет? — переспросил Кузьма Васильевич.

Я замотал головой.

— Однако именно оттуда, я полагаю, тебе эта радиограмма.

Я ещё никогда в жизни не получал радиограмм. И только один раз прошлым летом, когда мне исполнилось на даче двенадцать лет, я

получил поздравительную телеграмму от бабушки из Канева. В красивой обложке. Но радиogramму... Даже дух захватило.

— Я тебя вызвал потому, что здесь не совсем точный адрес, но, если радируют действительно тебе, — получай.

Он протянул мне прямоугольник, я с волнением развернул бланк. На нём было напечатано:

ЛЕНИНГРАД

(затем шло название школы)

РЕДАКТОРУ ШКОЛЬНОЙ РАДИО-
ГАЗЕТЫ ВАЛЕРИКУ ТЧК ВМЕСТЕ С
ТОВАРИЩАМИ ПРИВЕТСТВУЕМ ИЗ
АТЛАНТИКИ ПРЕДСТОЯЩИЙ ВЫХОД
ПЕРВОГО НОМЕРА ТЧК ЖЕЛАЕМ
УДАЧНОГО СТАРТА ТЧК ДО ВСТРЕЧИ
НА ВЕЧЕРЕ

и строчкой ниже:

ВАЛЕРИКУ — ВЕРНО.

— А теперь в класс, — Кузьма Васильевич посмотрел на часы. — Сейчас у вас география? Извинись перед Прохором Степановичем.

Я влетел в класс, извинился за директора. И сел за парту. О чём говорил Прохор Степанович, не помню. У меня в голове из географии — только Атлантический океан.

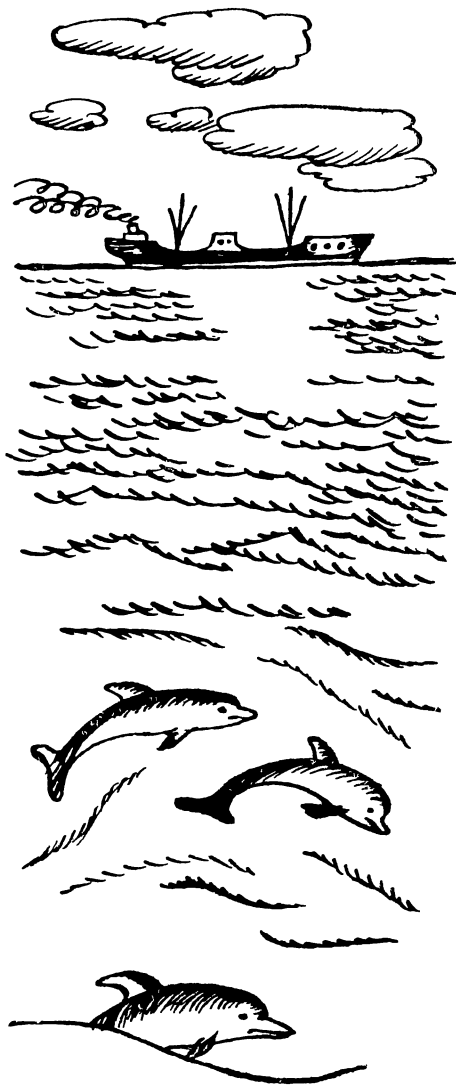
После звонка я показал ребятам радиogramму. Вы представляете, что было! И все мы сразу решили пойти в радиорубку. К нам присоединился Прохор Степанович.

Дверь в актовый зал была открыта. Значит, рубка не пустует.

Я побежал вперёд и услышал, как Прохор Степанович сказал:

— Скажите, как редактор торопится!

Все-все меня поздравляли...

КОГДА В БИБЛИОТЕКЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ТИХО...

Рассказывает автор

Пользуясь правом ведущего, автор приглашает читателя в школьную библиотеку. Есть обстоятельства, которые заставляют нас с особым вниманием относиться ко всему, что происходит сейчас в читальном зале. В библиотеке заседает комсомольское бюро, своего рода военный совет. В читальном зале, где должна господствовать абсолютная тишина, — гам, галдёж. Трудно сосредоточиться в таком шуме, но Прохор Степанович, у которого на уроке слышно, как скрипит мел по доске, на этот раз покорился — он пытается читать какой-то журнал.

Из общего шума чаще всего вырываются слова: «Ракета»... редактор... Валерик... Слава...» Но секретарь комсомольского бюро Дима Андреев сохраняет полное спокойствие. Он высказывается только тогда, когда у него всё обдуманно. Вот, кажется, пришёл этот момент. Дима привстаёт, не отрывая своих длинных рук от стола, и, немного наклонившись, обводит всех глазами, дожидаясь, пока наступит тишина.

— Перестань махать телеграммой, Валерик, — начинает он. — Хорошо, не телеграммой, а радиogramмой. Дело вовсе не в ней. Радиогazeta нужна не для Атлантического океана и не для вечера встречи, а для нас самих. Для школы. У нас хорошая стенная газета «Вымпел». И мы знаем, что каждый понедельник ровно в девять появляется новый номер. Но ведь нам нужно знать, что делается в школе не раз в неделю. Если уж выпускать «Ракету», то выпускать её ежедневно.

Я смотрю на Прохора Степановича. Ему, кажется, нравится, что говорит председательствующий. А Дима продолжает:

— Спасибо, конечно, Виктору Зыбкову, что он и в далёких путешествиях не забывает своей школы. Но вот кого делать редактором — это уже нам виднее. «Важно расставить человека», как говорит Прохор Степанович.

— Я говорю «расставить людей», а не человека, — под общий смех включается в разговор Прохор Степанович. Он уже перестал даже для виду рассматривать «Географию в школе».

— И теперь, — продолжает Дима, — давайте решать, кто будет ответственным редактором: Валерик или Слава. Я лично буду голосовать за Славу. Он многому научился в стенной газете. Ты не обижайся, Валерик, но тут нужно человека повзрослее, комсомольца. Голосуют члены бюро.

Несмотря на это предложение, голосуют все. В читальном зале набралось десятка два сторонников Валерика. Если бы подсчитать их

голоса, то, конечно, редактором стал бы Валерик. Но Дима Андреев упрямо считает по-своему и объявляет:

— Первым редактором «Ракеты» комсомольское бюро рекомендует Славу, в стенгазете справятся и без него.

На Валерика жалко смотреть. Кажется, ещё минута — и он заплачет.

— Это несправедливо! — кричит Света. — Валерик должен быть редактором. Ему телеграмма. Валерик, а не Славка.

Слава — старший брат Светы. Они очень похожи друг на друга, у кого больше веснушек — неизвестно, и шапки их волос выделяются среди голов других ребят, как красные грибы в корзине боровиков и подберёзовиков. Кажется, возникает семейный конфликт.

Наступает момент, когда приходится вмешаться.

— Ребята, что за галдёж? Вы забыли, что в библиотеке шуметь нельзя? Валерика никто не хочет обижать. Я думаю, Славе нужны заместители. Кто у нас выразительнее всех читает? Валерик. Может быть, он согласится стать помощником Славы, возглавит дикторскую группу?

— Согласится! — закричали ребята.

Слава подошёл к Валерику и, протягивая ему руку, спросил:

— Ну, как, будем работать вместе?

Что тут можно было ответить? Когда все разошлись, Прохор Степанович, прежде чем углубиться наконец в чтение своей «Географии в школе», заметил, обращаясь ко мне:

— Григорий Павлович, ребята могут рассчитывать на вашу помощь? Ведь в армейской газете...

— Что ты, друг, — решительно возразил я, — ты же знаешь, в библиотеке больше тысячи читателей. Нет уж, уволь! И потом, мои мемуары... К тому же, говорят, что библиотека — это тишина.

— Ты уверен, что в библиотеке всегда должно быть тихо? — возразил Прохор Степанович. — Подумай.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ, ИЛИ ШКОЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Рассказывает Валерин

Вы уже, конечно, знаете, почему я не стал редактором. Или, точнее, почему не я стал редактором. Всё окончилось к лучшему, потому что ещё неизвестно, кто важнее — диктор или редактор. Как ни старайся редактор, без диктора нет передачи. Но сначала я этого не понимал, даже здорово обиделся, хотя и не показал виду.

А теперь понял, что даже диктор и редактор вместе — это ещё не все.

Вот что произошло в день рождения «Ракеты».

Накануне мы поздно задержались в школе. Надо было всё проверить. Мне здорово влетело от мамы. Она сказала, что вовсе запретит работать на радио, если «будут повторяться такие штучки». Ну, понятно, мама пугала меня. Но всё-таки никогда не знаешь до конца, на что способны родители. Чтобы наладить с ней отношения и быть уверенным, что она не сорвёт мне завтра передачи, я схитрил. Попросил вторую порцию каши «геркулес», которой мама кормит меня по вечерам: работа на радио возбуждает аппетит. Мама перестала сердиться, а мне всё-таки пришлось кашу съесть, хотя я очень не люблю её и ем только из-за того, что она помогает человеку расти.

Мама у меня учительница. Это не так плохо, как думают некоторые ребята. Тем более, что она преподаёт английский язык не в нашей, а совсем в другой школе. И если уж она что обещает, так будьте уверены — точка-тире! Я взял с мамы слово, что она разбудит меня утром вместе с папой — он к восьми утра должен быть на заводе. Спал я плохо. Мне снилось, что Кока и Васенька стоят в воротах нашего дома и, размахивая своими громадными кулачками, не пускают меня в школу. Кажется, это называется предчувствием.

Как вы понимаете, в семь утра мы с папой уже сидели за столом, и я пил своё толокно.

— Ну, мужчины, отправляйтесь, а мне сегодня к третьему уроку, — сказала мама.

И мы с папой пошли. Под воротами нас, конечно, никто не подстерегал. Если не считать дворничиху тётю Настасью с метлой. Она сказала:

— Смотрите-ка, Серёгины сегодня вместе на работу идут!

Никого из ребят на улице ещё не было. Зато взрослых... Я никогда не думал, что все так рано встают. На углу папа протянул мне руку: «Желаю удачи. У вашей «Ракеты» сегодня день рождения!» Ого, оказывается, и папа интересуется «Ракетой». И я тоже пожелал ему удачи.

Ровно в восемь я подходил к школе. Проверил это дважды. Первый раз — по большим часам на углу, второй — когда в дверях налетел на директора, который, всем известно, секунда в секунду приходит в это время. Он не рассердился, только спросил: «Торопишься, Серёгин? Даже здороваться не успеваешь?» Но я не позабыл, а просто испугался. Так что мне ничего не оставалось сказать, как: «Извините, здравствуйте!»

Оказалось, что в актовом зале около радиорубки уже почти все наши. Не было только техников — ни Коки, ни Васеньки. Они оба яви-

лись в половине девятого, забрались в рубку, и Слава разослал всех по этажам проверять репродукторы.

У микрофона, установленного в зале на эстраде, недалеко от рубки, остались мы со Светой и стали считать с разного расстояния: «Раз... два... три...» и так до десяти.

Пока проверяли, стало уже без четверти девять. Без десяти девять по всей школьной радиосети полились волшебные звуки:

— Внимание! (Это я!) Внимание! (Это Света!) Говорит «Ракета»! Говорит «Ракета»! (Это снова я!) Сегодня вторник. (Света!) Слушайте первый номер ежедневной школьной радиогазеты! (Я!)

Затем по нашему плану следовал «Школьный вальс». Васенька и Кока должны были приоткрыть дверь рубки и махнуть рукой, когда снова вступать дикторам. Нам нужно было, пока крутится пластинка, сидеть не шелохнувшись.

Тишина! Вы заметили, что иногда время тянется-тянется, а в другой раз мчится со второй космической скоростью? По нашим расчётам, «Школьный вальс» уже давно должен был кончиться, а дверь из рубки не открывалась и никто не махал рукой.

Мы видели, что Слава очень беспокоится, но ничего не может сделать. Дверь в рубку закрыта. Стучаться нельзя. Ломать нельзя. Над дверью надпись: «Тише!!! Идёт передача!»

Главное, что мы-то вальса не слышим. Ужасное положение. Слава не выдержал, прикрыл рукой микрофон и прошипел: «Начинайте!» Мы и начали. Сначала прочли статью комсомольского секретаря Димы Андреева «Все 45 минут урока на занятия», потом очерк про нашу лучшую спортсменку Наташу Шагину. А в заключение — о том, что на переменах старшие, которые дежурят, другой раз поколачивают младших. Хороший материал. С фамилиями, из какого класса. Читаем и думаем: «Ну, теперь большим кулакам плохо придётся».

Но, оказывается, плохо пришлось нам. В актовый зал вбежала пионервожатая Дагмара и стала размахивать руками. Говорить она боится, потому что надпись: «Тише!!! Идёт передача!»

Слава что-то объясняет ей знаками. Оба машут руками и, конечно, ни о чём не могут договориться. Не знаю, что было бы, но мы со Светой уже перестали читать в микрофон. Текст окончился. Осталось только сказать: «Ваши отзывы и пожелания передавайте в радиокомитет для «Ракеты». Потом в актовом зале появились ещё два человека: завуч Глафира Алексеевна и вслед за ней Прохор Степанович.

В этот самый момент дверь из рубки распахнулась, и в зал вывалились Кока и Васенька. В каком виде! У Васеньки раскровавлен нос, а Кока прихрамывал сильнее обычного.

— Вы куда? — закричала не выдержав Дагмара.

— Как куда? — отвечали ей наши радиотехники. — На уроки! Заниматься!

Что было!.. Даже рассказать страшно. Оказывается, наша «Ракета» при первом своём появлении в школьном эфире сорвала уроки почти во всех классах.

После того как Слава и другие ребята проверили репродукторы и включили их на полную звучность, те ребята, которые пришли пораньше, стали слушать нас. Им было очень хорошо слышно, как мы со Светой считаем: «Раз... два...» — в общем, до десяти. Потом снова: «...пять... шесть... семь...»

Кто-то сказал, что это трансляция показательного урока арифметики для первого класса. Кто-то попробовал выключить радио. Но большинство ребят решило: наверное, ещё будет что-нибудь, кроме «раз-два-три». И они не ошиблись. Мы объявили о первом номере «Ракеты», а радиотехники запустили злосчастный «Школьный вальс». Пластинка была игранная-переигранная, в одном месте на трещинке она сбивалась, и всё начинало повторяться. Тут нужно было поправить пальцем. Но Кока и Васенька подрались, и пластинка продолжала крутиться на одном месте. В это время прозвенел первый звонок, потом второй. Через шум старой пластинки иногда прорывались и наши со Светой голоса о том, что надо экономить каждую минуту урока. Кое-где всё-таки выключили радио. А в восьмом классе была назначена контрольная по алгебре. Конечно, ребята не особенно огорчились поднявшемуся шуму и стали кричать: «Ура, «Ракета»!» Но нам от этого «ура» не поздоровилось. А восьмому классу пришлось писать работу после уроков.

Вот как прошёл день рождения «Ракеты».

Три точки, три тире, три точки (...— —...), что означает на международной волне сигнал бедствия.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КАК БЫТЬ С АТЛАНТИЧЕСКИМ ОКЕАНОМ?

Рассказывает Слава

Честное слово, я попал в эту повесть случайно. Помимо своей воли. Вы же знаете о бурном заседании комсомольского бюро, когда решали, кого назначить редактором «Ракеты». Я-то шёл на бюро, чтобы меня освободили от стенной газеты. Хватит, три года каждую неделю выпускал вместе с Володиёвым Антоновым, пока не заболел неожиданно на целый месяц. Операция. Аппендицит. А теперь надо зверски заниматься. И потом, пока папа на Дальнем Севере, я обязан заботиться о Свете.

И вот я посмотрел на часы — папин подарок (светящийся циферблат, противоударное устройство), было без двадцати минут четыре: «Принимая во внимание особые семейные обстоятельства, освободить Славу Рябинкина от обязанностей заместителя редактора стенной газеты «Вымпел»».

А ровно в четыре меня назначили главным редактором «Ракеты». Правда, обещали отпустить после того, как я налажу дело. Вот я и налаживаю. Как налаживаю? Вы знаете. И сейчас ещё жутко вспоминать старт «Ракеты». Наташа Шагина, наш спортивный обозреватель, утверждает, что это был не старт, а фальшстарт. И считает, что ничего здесь страшного нет. Ну, это как кому! Меня, например, бросает в дрожь, когда я слышу мотив «Школьного вальса».

Да, это был горячий денёк. К сожалению, он войдёт в историю нашей школы. Подумать только: ни в одном классе уроки не начались со звонком. Вот тебе и «Ракета», — так сказать, организатор школьной жизни. За всё, что произошло, обещали вклеить выговор. Может быть, и стоит...

Но разве только в этом дело. Я ведь взрослый, исполняющий обязанности главы семьи, как говорит папа, а вот Свету мне очень жалко. У неё каждая веснушечка дрожала. Она так расстроилась в тот день, что закапала всё сочинение слезами и размазала чернила. И получила двойку. Надо писать папе на Дальний Север, подходит суббота. Писать правду не хочется, неправду — потеряешь уважение навсегда.

Конечно, переживали все ребята. Но по-разному. Коку и Васеньку на три дня исключили из школы. Кока на вызов не явился, он, видите ли, не обязан: не комсомолец. А Васенька (терпеть не могу этого слизняка) прикинулся обиженным. «Кто ответственный за радиорубку? Кока Марев. Кому доверена аппаратура — Коке Мареву. А моя фамилия? Меньшов. Меня же избили — и я же виноват!»

В тот вечер я встретил на лестнице маму Валерика. Она остановила меня и долго расспрашивала. Почему Валерик вернулся из школы кислым? Не рассорился ли со Светой? Я молчал. Мама Валерика посмотрела и вздохнула: «Ты какой-то странный, Слава, сегодня». Я хлопнул за собой дверь. В общем, скверно.

Вечером со Светой, прежде чем писать на Дальний Север, решили погулять. На лестнице нас догнал Валерик.

— Возьмите и меня. Мама сказала: «Если со Славой, — можно. Пройдёшься — лучше поужинаешь. А то у тебя аппетит совсем пропал».

Вот у меня аппетит никогда не пропадает. Я был рад Валерику: пускай ребята поговорят, а я подумаю.

Вышли к набережной. Ветер гнал сухие кленовые листья по асфальту, перебрасывая их через чугунные перила. Листья, опустившись

на воду, проплывали сквозь зыбкие полосы отражённого света фонарей. Мы остановились и стали смотреть.

— Листоход, — сказал Валерик. — Может быть, эти листья доплывут до Атлантического океана?

— Листоход, — подтвердила Света. — Весной ледоход, а осенью листоход.

— Вот и всё! — сказал Валерик. — И ты не редактор, и я не заместитель.

— И я не диктор, — добавила Света.

— Вот и всё, — сказал ещё раз Валерик. — Пойдёмте!

Конечно, надо было идти. Ветер холодный, ребята могли простудиться. Но во мне вспыхнул дух противоречия.

— Нет, — сказал я сердито. — Так мы не уйдём. Запомните, что я говорю. Я ещё пока редактор, и «Ракета» будет выходить. Даже если вы сбежите после первой неудачи. Помните, сколько раз Суворов брал приступом Измаил? И только на восьмой крепость пала. А мы после первого раза хлюпиками стали. Я обещаю, запомните: «Ракета» выйдет на орбиту!

— Так и напишем папе? — обрадовалась Света.

— Написать легко, — заметил Валерик. — А с меня хватит. Вот только как быть с Атлантическим океаном?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЛЕТУЧКА

Рассказывает автор

Прошел почти месяц со дня неудачного запуска «Ракеты». И хотя не всё ещё наладилось, в школьном эфире часто можно услышать позывные радиогазеты. Сейчас в читальном зале «редакционная летучка» — оперативное совещание. За длинным столом, где вокруг большого кактуса раскладываются свежие газеты и журналы, сидят работники радиокомитета.

Дежурный критик сделал обзор передач за неделю. Удобный для редактора случай сказать несколько тёплых слов сотрудникам, а сотрудникам задать несколько коварных вопросов редактору. Я веду стенограмму, так сказать, для истории.

С л а в а. План передач ясен. В понедельник подробно передаём программу на всю неделю.

Г о л о с а. А техники?

Слава. Кока Марев и Саша Кореньков — это наш новый техник. Голоса. Опять Кока Марев?!

Кореньков. Он единственный хорошо знает аппаратуру. Да ещё Васенька.

Голоса. И это всё?

Кореньков. Остальные ребята присматриваются.

Наташа Шагина (*редактор спортивных передач*). А почему на этой летучке не говорят о дикторах? Почему здесь нет Валерика?

Света. Он получил важное приглашение.

Наташа. Вчера он опоздал на спортивную передачу. Тоже приглашение?

Голоса. И позавчера Валерик опоздал.

Слава. Если уж говорить о «почему», то почему каждый день только Валерик и Света у микрофона? Да иногда ещё Петя Файнштейн.

Петя Файнштейн. Если бы Валерик был здесь, я бы сказал ему: «Ты никого к микрофону не подпускаешь».

Дима Андреев. Вы все не о том говорите...

Слава. В твоём распоряжении минута.

Дима. Если ты не будешь перебивать меня.

Слава. Засекли.

Дима. Самое важное — «Ракету» не слушают!

Голоса. Неправда! Почему не слушают?!

Дима. По многим причинам. Разберитесь. Моя минута кончилась.

Слава (*посмотрел на часы*). Все минуты кончились. Летучка закрыта. А кому что делать в течение недели — об этом каждый знает.

Читальный зал быстро пустеет. На длинном столе вокруг чудо-кактуса снова появляются журналы и газеты. И вот у меня в библиотеке почти никого нет. Правда, Света ещё наводит порядок. А Слава подошёл к моему столу. Он хочет посоветоваться? О чём?

— Видите, как плохо получилось? — говорит он. — Работаем — и впустую, оказывается. Нас не слушают. Для чего это мы организовали столько редакций?

К беседе присоединяется Света:

— В понедельник никакой редакции нет.

— Понедельник не в счёт, — отвечает Слава. — Программа передач на неделю. Вторник — спортивная передача, среда — комсомольская.

— Четверг — «Ракета» для малышей, с фанфарами. Они очень полюбили, — добавляет Света.

— А пятница — наша библиотечная? — напоминаю я. — Ты зря хандришь, Слава.

— А к чему все эти дни недели, если «Ракету» всё равно не слушают?

— Есть много средств, — подумал вслух я, — но самое сильное — слово. Но я-то сам сегодня растерял все слова. Расстроился. Вот посмотрите, — и я показал им изуродованную книгу.

— Кто это? Кто? — заволновались брат и сестра.

— Кто? Я уже спрашивал Валерика. Может, вы лучше знаете? Теперь никого в книгохранилище не пущу.

— И нас со Славой?

— Значит, и вас.

— А мы совсем недавно писали сочинение о Настоящем человеке, — вспомнил Слава.

— Знаю...

— И вы думаете...

— Оставь, Слава, я ничего не думаю. Просто огорчился.

В этот день Славу ждали новые неприятности. И опять в библиотеке. Когда он попытался пройти за стеллажи, где за моим рабочим столом верстали стенную газету, ему преградил дорогу Васенька Меньшов.

— Нельзя, — сказал он, расставляя руки, — здесь редколлегия «Вымпела».

— Нельзя? — переспросил Слава, обращаясь не к Меньшову, а, через его голову, к Володе Антонову — редактору, с которым вместе три года выпускал газету.

— Нельзя, редакционная тайна! Впрочем, полюбуйся, — и Меньшов помахал листком бумаги, на котором были нарисованы жабы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕДАКЦИОННАЯ ТАЙНА

Рассказывает Слава

Редакционная тайна!!! (Три восклицательных знака!) Кто владеет этой тайной? Володька Антонов! Очкастый Володька, с которым вместе мы писали первую заметку. Под волнующим заголовком «Молодцы!» это литературное произведение поместила года три назад стенгазета. А чтобы иметь право написать заметку, я сдал в металлолом свою старую железную кровать.

Когда папа вернулся из Запорожья, где он монтировал цех нового завода, я уже спал на раскладушке. Он сказал: «Выпороть бы тебя! Но поскольку ты отдал кровать из идейных побуждений... Спи на раскладушке, пока сам не заработаешь на новую».

В общем, всё обошлось к лучшему — в комнате стало свободнее. Раскладушку на день убираю в коридор.

Володьке проще, у него отец управдом, техник-смотритель. После того как ребята нашего отряда обшарили весь двор, он откуда-то из подвала достал килограммов двести старых водопроводных труб. И наш отряд сдал больше всех металла! Вот и заметка. С тех пор мы стали постоянными сотрудниками стенгазеты. А теперь — бери выше — редакторами: он — стеной, я — радиогазеты.

И после всего этого у очкастого Володьки появились тайны от лучшего своего товарища. От меня... редакционные. Дожили, что называется!

Я никогда раньше не видел снов, ни на старой железной кровати, ни на раскладушке. Вечером принял горизонтальное положение, а утром со звонком будильника — вертикальное. Никаких снов! Папа говорит, что это у нас семейное. Он тоже не признаёт снов. А Светка по утрам не хочет вставать и всё просит: «Дай досмотреть...» Когда идём в школу, всегда рассказывает свой сон. Придумывает или действительно видит?

Вчера я, наконец, сам увидел сон. Я лежал, неудобно закинув голову. Подо мной трясина. Отвратительные гигантские жабы со скользкими бородавками вращают глазами-тарелками. Я забрызган болотной грязью и боюсь их. Мне стыдно, но я начинаю дрожать. К счастью, жабы ещё не видят меня. Только бы дожидаться темноты, тогда я смогу проползти к дуплу гигантского кактуса и спрятаться.

Тьма накрывает сразу. Хорошо, что я заранее определил направление. Ползу, плотно прижимаясь к зыбким болотистым кочкам. Ползу, как учил знаменитый спелеолог — исследователь пещер Каспера. И вот я уже протискиваюсь в дупло кактуса. Жабы заметили меня. Они устремляются к кактусу гигантскими прыжками, вздымая фонтаны липкой грязи. Я в безопасности. Они гнусно квакают и ничего не могут поделать. Выползаю с другой стороны дупла: здесь день, а под ногами у меня вместо земли скатерть. Знакомая библиотечная скатерть с бахромой. Я расту-расту-расту, кактус становится всё меньше и меньше.

Да это же читальный зал! А я на столе. Библиотекарь Григорий Павлович грозит мне пальцем. Спрыгиваю со стола. Он встаёт во весь рост и молча поднимает над головой книгу. Знаю — это «Повесть о настоящем человеке». Теперь уже книга растёт, а я становлюсь меньше. Книга распаивается, и я иду сквозь неё, пролезаю через обрывки изорванных страниц. Я иду дальше, в глубь книги, поднимаюсь по лестнице. Оказывается, на мне белый халат. И вот палата. Палата, где лежит Настоящий человек и его старший друг Комиссар. Но никто не хочет смотреть на меня. Никто не отвечает. Все отворачиваются. Медицинская сестра властно берёт за плечо и произносит:

— Слово!

— Какое слово? — кричу я.

Она прикладывает палец ко рту, и по её губам я читаю: «Редакционная тайна».

...У моей раскладушки хлопочет Светка. В комнате почти светло. Она в длинной ночной рубашке, босиком.

— Славик! Славик! Что с тобой? Почему ты кричишь? Заболел?

Я ещё плохо соображаю. Но вижу, что Светка босиком.

— Марш в кровать! — сердито кричу на неё. — Я совершенно здоров. А ты простудишься. Просто видел сон...

— Ты? Сон?! — весело кричит Света. — Обязательно Расскажи.

Я встаю, натягиваю гимнастические брюки, сажусь к ней на кровать и рассказываю свой глупый сон. Она вздыхает:

— Тебе повезло, Слава. У меня таких интересных снов ещё не было.

...А в понедельник утром тайна перестала существовать. Мина разорвалась с оглушительным треском. Новый номер школьной газеты окружили ребята. Они смеялись, рассматривая карикатуру. Отвратительные жабы в болоте разинули уродливые рты. Вот откуда они ко мне пришли в сон. Обрызгивая их грязью, наша радиоракета с размаху вонзилась в болото. Заголовок «Ракета плюхнулась в грязь...» — в центре внимания. Почему-то над заголовком этой жалкой заметки значилось: «фельетон». Автором же был не кто иной, как Васенька Меньшов, один из глав-

ных виновников всех наших бед. Я прочёл заметку от первой до последней строчки. После подписи шло сообщение: «От редакции. Редакция не совсем согласна с автором фельетона, но, со своей стороны, считает, что радиокомитет должен сделать необходимые выводы».

Постепенно меня окружили все ребята из «Ракеты». Они были возмущены. Если бы ещё писал посторонний человек, а то о «хрипах и радиостонах, доносящихся из репродукторов», пишет сам Васенька — капитан радиорубки. А кроме того, здесь и просто ложь. «Расхвастались!» — писал новоявленный фельетонист. Когда это мы хвастались?..

— Сорвём! — предложил Валерик и уже потянулся к газете.

Я схватил его за руку.

— Что мы этим докажем?

На большой перемене я зашёл в библиотеку. Мне очень хотелось убедиться, такой ли читальный зал, как я его видел во сне.

Такой. Только все предметы поменьше, а кактус словно притворился, что никогда и не был большим. Григорий Павлович уже сидел за своим столом. На столе около него опять лежала изуродованная книга.

О книжке я говорить не стал, а спросил:

— На втором этаже были? Читали?

— Читал.

— Разве это справедливо?

— Не всё, но... Ты уж пятый из ребят говоришь об этой заметке.

— Обидно.

— Обидно? Но ты подумай, какая сила в печатном слове. Понимаешь?

Мне казалось, что он поддразнивает.

— Понятно, — ответил я.

— Так что же вы теперь будете делать?

Я посмотрел на Григория Павловича:

— Простите, но это редакционная тайна.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

У МЕНЯ НОВОЕ АМПЛУА

Рассказывает Валерик

Амплуа! Какое красивое слово. Попробуйте произнести его вслух. Амплуа... Амплуа... И подумать только, что ещё вчера я не знал, что это такое. А сегодня...

Всё началось с того, что в субботу, когда я вернулся из школы, мама меня встретила с таинственным видом. Такой вид у неё бывает

к моему дню рождения или когда она собирается сделать сюрприз. За обедом пришлось есть в темпе. По заведённому обычаю всякие сюрпризы бывают после обеда.

— Всё, Валерик? — спросила мама. — Тогда получай. — И протянула мне письмо.

Я ещё никогда не получал писем, чтобы на конверте стояло полностью моё имя и отчество. А тут было написано: «Валерию Валериевичу Серёгину». Мне, значит.

Маме, конечно, любопытно было узнать, что в письме. Но ведь письмо личное. Я прочёл и положил его в карман. Вы бы посмотрели, как у неё вытянулось лицо. Но она ничего не сказала, пошла на кухню мыть посуду. А меня отправила гулять.

Сначала во дворе никого из ребят не было. Потом выбежал Слава, размахивая сумкой для продуктов.

— Куда? — спросил я.

— Света за макаронами послала.

Всё-таки удивительно; он старший, а она его за макаронами посылает. Пока я думал, как сообщить важную новость, его и след простыл. Затем прошла Наташа Шагина. Она торопилась на тренировку и едва кивнула головой. Снова пробежал Слава — теперь уже с макаронами и хлебом. Стал накрапывать дождь. Хотя я и знал, что теперь посадят за уроки, решил подняться домой.

Мама всё ещё возилась на кухне. Я спросил, не помочь ли вытирать посуду. Она молча покачала головой и даже не добавила: «садись за уроки».

Я и сам пошёл. Раскрыл учебник, но думал совсем о другом. Вы знаете, всё-таки родители нас очень любят. И мы должны их хоть иногда радовать. Я принял решение. Пошёл на кухню и сказал:

— Ты знаешь, мама, я получил предложение и хочу с тобой посоветоваться.

— Пожалуйста, — сказала мама. — Мои ученики со мной часто советуются.

— Вот, — сказал я.

Чувствую, что больше сдерживаться не могу, скорей отдал ей письмо и заулыбался. А она говорит: «Мокрые руки» — и сунула письмо в карман фартука.

Тогда я не выдержал.

— Мама, читай сейчас же, ну, пожалуйста!

Вижу: заулыбалась. Прочла.

— Как я рада, Валерик! Обязательно пойдёшь. Ты обратил внимание на подпись? Это же Леон Филиппович.

Тогда я всё понял и ещё больше обрадовался. Но мама мне посоветовала пока никому, даже папе, ничего не говорить. Мама хочет, чтобы я стал артистом. А папа говорит, что нужно иметь в руках «настоящую профессию».

В четверг, после уроков, я оказался не на совете дружины, а в Доме радио. Думаю, что и каждый так поступил бы.

В парадной Дома радио в маленьком окошечке для меня был приготовлен пропуск. Теперь надо было найти студийный блок, а там — студию № 8. Мне сказали: на четвёртом этаже.

Что такое студийный блок, я, конечно, не знал, но смело пошёл широким коридором, по мягкому ковру. Справа была расставлена красивая мебель: стулья, кресла, столики; слева — широкие двери, над которыми зажигались надписи: «Тише! Идёт передача!» Как у нас в школе.

Коридор несколько раз заворачивал. И, наконец, я упёрся в стенку. Надо поворачивать назад. Дело в том, что над дверями, кроме «Тише!», висели и другие стеклянные дощечки, например: «Студия № 9», а потом вдруг «Студия № 4» и уже от руки — «На ремонте».

Когда я совершал уже третий рейс по коридору, одна из дверей неожиданно открылась, и я увидел, что она ведёт на площадку лестницы. На ступеньках сидел седой человек с очень знакомым лицом и курил трубку. Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Иди сюда, Валерик... Я твой дедушка!

Это было удивительно. У меня две бабушки, но нет в живых ни одного дедушки — так, по крайней мере, говорили папа и мама.

Не вставая, он показал рукой, чтобы я сел с ним рядом на ступеньку, и спросил:

— Марки есть? Давай меняться...

Оказывается, он даже знал, что я собираю марки. Точка-тире! Но единственная марка, которую я захватил, была на конверте приглашительного письма. Он взял конверт, вынул из него листок и прочёл знакомым голосом, с выражением:

— Дорогой товарищ Серёгин! Вас просят прибыть в четверг в Дом радио, в четыре часа, на студию номер восемь для участия в радиопостановке «Приключения болельщика».

Дальше шла закорючка, про которую мама говорила, что это подпись Леона Филипповича.

— Да, это его режиссерская закорючка, — сказал мой новый знакомый. — Сейчас он будет из нас с тобой выжимать текст. Твердо запомни: я твой дедушка. Иначе у нас ничего не получится.

Тут я уже что-то начал понимать. А когда двери на площадке лестницы открылись и к нам вышел Леон Филиппович, который был у нас

в лагере художественным руководителем, всё стало ясно. Моим дедушкой оказался заслуженный артист Дианов. Вот! И я его видел не раз по телевидению.

Леон Филиппович сразу узнал меня. Он сказал, что я здорово вырос после пионерского лагеря. Тут за ним прибежало сразу два человека. Один сказал, что его зовут вниз, другой — наверх, и он, пообещав вернуться через пять минут, зашёл в комнату рядом. Только тогда я обратил внимание, что на двери, из которой он вышел, была надпись: «Студия № 8».

— Так продолжим нашу беседу, — предложил артист Дианов. — Какое же у тебя амплуа?

— Чего-чего? — переспросил я. — Мы ещё не проходили такого слова...

— Амплуа — это актёрская специальность. Так вот, кто ты: про-стак, резонёр или злодей?

Попробуйте ответить на такой вопрос!

— Я — просто Валерик! Летом был в пионерском лагере. Там познакомился с Леоном Филипповичем. А теперь старший диктор «Ракеты». А у вас какое амплуа?

Теперь задумался он.

— Видишь ли, амплуа, собственно, — понятие устарелое. Сегодня у меня в роли есть немного комического и, представь себе, героического. Я, твой дедушка, — спортивный болельщик. Ну-ка, давай порепетируем. — И он достал из кармана несколько листочков с отпечатанным на машинке текстом.

Только через час нас позвали в студию. Вышли мы из студии усталые, вспотевшие и очень не скоро. Леон Филиппович, кажется, был доволен.

— До свидания, болельщики! Будете звучать в следующий четверг, в шестнадцать пятнадцать.

— Вот беда, — сказал, прощаясь, мой «дедушка». — Четверть пятого в четверг у меня в театре репетиция. Опять не придётся себя послушать. Послушай ты и позвони мне, как получилось.

Я записал номер телефона заслуженного артиста Дианова, он — нашей квартиры. Я, наверное, снова бы запутался в коридорах Дома радио, но мне помог найти дорогу высокий, с бантиком на шее звукооператор, который записывал передачу.

— Говорят, ты из нашей школы, парень? — спросил он меня.

— Я из своей. — И назвал номер школы.

— Я и говорю, из нашей! — обрадовался звукооператор. — Как там Кузьма Васильевич?

АНЮТА ИЛИ АННА ВАСИЛЬЕВНА?

Рассказывает автор

Как же могло случиться, что до одиннадцатой главы повести о школе мы ещё по-настоящему не познакомились со старшей пионервожатой? Автор должен принести читателям извинения. Нам придётся познакомиться не с одной, а сразу с двумя вожатыми. Школа большая — тысяча с лишним учеников — и одной не справиться. А вышло так, что младшая по возрасту из двух вожатых, Дагмара, осталась в начале учебного года единственной хозяйкой пионерской комнаты. Представляете, сколько у неё было дел! Дружинные, отрядные сборы, переборы актива, сбор металлолома, макулатуры. До «Ракеты» ли, которая ни в каких планах не значилась! А с Дагмары будут спрашивать, как выполнен план. А ребята распустились. Валерик, например, совсем от рук отбился.

Вообще Дагмара никогда не стала бы пионервожатой, если бы не тётя. По мнению тётки, Дагмара должна обязательно стать не просто каким-нибудь учителем, а научным сотрудником Института педагогики. А пионерская работа — это же чудесная практика!

«Если так рассуждать, то у белки, которая вертит колесо, тоже чудесная практика, — думает Дагмара. — Непрерывная».

Дагмара твердо решила, что это последний такой суматошный год. Даже не верится, что придёт день, когда можно будет вырваться. Ах, скорее бы приезжала старшая подруга из своих черноморских странствий. Всё-таки можно будет хоть немного вздохнуть.

Увы, именно этот долгожданный момент Дагмара и пропустила. Кто же подумает, что человек явится в школу за три дня до конца отпуска. Да ещё в восемь утра.

Сама Анюта, или — иначе — Анна Васильевна, приехав из Артека накануне поздно вечером, в семь утра уже была на ногах, а в восемь торопливо приближалась к школе, стуча высокими каблуками.

Такая поспешность была вызвана как будто деловыми соображениями. Анна Васильевна после окончания весной заочного отделения педагогического института решила, как сказал бы Валерик, «переменишь ампула», сменить пионерскую комнату на учительскую, сбор отряда — на урок в классе. Из Артека она уже писала об этом Кузьме Васильевичу, но ответа не получила.

Было всего несколько минут девятого, когда Анята, или Анна Васильевна (мы ещё не решили, как её называть), вбежала по широким каменным ступеням и рывком распахнула двери.

Первым, кого она встретила, был директор школы Кузьма Васильевич.

— Анна Васильевна, — сказал директор, — ваше письмо получил. Если настаиваете, после третьего урока готов вас принять, обсудить поставленные вами вопросы. А сейчас, простите, занят.

И он удалился, направившись мерным широким шагом в другой конец вестибюля. Посторонний мог не понять, чем занят директор школы, и даже не заметил бы проявлений радости, сдержанно выраженной. Но что поделаешь. Не все сразу понимают Кузьму Васильевича. Это утреннее время, как всегда, было отведено для пребывания именно в вестибюле, и ребят просто удивило бы, если, придя в школу, они не увидели бы здесь шагающего директора.

Поскольку вновь пришедшая ещё снимает в гардеробе пальто, смотрит в зеркало, поправляет волосы и чуть подкрашивает губы, у нас есть время выяснить, как же обращаться к ней. Сама она требует, чтобы все педагоги называли её по имени и отчеству — Анной Васильевной. С другой стороны, пионеры зовут её Анятой, и вожатая охотно отзывается.

Но вот в вестибюле, а затем в раздевалке начинают появляться самые ранние ученики. Это те, у кого будильники работают безотказно. Или те, кто выходит в школу вместе с родителями. Или же те, у кого именно в это утро до уроков в школе совершенно неотложные дела: нерешённый пример, чужая тетрадь, которую нужно отдать ещё до первого звонка, дежурство по школе или иное общественное поручение.

Не успела Анна Васильевна вернуться в вестибюль, как с разбегу ей бросилась на шею рыженькая девочка и радостно запищала: «Анята, Анята приехала!»

Надо ли говорить, что это была Света? А за ней, улыбаясь и держа портфели — свой и сестры, — стоял Слава. Анята крепко, по-мужски, тряхнула ему руку:

— Слава, Света, черти вы мои милые!

Должен сказать, что такая манера выражаться не является обязательной для вожатой и, поймав укоризненный взгляд Кузьмы Васильевича, Анята поперхнулась.

— В пионерскую? — шепнула она. Но Света и Слава отрицательно покачали головой:

— Нельзя, «Ракета»...

— Ракета? — переспросила Анята. — Что это ещё за новости?

— Посмотри во втором этаже стенную газету, — нехотя посоветовал Слава. — А нам пора.

Тем временем Анюту уже окружила стайка ребят — шумных, весёлых, радостных, и она, чтобы не мешать правильному движению потоков учащихся, «кометой» устремилась в пионерскую комнату. Хвост у этой «кометы» был порядочный.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ОСТАНЕТСЯ ЛИ АНЮТА АНЮТОЙ?

Рассказывает автор

После третьего урока я сидел в кабинете Кузьмы Васильевича и рассказывал ему о своих бедах. В руках у меня был изуродованный экземпляр «Повести о настоящем человеке».

— Позор, — горячился я. — Позор всей школе. Сколько дней мы не можем обнаружить преступника.

Кузьма Васильевич, как всегда, слушал внимательно. Но на этот раз меня злила его невозмутимость.

— Да, да, я не боюсь этого слова: «преступник». Человек, обижающий книгу, — отвратительный человек. И, поверьте, это не мелочь. Весь учительский коллектив должен помочь мне найти вредителей.

— Итак, вы предполагаете учинить всеобщий розыск, — отозвался наконец Кузьма Васильевич. — А большая ли, позвольте спросить, от этого польза? Мы будем искать, а ваши читатели будут наблюдать, как мы ищем?

Нет, я сегодня положительно не мог понять нашего директора, требовательного и нетерпимого к малейшему нарушению дисциплины.

Одновременно зазвонил телефон и раздался стук в дверь. Кузьма Васильевич снял трубку и рукой показал вошедшей — это была старшая вожатая Анна Васильевна — на кресло у стола. Я хотел уйти, но он также молча удержал меня.

Анюта волновалась. Это и понятно: сейчас должно было решиться, пойдёт ли она в класс учительницей или...

Кузьма Васильевич, казалось, не замечал её переживаний. Кончив разговор по телефону, он мог хотя бы из вежливости спросить что-нибудь о Чёрном море. Вместо этого директор без всяких предисловий обратился к ней с вопросом:

— Что вы скажете, Анна Васильевна, о «Ракете»?

Три часа назад ей было бы непонятно, о чём идёт речь. Но за это время она обегала всю школу, снизу доверху и сверху донизу, переви-

дала десятки ребят и, конечно, прочла стенную газету, в которой под разрисованными жабами была злосчастная заметка. И, хотя Анна Васильевна ждала другого разговора, она ответила прямо: даже если действительно радио сипит и хрипит, а передачи не всегда интересны, всё равно заметка — гадость. Если что-то не ладится, так надо выяснить, чем мы, педагоги, помогли Славе, Свете и Валерику и другим?

— Я буду просить вас ещё раз изложить свою точку зрения, — внимательно выслушав, заметил директор. Он нажал кнопку звонка на своём столе и спросил заглянувшую Марию Дмитриевну:

— Все собрались? Пригласите, пожалуйста.

И вот в кабинете появилась Глафира Алексеевна, завуч.

— Анюта, деточка, ты вернулась? — спросила она.

Вошёл Прохор Степанович, он пригласил приехавшую к себе на урок. Дагмара появилась позже всех. «Анюта, миленькая, ты чудесно загорела», — прошептала она, незаметно чмокнув в щёку подругу.

— Я попрошу вас обсудить перед концом учебной четверти несколько важных вопросов, — начал Кузьма Васильевич, — но до этого хотел бы воспользоваться присутствием Анны Васильевны, чтобы выяснить, как мы поддерживаем ценное начинание учащихся. Кстати, какое впечатление произвёл на вас сегодняшний выпуск «Ракеты»?

Никто из собравшихся, по-видимому, не был склонен высказываться. Но Кузьма Васильевич не хотел замечать этого и после вынужденной паузы обратился уже непосредственно к завучу Глафире Алексеевне:

— Сегодня я не слушала школьного радио. Вы же знаете, мне нужно было составить календарь поклассных совещаний. Но вообще после этого возмутительного случая со «Школьным вальсом» больше нарушений не было.

Дагмара пролепетала, что она всё утро была на семинаре в районном комитете комсомола, но передачи идут регулярно.

— В первую очередь, — предложила Дагмара, — необходимо сделать передачу о тех пионерах, которые приходят в школу без галстука.

— Наверное, подражают старшей пионервожатой, — как бы размышляя, заметил Кузьма Васильевич. И, не дожидаясь ответа вспыхнувшей Дагмары, обратился ко мне:

— Что скажете, наш уважаемый заведующий библиотекой?

— Вы же знаете, Кузьма Васильевич, я расстроен. Впервые открыли свободный доступ к полкам. И вот... Теперь рассчитываю на помощь учителей. Что же касается «Ракеты», — продолжал я, — каждая передача должна быть интересной. Каждая. А у нас плохо используется сила слова.

— Если оно не будет сиплым и хриплым, — вставила Глафира Алексеевна и скрипуче засмеялась.

— У нас не много времени и много вопросов, — прервал директор. — Анна Васильевна, расскажите о ваших наблюдениях.

Анюта повторила с ещё бóльшим чувством то, что уже говорила директору.

— Вопрос стоит так, — подытожил директор. — Или сознаться, что учащиеся взялись за непосильное дело, или помочь им использовать и слово, и технику, и организацию. Анна Васильевна, если вас попросить во всём этом разобраться? Вы ближе к ребятам, чем другой педагог.

К Анюте обращались как к педагогу, учителю с тем, чтобы она оставалась старшей вожатой пионеров... Это был мастерски рассчитанный ход. А ей в этот момент было ясно одно: ребята нуждались в её помощи. Нужно, чтобы они не оскандалили на всю школу — или, как потом уверял Валерик, на весь Атлантический океан.

И, после того как Анюта утвердительно кивнула головой, директор сказал:

— Анна Васильевна, было бы очень хорошо, если бы вы завтра же заняли своё место в пионерской комнате, а об уроках мы поговорим несколько позже.

... К концу дня все ребята из «Ракеты» собрались у меня в библиотеке. Анюта рассказывала им об Артеке, и они негромко пели новые лагерные песни, которые она привезла с собой. Распрощались только после того, как за Валериком пришла встревоженная мама.

Я услышал, как, уходя, Слава спросил:

— Так, значит, Анюта, не отступать?

— Не отступать, Слава.

— Союз, Анюта?

— Союз, Слава.

В тот день я так и не прикоснулся к своим мемуарам.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПО МЕТОДУ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Рассказывает Света

Ума не приложу, что мне делать со Славиком. Во-первых, он всё время растёт и на него не напасёшься ни обуви, ни рубашек. Но хуже всего со штанами. Почему-то всегда протираются на коленках. И вообще — он вырос из всех своих брюк. Я уже писала папе об этом. Он отвечал, что Слава должен пойти в сберкассау со своим новым паспортом и там выдадут сколько надо.

Но брюки всё-таки не самое важное. Из-за «Ракеты» и других

неприятностей Славик стал очень плохо есть. Нужно будет попробовать кормить его по утрам толокном. Мама Валерика говорит, что толокно полезно для растущего организма. Но это ещё не всё. Славе показалось, что Григорий Павлович подозревает, что он изуродовал «Повесть о настоящем человеке». Я не думаю, чтобы он так думал. Но если он так думает, это низко. Ни Слава, ни Валерик на такую гадость не способны.

Но всё-таки... Кто это сделал? У Славы в классе писали сочинение? В тот же день были вырваны листки? В тот день. Вот мальчишки увлекаются всякими шпионскими книгами. А даже маленького преступления раскрыть не могут. У Валерика мама — учительница английского языка. Ну, конечно, ему-то с английским легко. Так будто бы он на английском языке читал «Записки о Шерлоке Холмсе». И говорит, что всё понял. И что, когда у него будет свободное время, он попытается раскрыть несколько преступлений. И я решила, что Валерик во что бы то ни стало должен найти преступника.

Накануне, после пятого урока, я пришла к Григорию Павловичу и попросила отдать мне испорченную книгу. Вечером я спросила у Славы: «А ты можешь всех из своего класса по алфавиту вспомнить, как в журнале?» Он рассмеялся: «Конечно, могу!» И стал говорить подряд, а я записывала. Потом пошла к Валерику, попросила разрешения у его мамы позвонить по телефону тётё Нине, папиной сестре, и незаметно передала записочку Валерику. Я даже не знаю, зачем я писала записочку Валерику, когда можно было просто сказать. Но он прочёл записку. Удивился. И сказал: «Ладно, если не просплю».

На следующее утро Слава уходил раньше обычного. Им нужно было писать большую контрольную. И учитель математики предложил писать контрольную с восьми часов утра и ещё первый урок.

Я подождала, пока Слава уйдёт, а потом сама побежала в школу. В полутёмном актовом зале никого не было. Неужели Валерик проспит? Я подошла поближе к рубке. Удивительно: дверь приоткрыта. Тихонечко заглянула туда. Никого. На деревянной лестнице слышались шаги. Да, это был Валерик. Он зевал, как будто собирался меня проглотить.

— Ну чего? — спросил он.

— Кто, по-твоему, вырвал листы из этой книги?

— Не я, конечно, — ответил Валерик.

— И не Славик?

— Ну, и не Славка.

— Ты должен узнать, кто это сделал. Я очень прошу тебя. Это важно. Понимаешь, важно?

Он почувствовал, как я волнуюсь, и сказал:

— Я-то понимаю. Здесь темно. Надо бы обследовать книгу тщательно.

— Рубка открыта, — сказала я.

— Да ну?.. — заинтересовался он. — Идём туда.

В рубке нас обдало холодом и сыростью. На сером пыльном ящике с трансляционной установкой можно писать пальцем. Справа — платяной шкаф с незатворенными дверками. Зачем здесь платяной шкаф?

Вот рубка, в которую нас никогда не пускали. Ничего особенного. Если не считать нескольких рубильников и приборов, просто сырая и холодная неубранная комната. Сюда бы горячей воды да тряпку, да стирального порошка...

— Вот! — сказала я, доставая из портфеля книжку и тетрадку, где были выписаны фамилии Славиных товарищей. — Если ты действительно читал по-английски и понял Шерлока Холмса, то такое несложное преступление, конечно, раскроешь.

— Попробуем, доктор Ватсон, — ответил Валерик.

Тетрадку он пока отложил в сторону. А книжку стал вертеть перед глазами; долго разглядывал обложку, подносил её к самому носу, вытягивал руку и всматривался в неё издалека. Потом зачем-то понюхал корешок:

— «Повесть о настоящем человеке», — произнёс он. — Автор — Борис Полевой.

— Это известно и без тебя!

— Не волнуйтесь, — успокоил меня Валерик, — Запишите, доктор Ватсон, — продолжал он, заглядывая на самую последнюю страницу, где мелким шрифтом набирается то, что никто не читает. — Зак. 2919. Бум. 70 × 108¹/₃₂. Тираж 100 тыс. А-01459. Подписано к печати 10/IV 1947 г. Доктор Ватсон, запишите в тетрадку, где обозначены фамилии возможных преступников, цену книжки и помножьте на десять.

— Зачем?

— Не задавайте несвоевременных вопросов. Помните, что вы, доктор Ватсон, отличаетесь исполнительностью, но не болтливостью. Ну, теперь с книжкой всё.

— Валерик, но ты же не посмотрел, какие страницы вырваны.

— Доктор Ватсон... Света, это ты правильно. Итак. Записывай: кончается сто двадцать восьмой, снова начинается сто шестьдесят первой. Значит, вырваны страницы...

Но какие страницы вырваны, Валерик так и не успел сказать. За дверью раздался шум. По актовому залу гулко топали две пары ног. Это, наверное, капитаны. Больше некому. Что они скажут, увидев нас в рубке? Той самой,

на дверях которой написано: «Вход посторонним совершенно воспрещён».

Выходить из рубки было поздно. Неприятностей не оберёшься.

Спрятаться за стол?? Но не пройдёт и минуты, как нас накроют. Мы посмотрели друг на друга и бросились... к шкафу у двери.

Я рассказываю долго, но всё это не отняло и минуты. К счастью, большое отделение шкафа оказалось почти пустым. Только в одном углу разбросаны какие-то бумаги. Вот когда Валерик мог быть доволен своим ростом. Мы отлично уместились. И старались не дышать, потому что капитаны уже были в рубке.

Васенька ругал Коку:

— Во козёл! Почему рубку оставил открытой?

— Сам козёл. Ты же последний уходил.

Мы затаили дыхание. Мне казалось, что я слышу, как стучит сердце Валерика.

— Ну, теперь мы скоро выживем отсюда рыжего. (Это они о Славице.)

— А здóрово у тебя получилось: «Ракета» плюхнулась в грязь!»

— Железно!

— Значит, контрольную мотаем? В восемь утра назначили. Никакого права не имеют устраивать перегрузку школьников.

— Так мы же не козлы!

— У нас с тобой перегрузки не будет! (Почему это они «козлят» на каждом шагу?)

— Ну, хватит, закрывай дверь на ключ, тащи из шкафа пластинки да сунь туда портфели.

У меня сердце перестало биться.

Кто-то подошёл к шкафу (наверное, Кока) и дёрнул за дверку. Но я крепко держалась за гвоздь, вбитый в дверку изнутри.

— Что за чёрт! — сказал Кока. — Заело, — и он с силой дёрнул ещё раз.

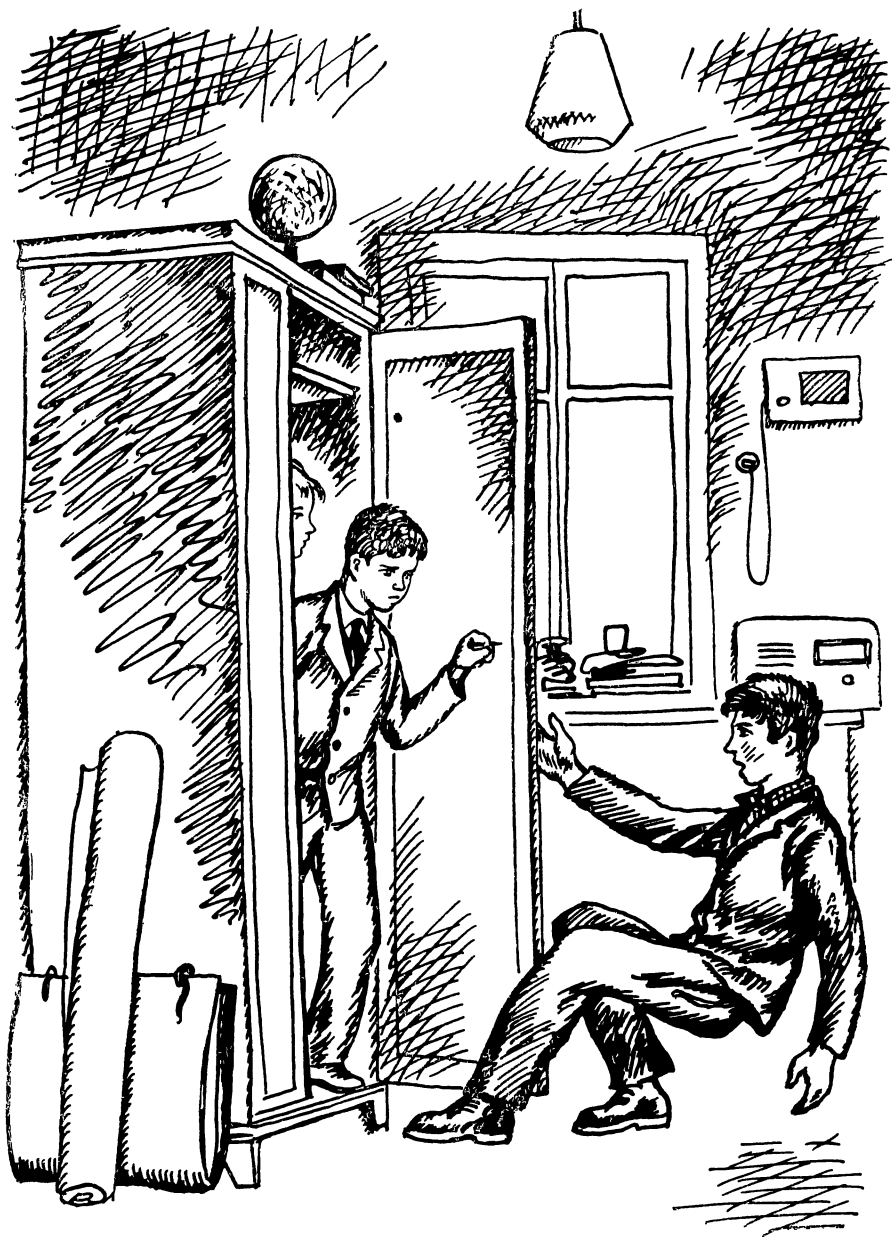
Вот тут и произошло неожиданное. Валерик потом объяснял: «Я решил действовать».

Одновременно с Кокой, дёрнувшим дверку, Валерик сам толкнул её изнутри. И Кока потерял равновесие. В это время Валерик, взяв меня за руку, шагнул из шкафа и, щёлкнув каблуками (он это умеет делать), сказал:

— Здравствуйте!

Я ещё никогда не видела, чтобы это обыкновенное слово могло так удивить людей.

Кока, который отлетел к стене, когда дверка неожиданно подалась, и Васенька, стоявший у окна, наверное, не больше удивились бы, увидев «снежного человека». Единственное, что мог произнести Васенька:

— Во, козлы!

Но уже через мгновение он занёс руку, чтобы ударить Валерика.

— Выслеживали! Продать задумали?!

И тут-то мы услышали ещё одно «здравствуйте». Это был Кузьма Васильевич.

Как вовремя он появился! Отвечал ли он Валерику, который не видел его, или просто хотел поставить нас в известность о своём присутствии — трудно сказать.

— Почему не в классе? — спросил он капитанов, не повышая голоса. — Марш на место!

Теперь дошла очередь до нас.

— А вы что здесь делаете?

Валерик сделал шаг вперёд и снова щёлкнул каблуком.

— А мы здесь в шкафу искали...

И он снова открыл дверку шкафа, наклонился и достал оттуда какие-то листки.

— Хорошо, идите! — сказал Кузьма Васильевич. Видно было, что он уже не думает о нас. Мы услышали только:

— Какую же, однако, здесь грязь развели...

Капитаны поспешили выскользнуть из рубки. Мы тоже оставили директора в рубке одного.

И вовремя. Первый звонок застал нас на лестнице. Сердце у меня колотилось. А Валерик ещё мог шутить:

— Доктор Ватсон, запомните: страницы сто двадцать девять — сто шестьдесят.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

КНИГОЕДЫ

Рассказывает Слава

Произошло то, чего я больше всего боялся. Репродукторы в классах замолчали. И, наверное, надолго. «Ракета» взорвалась на собственной передаче. Теперь я редактор несуществующей газеты. Казалось бы, самая спокойная должность — почётно и без хлопот. Тем более, что формально за техническое оборудование радиоузла отвечаю не я. Да и как бы мог я отвечать, если не разбираюсь в технике.

Когда «Ракета» выходила, её мало кто слушал. А произошла эта злосчастная авария — и прохода нет: «Почему радио молчит? Скоро ли «Ракету» выпускать будете?»

Что я могу ответить? Начинать с древней истории? А наша древняя

история заключается в том, что пока учитель физики Фёдор Яковлевич не ушёл на пенсию, радиолюбителей было больше, чем могло набиться в рубку. Его ученики теперь кто в институте, кто в армии, кто на производстве, а один даже в Атлантическом океане. Нам же осталось такое сокровище, как Васенька и Кока.

Плохо, что новая учительница физики не интересуется радиотехникой. Капитаны поставили условие, что они будут транслировать «Ракету» только в том случае, если в их работу никто не будет вмешиваться. А тут ещё Валерик со Светой забрались в рубку. И надо же им было разоблачить именно Коку.

Не давать тогда передачи было нельзя. И Анюта настаивала. Дали передачу — и остались без «Ракеты». И надолго. Нужен капитальный ремонт. Да, дорого обошлась критическая передача «Книгоеды!», недаром я помню её от слова до слова.

Сначала шло как обычно.

«Внимание! Внимание! Внимание!

Говорит «Ракета»!

Говорит «Ракета»!

Постоянная радиогазета нашей школы.

Передаём двадцать девятый выпуск.

Слушайте нашу передачу «Книгоеды»!

Ребята!

Знаете ли вы, что такое «троктес дивинаториус»? Если вы не знаете, пойдите в нашу библиотеку и попросите у Григория Павловича Большую Советскую Энциклопедию. Не забудьте, вам нужен двадцать первый том. Между словами «Книжка» и «Книжная летопись» вы и найдёте то, что нужно. «Троктес дивинаториус», или по-русски книгоед, — книжная вошь — опасный вредитель книг. Если не бороться с этим вредителем, он распространяется очень быстро.

В нашей школе тоже появилась разновидность «книгоеда». Эта разновидность ещё плохо изучена, однако можно полагать, что у неё также нет крыльев. Зато есть наглость.

Наш школьный книгоед изуродовал экземпляр книжки советского писателя Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Начисто вырваны страницы от сто двадцать девятой до сто шестидесятой. Сколько ребят могли бы ещё перечитать эту героическую книгу!

Некоторые высказывают предположение, что страницы уничтожены насекомыми. Люди, настоящие люди, не могли так поступить с любимой книжкой о герое лётчике Мересьеве. Мы всё-таки думаем, что вредительством занимался именно книгоед. А сделано это для того, чтобы списать сочинение. И уж не так трудно найти этого книгоеда, пусть он заплатит за книгу в десятикратном размере, как об этом говорится в законе.

Итак, мы обращаемся:

— Троктес дивинаториус, отзовись! Плати штраф, книгоед, или книжная...»

...Вот на этом месте всё и произошло. Дверь из рубки с шумом распахнулась, и Кока с криком: «Это я троктус?! Это я вошь?» — кинулся к микрофону, где вёл передачу Валерик. Я едва успел встать между ним и Валериком, как в это время в рубке что-то вспыхнуло и запахло жжёной резинкой. Передача была сорвана. Наша радиорубка выбыла из строя. Перегорело что-то очень дорогое и труднозаменяемое. К тому же у школы не было сейчас денег на ремонт. Но даже если бы нам и починили, Кока категорически отказался дальше проводить передачи. Васенька заявил, что у него много двоек (чистая правда!) и он тоже не может отвлекаться на посторонние дела. Так и заявил: «Посторонние дела»! И мы остались без техники и без техников.

Григорий Павлович говорит, что он обязан взыскать с Коки десятикратную стоимость книги. А его сочинение, которое он писал на тему «В жизни всегда есть место подвигам», было оценено жирным колом. Глафира Алексеевна написала красным карандашом очень ехидно: «И списывать надо уметь. В книге запятые расставлены совсем не так!»

Но кто ещё подложил нам свинью, как вы думаете? Валерик. Тот самый Валерик, который предложил назвать радиогазету «Ракетой» и хотел стать её первым редактором — наш старший диктор. Его уже не устраивает работа школьного диктора. Он хочет менять «амплуа» — стать артистом. Сначала радиоартистом, а там видно будет!

Каждый по-разному отнёсся ко всем нашим бедам. Одни сочувствовали, другие ругали меня. И только Анюта сказала: «Ну, Слава, давай из ошибок извлекать уроки. Теперь — действовать энергично!»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА!

Рассказывает Валерик

В четверг, в шестнадцать часов пятнадцать минут, мы с мамой сидели на диване и напряжённо ждали. Собственно, мне нужно было идти на сбор совета дружины, но по городской трансляционной сети и местным станциям должна была идти передача «Приключения болельщика». Так было объявлено и в печатной программе. Однако вместо этого мы с мамой прослушали репортаж с аэродрома о приезде иностранных гостей в наш город.

В следующий четверг мы опять сидели на диване и, хотя в печатной программе было снова сказано о болельщиках, но на этот раз болельщиками стали мы сами. Прозвенели колокольчики, и начался футбольный матч на кубок Советского Союза. Первый раз мне не понравился голос Синявского. Но мы с мамой были немного вознаграждены. После футбольного матча диктор объявил, что моя передача будет идти в воскресенье в десять часов тридцать минут.

Что ж, это могло быть к лучшему. Воскресенье — день свободный. И я постарался своим друзьям, да и не только друзьям, дать знать, что именно в воскресенье они могут услышать некоторых своих знакомых по всем станциям Советского Союза или, уж если быть совсем точным, — по первой программе Всесоюзного радио.

В комнате, где у нас радио, собралось столько народу, что мне даже сесть было негде. И я принёс из чулана маленький раскладной стульчик, который мы каждое лето берём на дачу.

Кроме папы и мамы, пришли Света и её тетя Нина. Я пригласил Наташу Щагину и Петьку Файнштейна. И все шутили надо мной, говоря: «Опять что-нибудь произойдёт». Но вот перестали петь дошкольники из детского сада, и диктор объявил: «А сейчас послушайте спортивную передачу «Приключения болельщика».

Все очень смеялись, когда старый болельщик Иван Семёнович Стартиков рассказывал свои забавные истории. Он путешествовал по кратеру вулкана, искал олимпийскую медаль на дне австралийского озера, поднимался с альпинистами на Эльбрус, и лётчик сбрасывал им шоколад и цветы.

Я слышал эти истории ещё на репетиции в студии и с нетерпением ждал своего голоса. Наконец, Иван Семёнович сказал: «А теперь, мои юные друзья, я познакомлю вас со своим внуком Валериком». Тут в студии хлопнула дверь, и артист Дианов спросил: «Это ты, Валерик?», и я одновременно — там в студии и здесь у себя в комнате — сказал: «Здравствуй, дедушка!» Все засмеялись и приготовились слушать дальше. Но неожиданно в передачу вмешались дикторы или, как их там на радио называют, ведущие. Один из них подошёл к микрофону и сказал: «Иван Семёнович, пора!» Дианов даже не понял сначала и переспросил: «Что пора?» Тогда другой ведущий, женщина, ещё и заслуженная артистка республики, мягко сказала: «Дорогой наш болельщик, у нас нет времени больше на передачу. С вашим внуком и его занимательными историями мы познакомимся в следующий раз».

Мой дедушка, старый болельщик, почему-то сразу согласился, дали музыку и передачу закончили.

Они, конечно, не слышали, что я закричал: «Неправильно! Не так было. Надо продолжать передачу!» Складной стул разлезся подо мной, и я растянулся на полу. Может быть, я и не сильно ушибся, и запла-

кал, конечно, не от боли. Тем более, что Петька Файнштейн засмеялся и очень похоже передразнил меня: «Здравствуй, дедушка!» Наташа Щагина дала ему отличный подзатыльник. А тётя Нина довольно неостроумно сказала: «Валерик, у тебя очень неплохо получилось!» Они-то не знали, как я мучился на репетициях, по пять-шесть раз повторяя каждую фразу. То Леон Филиппович требовал от меня «красочки», то, оказывается, я не вовремя вступил, то мой знакомый звукооператор магнитофон не включил, то не получилось что-то у самих ведущих.

Я готов был всё это перетерпеть и никому не жаловался. Но ведь я там рассказывал много интересного, а оставили только «Здравствуй, дедушка!»

А тут ещё у нас в квартире телефон зазвонил. Кто бы это мог интересоваться мной с утра? Оказывается, «дедушка» — заслуженный артист Дианов. Как ни в чём не бывало, он засмеялся в трубку и закричал: «Слышал? Здорово мы с тобой прозвучали, внучек. Тебя, кажется, немного подрезали. Но всё-таки боевое крещение! Поздравляю!»

Это у них называется «немножко подрезали»! А я, вместо того чтобы возмутиться, сказал «спасибо».

Когда я повесил трубку, все сделали вид, будто ничего не произошло. Петька уже удрал. Исчезла Светлана, уведя свою тётю Нину. А папа вдруг предложил:

— Ну, вот что, Серёгин-младший, а если мы с тобой махнём на острова, в Центральный парк культуры и отдыха?

Только мама поняла меня, но лучше бы не целовала при всех, точно я маленький. А Наташа сказала:

— Валерик, мне очень хочется, чтобы ты читал спортивные передачи в школе. Не знаю, как артист, а диктор ты самый лучший в нашей школе.

Да, стоит после этого менять амплу! Как глупо я растрезвонил, что стал артистом. Действительно — «Здравствуй, дедушка!»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ЧЁРНАЯ НЕДЕЛЯ

Рассказывает автор

Я всё-таки снова открыл свободный доступ к полкам. А на витрине между «Дон-Кихотом» и «Тилем Уленшпигелем» поставил «Повесть о настоящем человеке», подарочное издание с отличными иллюстрациями. Коку Марева выгнал из библиотеки, запретил ему даже показываться.

Кузьма Васильевич предложил мне взыскать с Марева по закону десятикратную цену изуродованной книги. Но когда пришла мать Коки Марева — пожилая усталая женщина, — мне стало не по себе, и я ограничился стоимостью испорченного экземпляра.

В книжном коллекторе продавалось только иллюстрированное подарочное издание. Пришлось доплатить, но зато приобрели книгу с отличными рисунками.

Полюбить литературных героев — первый шаг, чтобы стать самому героем. Все ребята тянутся к хорошему. У меня начинают гореть уши, когда я вспоминаю, как был несправедлив к Валерику и Славе. Им запретить свободный доступ к полкам! Ведь именно они разоблачили этого «троктеса дивинаториуса». Ему теперь нет прохода, даже маленькие дразнят: «троктус, троктус!»

Да, Мареву сейчас нелегко расплачиваться за всё, что наделал. Хотя я и запретил ему показываться в библиотеке, но сегодня он всё же появился в читальном зале. И вот при каких обстоятельствах.

Как обычно, в конце четверти в библиотеке становится меньше читателей. Раньше у меня в читальне каждый день бывали ребята из радиогазеты. Но «Ракета» перестала выходить. И всё-таки в понедельник я ждал их. Слава пришёл после пятого урока. Он сказал, что не думает собирать легучку. Зачем? После шестого урока показалась его сестрёнка Света. Прибежала, на ходу дожёвывая пирожок, розовощёкая Наташа Шагина. Влетел Петя Файнштейн и бросился к полке поэзии. Завылся в читальный зал Валерик: «Ребята, вы здесь? Я так и думал!» На что Петя Файнштейн сказал совершенно непонятное: «Здравствуйте, дедушка! Ну, как твоё амплуа?»

Валерик рассердился и наскочил на Петю. Вмешалась Света: «Валерик больше не будет менять амплуа». Петя сказал: «Очень жалы! Значит, я снова останусь вечным запасным?»

Тут меня вызвали в канцелярию. После разговора с директором мать Коки Марева расплакалась, и секретарь директора Мария Дмитриевна решила, что только я могу успокоить её.

Когда я вернулся, дверь в библиотеку была заперта изнутри на ключ. Вот ещё новости! Я постучал раз, другой. Открыла вожатая Анна Васильевна.

— Григорий Павлович, — зашептала она мне в самое ухо, — ребята закрыли, простите за самовольство, но, поверьте, так было нужно.

Я не стал придирается, тем более что у меня к ним было дело.

— Ребята, — сказал я. — С вами хочет поговорить мать Коки Марева.

— Зачем ей говорить с нами? — спросил Слава.

— А если она хочет? — возразила Света.

— Пусть говорит, — разрешил Валерик. И остальные поддерживали его.

За Маревой пошла Наташа Шагина и пригласила её в читальный зал. Рядом с Наташей, высокой и круглолицей, Марева казалась совсем маленькой. Она вошла и стала оглядываться. Ребята поднялись со своих мест. Наташа пододвинула стул. Но Марева упорно не хотела садиться. Только после того, как Слава сказал: «Тогда и мы будем стоять», — она присела на краешек стула и вдруг снова заплакала. Ей хотели дать воды, но она отодвинула стакан и заговорила:

— Вот что я вам скажу, детки. Не справиться мне с ним. Муж в прошлый раз так отлупцевал его ремнём. И мне тоже досталось. А сейчас, если узнает, что Костенька тридцать пять рублей убытков за радио должен заплатить, он и вовсе забудёт его под пьяную руку. Простите вы его, детки! Вот библиотекарь ваш простил. — И ещё раз добавила: — Не справиться мне с ним. Пропадёт он!

Я посмотрел на ребят. Они сидели молча, сосредоточенно. Может быть, первый раз в жизни им приходилось решать судьбу человека. Пожилая женщина сказала про своего сына: «Пропадёт он!»

Затянувшееся молчание нарушила Анюта:

— Товарищ Марева! — сказала она вежливо. — Вы поймите: ребята старались, старались, а он...

— Была «Ракета» — нет «Ракеты», — вздохнул Валерик.

— Ну, простите, детки, — сказала мать Коки Марева и выпрямилась. Она оказалась вовсе уж не такой маленькой. — Я к вам по простоте своей пришла. Но раз вы такие беспощадные, учитесь себе. А моего всё равно из школы придётся брать.

— Пойдёт в вечернюю, — подбросил Петька Файнштейн. — Там легче спрашивают!

— Нет, не пойдёт, — неожиданно возразил Слава, вставая. — Во всяком случае, мы с ним поговорим. Тут ведь два разговора: один о деньгах, другой о человеке.

Вы знаете, я готов был расцеловать Славу. Но на меня в это время никто не обращал внимания.

— Я пойду разыщу Троктуса? — предложил Валерик.

— Не Троктуса, а Марева, — поправил Петька Файнштейн. — Помните, он на всех вечерах у радиолы музыку давал, а Васенька только вертелся да шумел.

— Не Марева, а Коку, — уточнил Слава. — Всё-таки большинство передач, плохо или хорошо, он провёл.

— Не Коку, а Костю, — добавила Света. И мать с признательностью посмотрел на рыженькую девочку, которая назвала её сына просто по имени.

— Троктус — Марев — Кока — Костя — Константин будет обнару-

жен и доставлен на заседание радиокомитета, — подытожил Валерик. — Доктор Ватсон, за мной! — скомандовал он Свете.

Но обнаруживать Коку не пришлось. Оказывается, он стоял за дверью и всё слышал. Теперь, невзирая на мой запрет, Марев появился в библиотеке. Договорятся ли с ним ребята? О чём и как? И тут мне пришла в голову великолепная, но рискованная идея.

Согласится ли Кузьма Васильевич? Вдвоём с Анютой уговорить его легче. Да и Маревой больше нечего делать в библиотеке. Она будет только мешать ребятам. Я был убеждён, что они сами правильно разберутся со своим недавним врагом.

Только мы вышли, как за нами щёлкнул замок. И через полчаса я второй раз в этот день принуждён был стучаться в дверь библиотеки.

Кока стоял вспотевший, растерянный. Он только говорил:

— Да, да, ребята. Только пустите меня, пожалуйста, в рубку. А то как же вы с передачами?

— Пока не станешь человеком, о рубке и не мечтай. А насчёт передач — теперь не твоя забота. У нас есть, по крайней мере, три варианта, — заявил Слава.

— Три варианта, — подтвердила Анюта.

— А вот с деньгами хуже. Это большая сумма. Да и собирать как-то неудобно.

Вот тут я и вмешался.

— С деньгами тоже может быть всё в порядке. — Последовала эффектная пауза. — Кузьма Васильевич согласился, — продолжал я. — Вопрос решается так. Школе выделили ещё полставки для уборки новых мастерских, актового зала и библиотеки. Костя может стать у нас в школе... уборщицей.

— Вы что, с-смеётесь? — спросил Кока Марев и, прихрамывая, вышел из библиотеки...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

БОЛЬШОЙ МАГНИТОФОН

Рассказывает Валерик

Итак, я твердо решил остаться диктором школьной радиогазеты. Мне не нужны, как говорится, лавры артиста. Однако быть диктором радиогазеты, которая не выходит, тоже малоинтересно. Даже старшим диктором. Когда я получил второе письмо от Леона Филипповича, твердо решил в Дом радио не ходить. Опять «Здравствуй, дедушка!»? Хватит. И так Петька задразнил.

Но потом я подумал, что правильнее всё же будет пойти и объяс-

ниться. А тут ещё присоединились деловые соображения. Мне нужно было увидеть Лёню Фогеля — парня из нашей школы.

В назначенный день, за четверть часа до назначенного времени, я был в Доме радио.

Теперь найти студию, где записываются, оказалось нетрудно. Но нам сказали, что Леон Филиппович начнёт только через час.

— Терпение, мой друг, терпение, — сказал Дианов.

И через несколько минут он уже спал в мягком кресле — одном из тех, что расставлены в широком коридоре студийного блока.

Вы помните, когда я впервые попал в Дом радио, встретил здесь звукооператора Лёню Фогеля. Он сказал, что его всегда можно найти в Большом магнитофоне. Но где он, этот Большой магнитофон? И я снова устремился в путь по лестницам-переходам Дома радио.

Всё шло хорошо, пока кто-то не посоветовал мне спуститься до самого низу и там перейти через двор на другую лестницу. На дворе было холодно, шёл дождь, и я не знал, где мне искать другую лестницу.

И тут-то неожиданно услышал:

— Ты что здесь?

Он узнал меня, парень из нашей школы!

— Ну, как там у вас? Кузьму Васильевича по-прежнему ребята боятся?

— Боятся, — сознался я. — А в школе плохо.

— Плохо? — встревожился Лёня.

Дождь противно барабанил по тёмному асфальту двора. Я уже успел основательно вымокнуть. Лёня подхватил меня под мышки, и мы попали в какой-то подвал, откуда несколько ступенек привели на узкую лестницу. Через минуту мы шли по ковровой дорожке. Со всех сторон сюда выходили двери с круглыми окошечками, иллюминаторами, как на морских пароходах. Двери в каюты были наглухо закрыты. А когда Лёня приоткрывал их, оттуда вырывался то шум симфонического оркестра, то голоса сестёр Федоровых, и даже — это в четыре-то часа дня — бой кремлёвских курантов. Но самое удивительное, что, когда открылась дверь в каюту № 5, я услышал... Я услышал голос, произносивший три, четыре, пять, шесть раз: «Здравствуй, дедушка!» Удивительно, как человек может поглупеть от неожиданности. Сначала я подумал, что это посадили в каюту Петьку, чтобы он меня передразнивал.

В комнате находилось несколько станков. У одного из них стоял молодой толстячок и смотрел, как коричневая лента бешено крутится на двух серебряных дисках. А из шкафа, который оказался гигантским репродуктором, несло: «Здравствуй, дедушка!» Парень нажал кноп-

ку, диски остановились, он отрезал от коричневой ленты порядочный кусок и зачем-то надел на шею. Он был весь увешан кусками лент.

— Этот Леон совсем замучил ребёнка, — сказал толстячок, пожимая мне руку, после того как Лёня представил меня: «Парень из нашей школы». А узнав, что я именно и есть тот замученный ребёнок, которого Леон Филиппович заставлял по десять раз повторять одну и ту же фразу, мой новый знакомый Оскар Щербатюк заразительно засмеялся:

— Ну, можешь наслаждаться. У вас с Диановым будет цикл передач.

— Ему нужно помочь, — решительно заявил Лёня, показывая на меня.

— Когда? — осведомился Щербатюк.

— До праздников. Как у вас планируется время?

— Вторник — институт, среда — институт, четверг — торжественное заседание, концерт, танцы, — перечислял Щербатюк.

— Вторник — институт, среда — институт, а вот четверг — воскресник в помощь школе и, если хорошо поработаем, танцы в школе, — поправил Лёня.

— Ты думаешь? — ещё сомневаясь, спросил Оскар.

— Уверен, — убеждённо заявил Лёня. — А теперь марш в студию — Леон Филиппович ждёт.

...Четверг был последним перед праздником днём занятий в школе. А вечером восьмиклассники устраивали бал. Ну, конечно, представители «Ракеты» могли присутствовать независимо от возраста. Но рубка молчала. Успеют ли починить радио Лёня Фогель и Оскар Щербатюк? Они приехали в три часа дня. Конечно, этот вопрос больше всего волновал девочек. Сумеют ли? Или танцевать под рояль? Уже кончилось торжественное заседание, а они ещё не показывались из рубки. И только после концерта самодеятельности по актовому залу репродукторы разнесли звуки «Школьного вальса» — злополучного вальса нашей «Ракеты». Но ведь ни Лёня, ни Оскар не знали этого. Они вышли из рубки злые, измазанные. Оскар сказал:

— Руки-ноги надо переломать тому, кто здесь хозяйничал!

Наши девочки не вслушивались в слова, они знали: радиолы работает, бал будет на славу. Пары закружились. Лёня куда-то исчез. Оскар остался в рубке. Скоро вернулся Лёня: он ездил домой переодеться. А потом и Лёня и Оскар танцевали со старшими девочками и Анютой. И Оскар даже осмелился пригласить Глафиру Алексеевну — нашего завуча. Она, оказывается, тоже танцует.

Вскоре после того, как танцы начались, Слава отправил Свету домой и попросил меня проводить её. Мне, конечно, не хотелось уходить, тем более что все очень благодарили меня за радиолу. Я объяснил, что радио починили Лёня Фогель и его товарищ Оскар. Но ребята и особенно девочки нахваливали: «Всё-таки ты молодец, Валерик, что привёл их. Как хорошо танцевать под радиолу!»

Когда я спустился в раздевалку, Света уже была одета. В дверях мы столкнулись с Дагмарой, она кого-то не пропускала на вечер.

— Это вы? — спросила она, увидев меня со Светой. — Вдвоём? — Дагмара ещё раз посмотрела на нас и сказала неизвестно к чему: — Рано!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

КРЕМ-БРЮЛЕ

Рассказывает Света

Невесёлые у нас в этом году праздники. Конечно, я сама во всём виновата. И вот хожу теперь с повязанной шеей, полощу через каждые два часа горло какой-то гадостью и думаю: как хорошо сейчас в театре на «Щелкунчике». Вместо меня пошла тётя Нина. Она говорит, что обожает балет и горячо сочувствует моему несчастью. А мне от сочувствия ещё обиднее. И Слава почти всё время сидит дома. Он в начале года отстал по математике из-за своего аппендицита, а потом из-за «Ракеты» и считает очень удачным, что у него есть время подогнать. Но я-то знаю, он не сидел бы столько дома, если бы я не захворала. Ведь мы живём одни. Маму я знаю только по фотографиям, она умерла, когда мы были совсем маленькими. А папа на Дальнем Севере. К Новому году обещает справиться с монтажом цеха и приехать.

Валерика ко мне не пускают, чтобы не заразился ангиной. Хорошо, что хоть у него горло не разболелось, ведь он слабенький. А мы столько пломбира съели. Почти килограмм. Я думаю, что теперь пломбира всю жизнь не захочу, по крайней мере, до лета. Даже крем-брюле.

Как же всё это произошло? Нам с Валериком, конечно, было обидно, что нас не оставили на вечере старшекласников. Мы бы нисколько не помешали. Но Слава сказал, что неудобно, если единственная девочка из шестого класса — его сестра — будет на вечере, и попросил Валерика проводить меня. Выходя из школы, мы встретили эту противную Дагмару, которая повела своим пудренным носом и спросила: «Вдвоём?» — точно не видела, что нас двое. И потом добавила неизвестно почему: «Рано».

Ну, мы с Валериком посмеялись над её «рано» и решили, что если действительно рано, то можно пойти немножко погулять. Мне было жарко, и я спросила просто так Валерика:

— Ты любишь пломбир?

Мы дошли до угла и купили на лотке сливочные стаканчики. Было вкусно, хотя и мало, но Валерик сказал:

— Разве это мороженое? Вот в «Лакомке»! Когда я из пионерского лагеря вернулся, мы там с мамой были. Пломбир с меренгами и клубничным сиропом. А на каждом столике стоит сифон, наливай сколько хочешь газировки.

Я ни разу не была в «Лакомке». Мы подсчитали с Валериком деньги и поехали в центр. Когда мы выходили из троллейбуса, на улицах уже зажгли фонари. Снежинки падали на пальто, на протянутую ладонь, одна очень красивая растаяла у меня на ладошке.

В «Лакомку» нас не хотели пускать — детям, видите ли, поздно, — но мы упростили. Валерик схитрил, он сказал:

— Пломбир нам велел есть доктор.

Швейцар ответил, что мороженое ни при каких болезнях не прописывают. А Валерик вспомнил, что когда у него вырезали гланды, то весь день кормили мороженым, чтобы не шла кровь. Швейцар рассмехался и распахнул перед нами дверь:

— Заходите, молодые люди!

Я убедилась, что Валерик, хотя и очень хороший, но ещё совсем не умеет ухаживать. Ну, что значит ухаживать? Когда мальчик идёт в кафе с девочкой, он должен быть очень внимательным, а не спрашивать:

— Света, ты уже отдала пальто?

И вообще мне, конечно, хотелось, чтобы Валерик не бежал вперёд и не садился за столик раньше меня. Всё-таки даже самые хорошие мальчики плохо воспитаны.

Мы долго сидели за столиком и выбирали, что взять. Во-первых, было моё любимое крем-брюле. А потом ещё марципановое, фисташковое, гранатовое, — я никогда и не пробовала даже. Это не говоря о сливочном, шоколадном, вишнёвом и кофейном.

Мы решили взять каждого сорта по пятьдесят граммов. Подсчитали деньги. Оказалось, ещё несколько копеек останется. По четыреста граммов на каждого официантка нам не дала. Сказала, что много. Мы съели по двести граммов и перешли в другой зал. Там заказали снова. Вообще-то уже не очень хотелось, но Валерик сказал:

— Раз решили попробовать все сорта, значит, нельзя отступать от намеченного.

Принесли вазочки с разноцветными шариками мороженого, и мы снова принялись за дело. Сироп на этот раз был слишком сладкий, Валерик предложил запивать его водой из сифона.

Мы нажимали рычажки, и пена шипела в стаканах. Потом пузырьки лопались, и на дне оказывалась газированная вода. На мороженое, как мы и рассчитывали, денег хватило, но, оказывается, газированная вода была тоже не бесплатной. И у нас на двоих осталось три копейки. Когда мы вышли на улицу, Валерик предложил:

— Поедем «зайцем». Что здесь такого!

Но я не соглашалась. Тогда он сказал:

— Вот тебе три копейки, а я доберусь.

По-моему, это не по-товарищески. И нам пришлось идти домой пешком.

Дул холодный ветер, вместо снежка заморосил отвратительный мелкий дождичек, под ногами хлюпала грязь. Для того чтобы согреться, мы побежали прямо, не разбирая — лужи или нет. Но не всё же время бежать. И пошли шагом. И беседовали. Валерик очень интересно рассказывает про разные марки.

Когда мы, наконец, добрались до своего дома, нам устроили встречу!

— Вы чего, полуночники, шляетесь? — выругала нас дворничиха тётя Настасья. — Метлой бы вас поучить. Смотри, Светлана, отец придет — всё расскажу.

На лестнице нас чуть не сшиб с ног Слава, бежавший навстречу:

— Так-то ты, Валерка, провожаешь...

Мне Слава ничего не сказал.

А на площадке лестницы стояла мама Валерика, и, заплавав, обняла его.

— Деточка, с тобой ничего не случилось?

Тут появился папа Валерика. Он единственный поздоровался со мной. А затем я расслышала только начало фразы:

— Ну, Серёгин-младший... — и дверь захлопнулась.

Дома Слава быстро снял с меня туфли, мокрые чулки, растёр ноги, уложил в кровать, покрыл моим и папиным одеялом. А раскладушку поставил поближе к моей кровати. Он такой хороший. Мне стало грустно, и я заплакала. Это правда, что девочки плаксы. Всё-таки плохо нам без мамы, хотя Славик очень старается. Он подошёл ко мне, приложил губы ко лбу (папа говорил, что так делала мама, когда думала, что мы простужены) и побежал к соседям за градусником. Но там меряли температуру Валерику. А потом я заснула. Врач, которого привёл Слава утром, сказал, что у меня «лакунарная ангина». Это страшное название, но ничего особенного, только глотать больно и полоскание очень противное, и температура долго держится.

Врач очень похож на доктора Айболита: толстенький, в белом халате, с маленькими добрыми глазками, смешными соломенными усами, не хватало только нарукавника с красным крестом. А когда доктор Айболит уходил, то вдруг вернулся из передней и спросил:

— Скажи, брат (это мне-то — брат!), пациент из соседней кватиры тоже питается в «Лакомке»?

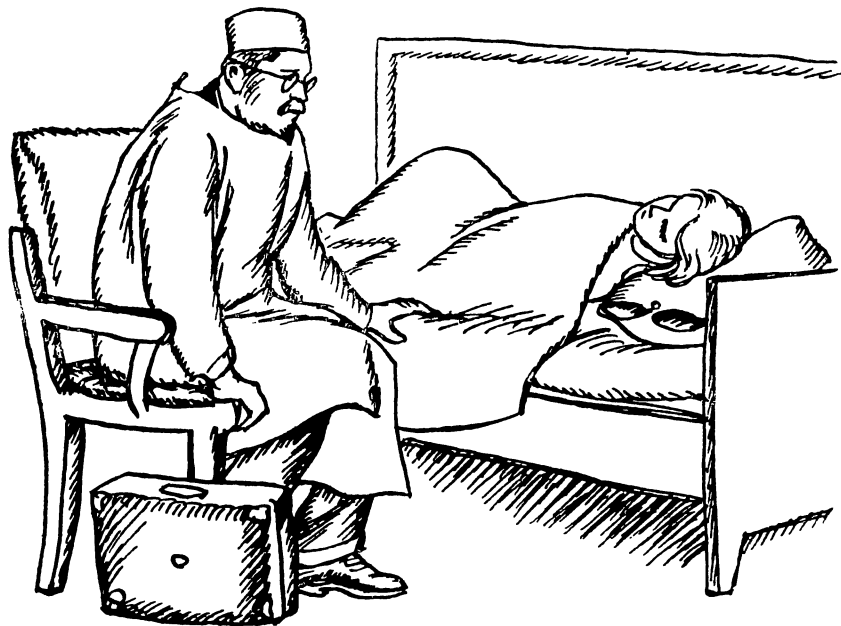
— Валерик? — спросила я.

— Серёгин, Валерий, — подтвердил он, посмотрев карточку. — У него другой вариант. Ангины нет, но голос пропал. Придётся ему недельку-другую пошептать. А тебе, брат, надо лежать, даже когда спадёт температура. Иначе сердце испортишь.

Он что-то долго ещё говорил Славику насчёт полосканий, и Славик записывал, что нужно делать. Потом обещал, что не выпустит меня на улицу, пока он, доктор, не разрешит.

Но я уже не слушала. А переживала, какая я несчастная: Валерик без голоса, я — в кровати. Как же теперь будет Слава? А мои передачи с фанфарами, по четвергам, для малышей? Бедный редактор «Ракеты»! Дура у него сестра. Вот! Ну и полощу горло каждые два часа. А то ко мне никого из ребят не пускают. Чтобы не заразились.

Крем-брюле!..

КОСМЕТИЧЕСКИЙ РЕМОНТ

Рассказывает автор

Автору уже давно хочется произвести общий обзор событий, связанных с появлением в школьном эфире «Ракеты».

Герои этой повести сейчас по горло заняты косметическим ремонтом. Что ремонтируют? Конечно, радиорубку. Вы же знаете, в каком она плачевном состоянии. Среди тех, кто протирает, моет, шпаклюет, красит, снова моет, вы узнаете своих знакомых.

Петька Файнштейн не претендует на высокую квалификацию: он согласен быть, как говорится в объявлениях, разнорабочим, и как он сам говорит, мастером на все руки. Принести ведро тёплой воды из «титана» — пожалуйста! Сбегать за синькой к завхозу — сию минуту! Достать тряпки у нянечки — в чём же дело? На нем, как на всех ремонтниках, шляпа, сделанная из газеты, и чем заляпаннее шляпа, тем солиднее чувствуешь себя. В этой шляпе, да ещё в рабочем комбинезоне можно идти и напевать или даже насвистывать, не рискуя получить замечание. Идти по коридору ни перед кем не сворачивая, все расступаются — рабочий человек идёт! Иногда Петька прихватывал с собой Валерика. Здесь для него Валерик уже не был начальством. Да и вообще Валерика не было слышно. Врач категорически запретил ему разговаривать целую неделю, угрожая, что иначе Валерик вовсе останется без голоса.

В новом положении для Валерика были свои преимущества. Так, если кто-нибудь из учителей вызывал его к доске или с места, товарищи охотно сообщали, что Валерику запрещено говорить. Первые дни это было очень удобно. А потом учителя приспособились и на всех уроках задавали Валерику вопросы, на которые он должен был отвечать письменно. А письменный ответ коварен. Можно знать в чём дело, но, объясняя, не избежать орфографических ошибок. Петьке, который совсем не был злым человеком, страстно хотелось, чтобы «Ракета» начала выходить вновь раньше, чем Валерик заговорит. А пока они работали рука об руку.

Душа ремонтной бригады, Саша Кореньков, приземистый, крепко стоящий на ногах, всё делал неторопливо, так, что переделывать не приходилось. С ним в паре любил работать Дима Андреев — секретарь комсомольского бюро, охотно учившийся у пионера. Ведь Кореньков мог подштукатурить угол, вытянуть карниз, на что другие были просто не способны.

Ещё на праздничном вечере Лёня Фогель с Оскаром заявили, что

пока они починили аппаратуру «на живую нитку», а придут заканчивать работы, когда здесь будет чисто, как «в аптеке». Тогда возникла мысль не просто прибрать, а отремонтировать радиорубку.

Дагмара спросила: «А кто это будет делать?» И Анюта сказала: «Мы!» И Слава сказал: «Мы!» И Дима сказал: «Мы!»

— А каким образом? — заинтересовалась Дагмара.

— По методу Тома Сойера, — объяснила Анюта.

— Это который Гекльберри Финн? — брякнула Дагмара.

— Нет, который Марк Твен, — серьёзно поправил Слава.

Над ней смеялись, и она это запомнила.

Вообще в желающих работать недостатка не было. Истово трудилась Наташа Шагина. «Вот это физкультура!» — говорила она, утирая пот с покрасневшегося лица. В свободное время ей с удовольствием помогала Анюта. Ну и, конечно, всегда после уроков здесь пропадал Слава.

Временно у них поселилась тётя Нина. И он мог не беспокоиться за Свету. А Света осунулась. Веснушки ещё ярче высыпали на её бледном лице, окаймлённом медно-рыжими волосами. Температура спала. Но доктор был неумолим. Он снова и снова выслушивал девочку и решил ей ходить только по комнате, да и то немного.

Кока Марев, убедившись в непоколебимом намерении Кузьмы Васильевича взыскать с него деньги, приступил к обязанностям уборщицы. Он должен был наводить чистоту в мастерских, в библиотеке, присматривать за актовым залом. Но в рубку его не пускали. В первый же день к нему подошла нянечка тётя Валя и строго спросила:

— Тебе швабру-то можно доверить? Ну-ка, покажи, как ты подметаешь.

О, это, оказывается, была целая наука. Валентина Анисимовна повела Костю к себе в кладовую под лестницу. Кладовушка была увешана картинками и фотографиями, которые бережно хранила нянечка от каждого выпуска. Было здесь и фото какого-то усатого генерала.

Кока Марев увидел в углу целый набор тряпок: одни для пола, другие для окон, третьи — обтирать цветочные горшки, четвёртые — для книжек. В первый день нянечка не дала ему швабру в руки, а велела: «Ходи за мной, смотри, как я работаю». У неё был выработан точный маршрут, и только после того, как она прошла его с Маревым, Коке были выданы тряпки: «Ну, теперь смотри, есть ли что убирать за мной?!» Нет, там, где прошла Валентина Анисимовна, не осталось ни пылинки.

— Вот так и я за тобой другой раз ходить буду. И чтобы тоже чистенько было. Это же людям радость — чистота, — потребовала Валентина Анисимовна.

Против ожидания работа даже понравилась Мареву. Если кто-нибудь оставлял мусор в мастерской, он подходил и сурово требовал: — Эй, подними-ка, за тобой убирать некому. К порядку надо причаться!

Когда Васенька попытался посмеиваться над ним, он так огрел его, что Меньшов, потирая ушибленный бок, удивлённо посмотрел на своего недавнего товарища и только ограничился словами:

— Во, козёл! Я ж пошутил. А ты бодаешься...

Пришло время первой получки, Костя постеснялся пойти за ней.

— Тебе что, деньги не нужны? — спросил его на другой день завхоз.

Часть получки была удержана на радиодетали по списку, составленному Лёней Фогелем. Но остальные деньги — небольшая, конечно, сумма — были вручены Мареву после того, как он в первый раз за свою жизнь расписался в ведомости на получение зарплаты. Кока купил коробку «Казбека», из которой важно угостил отчима, ещё килограмм «воздушной кукурузы», остальные деньги отдал матери. Договорились, что будут копить понемногу на костюм к выпускному вечеру.

В классе к Мареву начали относиться, как к человеку самостоятельному. Мне, правда, трудно было забыть, что передо мной недавний книжный вредитель. Но надо отдать справедливость, «уборщица» с должным уважением относилась к книгам, и пыль с полок вытиралась хорошо.

...Ремонт радиорубки подходил к концу. Побелены потолки, окрашены стены, покрыты масляной краской окна, двери. Во время работы много говорили о «Ракете». Надеялись, что, когда радиорубка, обновлённая, чистая, как лаборатория, войдёт в строй, «Ракета» сразу покажет себя. Но Славе было ясно, сколько трудного впереди. Света болела, Валерик не говорил, а шептал. Самые опытные, хорошие дикторы выбыли из строя. Ни одного подготовленного техника также не было — новичок Саша Кореньков ещё приспосабливался.

«А главное, — думал Слава, — это орбита». По какому курсу должна пойти «Ракета»? И вот об этом больше всего спорили после работы в рубке новые капитаны радиокорабля.

Часто к ним приходила Аня, а иногда, начав спор в рубке, все вместе

спускались в библиотеку, и там, у меня в книгохранилище, споры разгорались с новой силой. Автору не хочется преждевременно рассказывать о планах Славы, Валерика, Наташи, Анюты и всех, кто с ними. Придёт время, и вы сами оцените эти планы. Единственное, о чём нельзя умолчать, — это о секрете Анюты.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

МОЙ СЕКРЕТ

Рассказывает Аня

Нет, конечно, нужно было сбить спесь с этих скверных парней. Неужели вся школа зависит от пары великовозрастных детей, которые засели в радиорубке, крутят тягучие блюзы или крикливые джазы и прочую дребедень, ловят нужные и ненужные станции и из милости соглашаются обслуживать свою школьную радиогазету!

Старшей вожатой полагается любить всех ребят. Но за что, скажите, могу я хорошо относиться к такому Васеньке Меньшову? Ну, Кока Марев грубиян, драчун, но в нём всё-таки что-то есть. Да и жизнь у него в семье нелёгкая. Отец не родной, пьяница. Мать усталая, забитая женщина. А чего не хватает этому лоботрясу, кругленькому Васеньке? Дома всё к его услугам, хотя родители: мать бухгалтер, отец радиотехник — не так уж много зарабатывают. Отец какой-то удивительно замкнутый человек. Всё свободное время прилумывает шахматные этюды, задачи. А мать убивает время на Васеньку. Она считает, что учителя к её мальчику пристрастны, не ценят его выдающихся талантов. Васенька в нашей школе с третьего класса и с каждым годом учится всё хуже и хуже, а мама выторговывает ему отметки и не хочет замечать, что этот балбес трётся около какой-то подозрительной компании, что от сыночка несёт не только табаком, а иногда и спиртным. Мерзость!

Раньше Васенька Меньшов был просто неприятным тихоней. А теперь повзрослел, округлился, наметились усики и какая-то двойная причёска. В школе ещё ничего. А выйдет на улицу, разведёт волосы расчёской — предпоследний крик моды.

Я люблю, когда ребята называют меня Анютой. Это душевнее, чем по имени-отчеству. Но вот ко мне подошёл Меньшов и своим клейким голосом протянул:

— У вас модный загар, Анята!

Я смирila его взглядом, от которого другой покраснел бы.

— Запомните, Меньшов! Я для тебя Анна Васильевна. И вообще, если других дел нет, можешь уходить из пионерской комнаты.

И от таких хоть в чём-то зависеть...

План мой был прост и ясен. Но я порядком перетрусилась в тот вечер, когда поехала в Новую Деревню разыскивать переулочек Савушкина. Мне казалось, что я хорошо знаю город, не раз водила пионеров на экскурсии, устраивала викторины с фотографиями архитектурных памятников: «Знаешь ли ты?»

Нет, не знаю! Я затерялась в новых кварталах Новой Деревни. Когда всё-таки нашла дом № 3а, выяснилось, что это не переулок, а улица Савушкина. Переулок же был где-то ближе к Чёрной речке — и теперь снова переименован. Уже поздно, около десяти часов вечера, я звонила в квартиру № 279. Почтовый ящик — наглядное пособие почтальонам: вырезаны заглавия газет и журналов — «Комсомольская правда», «Учительская газета» и «Техника — молодежи». Внизу — совсем неизвестное мне издание: «Кинетика и анализ». Всё ясно — я у цели!

Дверь открыл он сам. Достаточно было пышной бороды, чтобы сразу его узнать. Оказывается, меня узнать труднее.

— Чем могу?.. — спросил хозяин, запахивая полосатую пижаму.

— Фёдор Яковлевич, — смутилась я, — извините, пожалуйста, но вы нам очень нужны.

— Вам? — переспросил Фёдор Яковлевич, продолжая стоять в дверях и всматриваясь в меня.

И вдруг всё изменилось.

— Анюта... — сказал он негромко и удивлённо. — Ты?! Заходи же.

В маленькой передней настала его очередь смущаться. Заметив, что встречает незваную гостью в пижаме, хозяин поспешно извинился, попросил подождать и через несколько минут, ещё поправляя галстук, пригласил меня в свою комнату. На нём был парадный костюм. Борода такая же пышная, но сам Фёдор Яковлевич стал как-то поменьше и движения его не такие широкие и плавные, как все мы привыкли видеть. А главное — ничего устрашающего. Значит, я действительно выросла. Как будто и глаза, раньше пронзительно голубые, стали мягче, подвыщели. Но это был тот, кого я искала.

Два года назад Фёдор Яковлевич Кукшин, наш учитель физики, гроза и любимец учеников, ушёл на пенсию и с тех пор в школе не показывался. Не мог он бывать гостем. А я пришла звать его на помощь.

Всё-всё, что творилось у нас, ему было интересно и необходимо, оказывается, знать. Я рассказала ему о «Ракете», о капитанах, о том, что мы не можем зависеть от двух скверных парней.

Он огорчился, узнав, что в радиоузле сгорел трансформатор. Расспрашивал о переписке с Атлантическим океаном. Он гордился Зыбковым, но многие теперешние имена ему не были знакомы. Он ничего не знал ни о Валерике, ни о Свете и только Славу, который учился у него один год, как будто припоминал. А меня долго поздравлял с дипломом учительницы:

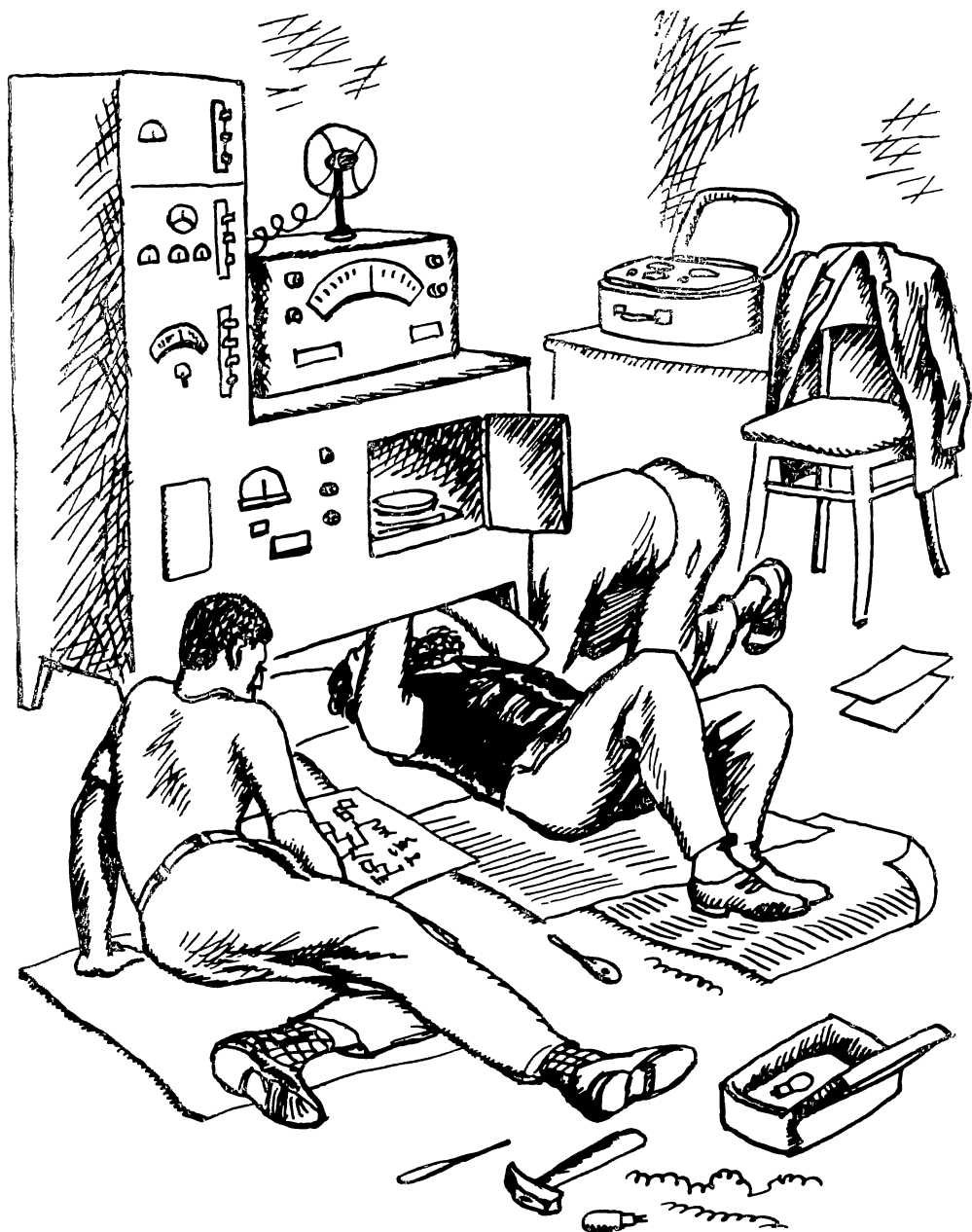
— Коллега, я обязательно буду в школе в указанное вами время. — И добавил, не то радостно, не то горестно: — Идёт время! Подумать только, Анюта — учительница!

... Фёдор Яковлевич Кукшин, как мне сказали наши нянечки, явился в школу точно в назначенное время. Весёлый, бородатый, помахивая на ходу палкой с серебряным набалдашником. Да, в точности с ним мог соперничать только Кузьма Васильевич. Зато я, хозяйка, опоздала почти на полчаса: задержали в райкоме комсомола. К счастью, ребята дожидались меня в пионерской комнате. Они с увлечением играли в бильярд и не очень-то охотно положили кии.

Мы поднялись по деревянной лестнице в актовый зал. Мы — это наша новая «техническая семёрка»: шесть мальчиков и одна девочка. Разыскивал и приводил их ко мне Саша Кореньков.

— Руки подходящие, — говорил он, знакомо с очередным кандидатом. И я видела то, что нравилось Саше: ногти короткие, обломанные, ладони шершавые. А единственную девочку Люду Иванову из шестого «г» класса он рекомендовал так:

— Какой пылесос испортила, «Буран»!

Когда я пожала плечами и спросила, в чём же доблесть, Саша с укоризной объяснил мне:

— Дома скандал был! За ремонт в мастерской восемь рублей требовали. А она сама испортила, сама и починила.

Семёрка поднималась в актовый зал, чтобы познакомиться с Фёдором Яковлевичем, впервые войти в школьную радиорубку.

По залу шли тихо, не переговаривались. Дверь в рубку оказалась закрытой. А над входом то зажигалась, то гасла надпись «Тише! Идёт передача!»

— Это они пробуют новый указатель, — пояснил Саша и, переждав, пока надпись снова потухла, постучался:

— Покажитесь, кто там? — узнала я рокочущий бас Фёдора Яковлевича.

В высокой комнате, залитой ровным мягким светом, на полу под радиотрансляционной установкой лежали трое: Фёдор Яковлевич, Оскар Щербатюк и Лёня Фогель.

Парадный пиджак Фёдора Яковлевича был повешен на спинку стула, а сам он в жилетке и рубашке с закатанными рукавами расположился на подстеленных листах газеты с отвёрткой в одной руке и электрическим паяльником в другой.

— Надо по этой схеме присоединять, — доказывал Лёня, водя пальцем по чертежу.

— А ведь можно присоединить и так, как предложил Фёдор Яковлевич, — возражал Щербатюк.

— Вам что, ребята?! Не видите — мы заняты, — наконец обратился к нам Лёня.

— Это ко мне, наверное, — сказал, вставая и отряхиваясь, Фёдор Яковлевич. — Ну, что ж, начать наше первое занятие, пожалуй, лучше всего с того места, где вы сейчас стоите.

И он, надев пиджак, приосанившись, вышел в зал. Палка с затейливым набалдашником послужила указкой, когда он начал рассказ:

— Смотрите внимательно, всё это сделано руками ваших старших товарищей. Вступать в радиорубку нужно с уважением и, я бы сказал, с чувством трепета.

Слова старого учителя гулко раздавались по актовому залу.

Старшей вожатой уже нечего было здесь делать. Когда я на цыпочках выходила из зала, я увидела Костю Марева, который сидел на подоконнике, опираясь на швабру и слушал.

— Вы помните Лермонтова? «Опять его сердце трепещет и очи пылают огнём». Равнодушным в радиорубку вход категорически запрещён. Невеждам и неряхам тоже. — И Фёдор Яковлевич взмахнул палкой, как бы подчеркнув фразу.

НАХОДКА ИЗ НАХОДКИ

Рассказывает Валерин

Только теперь ко мне возвращается голос... Я берегу его. Пусть пока Петька Файнштейн наслаждается. К тому же я привык выступать вместе со Светой, а она всё ещё не выходит из дому. Я, конечно, один во всём виноват, но теперь поздно угрызаться.

Но именно в тот день, когда я ещё очень угрызался и меня не выпускали на улицу, а мама кормила три раза в день гоголь-моголем с горячим кофе, случилось одно важное событие.

Мама побежала давать уроки в свою школу, а гоголь-моголь оставила в термосе. То есть гоголь-моголь в чашке, а кофе в термосе. Очень хотелось бы всё это переправить к Свете. Но, хотя её лакунарная ангина уже кончилась, мне всё равно не разрешали пока к ним ходить. Наши окна выходят на один фасад, и летом ещё можно было бы устроить какой-нибудь кофепровод. Но в середине ноября и у них и у нас окна закрыты на зиму. Да и вообще этот проект с кофепроводом не выдерживает никакой критики.

Когда я раздумывал над всем этим, раздался звонок в передней. Это был доктор Айболит.

— Люблю, когда сами больные открывают дверь, — сказал он, снимая пальто. — А теперь марш в комнату. — Он выслушал меня через трубочку, постучал пальцами грудь и спину, посмотрел горло и решил немного поговорить. Я воспользовался случаем и попросил его передать кофе с гоголь-моголем Свете.

— Ага, — сказал доктор, — ты меняешь репертуар. Мороженым угощал, теперь переходим на кофе. Не боишься, что испортишь ей сердце?

Тут мне стало страшно, что я мог сделать ещё одну глупость. Мне нужно было обязательно узнать правду, не очень ли опасно больна Света, и я решил схитрить, сказав доктору, что мама обязательно велела напоить его кофе. Собственно, это была почти правда. Конечно, если бы мама знала, что на улице будет такая скверная погода и к нам придёт замерзший доктор, она обязательно предложила бы ему и кофе и гоголь-моголь.

Доктор с удовольствием выпил кофе, пожалел, что этот чудесный напиток вреден Светлане. Он ушёл, пообещав передать Свете, как он сказал, мой «рыцарский привет». Я снова остался один. Пробовал заниматься, читать. А вдруг доктор ошибается или скрывает от меня и Света серьёзно, очень серьёзно больна? Мне стало тревожно, я пошёл

на кухню и как-то незаметно съел гоголь-моголь — доктор даже не пробовал его.

Не прошло и пяти минут, как в передней снова раздался звонок. Это была почтальонша: «Где здесь Серёгин? Ты тоже Серёгин? А расписаться сумеешь?».

Я расписался. Почтальонша похвалила: «Разборчиво!». И передала телеграмму. Я сразу же положил её папе на письменный стол.

Хотелось, конечно, посмотреть, что в телеграмме, но нельзя: я за неприкосновенность личной корреспонденции. Так говорит папа маме — он никогда сам не читает писем, которые ей приходят. Но, с другой стороны, вдруг что-нибудь такое, что требует... Точка-тире... Короче говоря, я аккуратненько распечатал телеграмму и прочёл. Какая-то путаница! Телеграмма оказалась из Находки.

«ПОЗДРАВЛЯЮ 13579 ПЛЮС 11 ТЧК ВЛАДЕЙ ТЧК
СТАРШИЙ ДРУГ ВИКТОР ТЧК».

Шифрованная телеграмма? Хотя... Кажется, понятно! Неужели теория вероятностей и невероятностей!

Но тут вошла мама и бросилась целовать меня:

— Почему ты такой взъерошенный, с тобой что-нибудь случилось?

Почему со мной обязательно что-нибудь должно случиться? Я показываю маме телеграмму. Она, не спросив меня, начинает звонить папе на работу. И спрашивает его: «Ты не можешь объяснить, что такое 13579 плюс 11? Кто тебя и с чем поздравляет? Что это за друг или подруга?» Я не знаю, что отвечает папа, потому что мама, не разобравшись, выгоняет меня на кухню, чтобы по телефону «выяснить отношения». Но я кричу, забыв про все запреты врачей:

— Мам, кажется, это мой мотоцикл?!

— Какой мотоцикл, что ты мне морочишь голову?

Тогда я предъявляю лотерейный билет, на котором написаны позывные нашего выпускника Зыбкова Виктора Афанасьевича. Нет сомнения, это номер действительно 13579, а серия 11, телеграмма от него. Мотоцикл. Действительно находка. А телеграмма тоже из Находки, только с большой буквы. Я снимаю с папиной полки 22-й том БСЭ (так называется Большая Советская Энциклопедия) и выясняю, что город Находка расположен в бухте того же названия залива Америка в Японском море. Всё ясно?

Вы думаете, я стал мотоциклистом? В сберкассе поздравили нас с выигрышем и предложили пойти получить... магнитофон. Мама заехала за папой, и они торжественно внесли «Эльф» на кухню. Сначала я очень огорчился. Но всё равно мне ещё шофёрские права рано получать. Потом папа показал мне, как запускать магнитофон, как перематывать коричневую ленту, и всё, что он рассказывал мне, так и запи-

салось на плёнку. Даже мамин голос: «Долго вы ещё будете там заниматься игрушками?»

В это время зашла тётя Нина.

— Что это у тебя за игрушка, Валерик? Тебе подарили?

— Не игрушка, а магнитофон «Эльфа», последней модели, — поправил папа.

— А Светочка наша скучает, — продолжала тётя Нина. — Вот бы её позабавить. Доктор говорит, что теперь к ней можно.

Дорогой доктор! Значит, передал он «рыцарский привет». Я хотел сразу же взять магнитофон. Но мама запротестовала: после болезни мне нельзя поднимать тяжёлые вещи.

Тогда магнитофон взял папа, и мы все вместе пошли через площадку.

Света лежала бледная-бледная, золотые косы, казалось, могли поджечь подушку. Мама растрогалась и поцеловала её. Папа не смог удержаться и сказал: «Пора поправляться, страдала «крем-брюле». Но Света не обиделась. Она звонко рассмеялась, и мы с папой успели записать на магнитофон, как она смеётся. Записали и тётю Нину. Она долго ахала, услышав свой голос. Потом начала угощать нас разными вкусностями.

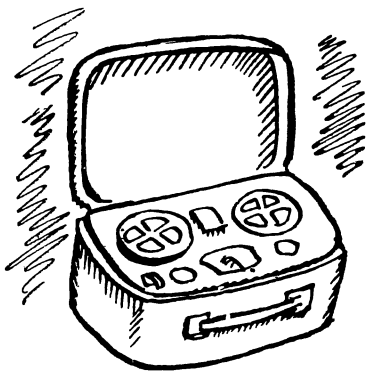
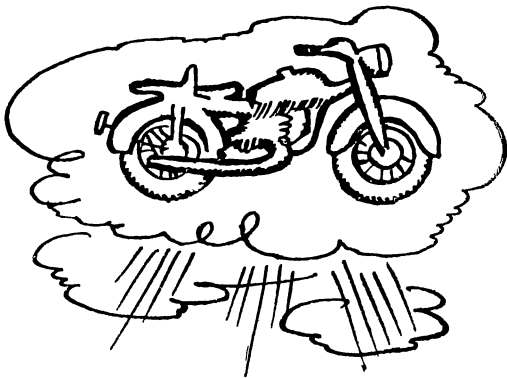
Пришёл Слава и сказал, что всё это здорово, что Виктор Афанасьевич Зыбков настоящий патриот школы, что «Эльфа» сослужит хорошую службу «Ракете». Завтра же он отнесёт магнитофон в школу.

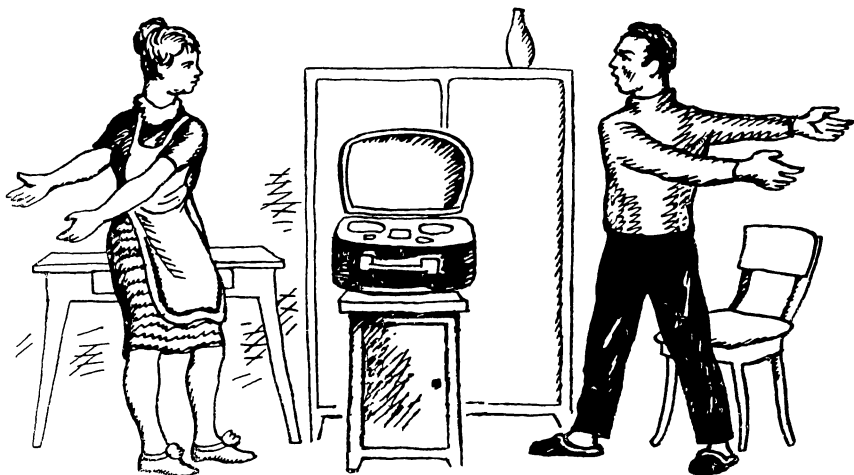
Но тут неожиданно запротестовала мама: «Мне самой это пригодится для фонетики английского языка. Если я запишу на магнитофон произношение отстающих учеников и затем правильную речь, они сразу увидят свои ошибки».

А тётя Нина стала выговаривать Славе:

— Зачем в школу нести? Вещь дорогая, озорники испортят. Подарили Валерику, — значит, у Валерика и должна быть. — И она сама унесла к нам магнитофон.

Папа и мама у меня ссорятся редко.

Но на этот раз они усадили меня в кухню. Потом мне нужно было ложиться пораньше спать, доктор требовал, чтобы я строго соблюдал режим. Меня уложили, а мама с папой продолжали «выяснять отношения» уже на кухне. Но там, наверное, было неудобно, пришли соседи... И я проснулся, потому что они продолжали спорить в комнате.

— Ты делаешь из него собственника, мелкого жадного собственника, — сердился папа.

— А ты готов отдать всё, что принадлежит твоему ребёнку, — возражала мама. — Конечно, ребята иногда могут пользоваться.

— Пользоваться, пользоваться, — сердито повторил папа.

Тут я несколько раз повернулся в кровати с боку на бок с закрытыми глазами. И родители затихли. Ужасно не люблю, когда они ссорятся. Придётся вопрос о магнитофоне решать мне самому.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

СУББОТНЯЯ ПЕРЕДАЧА, ИЛИ „НЕРЯХА ХОДИТ ПО ШКОЛЕ“

Рассказывает автор

Автор охотно предоставил бы и в этой главе слово героям своей повести. Но, к сожалению, Света ещё не оправилась от последствий ангины. Доктор разрешил ей время от времени вставать с постели и ходить по комнате. Не больше!

Валерик говорит шёпотом и через день ходит в поликлинику, где

его лечат в кабинете физиотерапии. Саша Кореньков всё свободное время проводит с «Эльфой» — магнитофоном, выигранным Валериком по лотерейному билету. Петька Файнштейн наслаждается — он читает все наиболее ответственные передачи. Больше всех дел у Славы.

В субботу «Ракета» должна снова появиться в школьном эфире, и не просто появиться, а заставить себя слушать и говорить о себе. Анята считает, что нужно взбудоражить всю школу.

Большой плакат встречает каждого, кто входит в школу, — плакат, на котором нарисован углём растопыренный человечек с портфелем, туго набитым учебниками и тетрадями. Волосы у человечка торчат пучками, а на розовых щеках чернильная клякса. Кто это? Не в вашем ли классе герой субботней передачи? Хотите узнать — приходите в субботу за четверть часа до начала уроков. Полное название передачи будет сообщено накануне.

Имеет ли всё это отношение к тому, что в восемь часов утра и Слава, и Валерик, и Петя Файнштейн, и Саша Кореньков, каждый у себя дома, с ожесточением начищают ботинки и даже подолгу вертятся перед зеркалом. А Наташа Шагина, так же как и другие девочки из «Ракеты», одевается сегодня особенно тщательно; их воротнички одобрила бы даже Белоснежка, красные галстуки пламенеют особенно ярко.

Мама спрашивает:

— Валерик, что у вас сегодня в школе? Что же ты молчишь?

Она, конечно, подозревает: неспроста Валерик настоял, чтобы вчера, не дожидаясь конца недели, была устроена, как любит говорить папа, «генеральная головомойка».

Любопытная мама спрашивает, забывая, что Валерику лучше пока не разговаривать. У микрофона ему выступать ещё совершенно невозможно. А если человек лишний раз основательно вымоется, что ж тут плохого? И Валерик молчит. Редакционная тайна!

Трудно приходится Саше Коренькову. Под его короткими обломанными ногтями вьёвшаяся железная пыль. Эти дни в школьной мастерской он много работал напильником — ещё и ещё раз пройти мыльной щёткой по пальцам.

Петя Файнштейн моется, как ирони-

чески замечает соседка по квартире, «слоями». Он уже завершил затянувшийся сегодня обряд утреннего туалета и лишь затем вспомнил о невытой шее. На фоне выстиранного и только что отглаженного подворотничка это будет особенно заметно. Эх, была не была, снова на кухню, под кран.

— Почему сегодня такое необычное внимание к шее? — интересуется та же наблюдательная соседка. Петя серьёзно объясняет, что он теперь решил относиться с уважением к шее каждый день.

Участники рейда (а их восемнадцать) могли бы найти друг друга по великолепному блеску ботинок. Их невольно разоблачает нянечка (Кузьма Васильевич не любит этого слова, он предпочитает — техническая служащая). Но для ребят Валентина Анисимовна остаётся нянечкой — тётей Валеи, — как бы её ни называли учителя.

Нянечка обращается к Славе:

— Что-то, Славик, сегодня твои ребята все разодетые, чистые, аккуратненькие?

Ей-то первой заметно, в каком виде ребята приходят в школу. Это она, вздыхая и ворча, пришивает к пальто пуговицы, которые обязательно оторвутся, если их не укрепить на ножке. Это она, не смущаясь присутствия директора, кричит на тех, кто плохо вытирает ноги при входе. Это она (даже старшие вожатые не знают!) держит у себя пионерский галстук на тот крайний случай, если кто-нибудь из её любимцев прибежит на сбор, забыв галстук дома. И она же умеет только ей известным способом выводить свежие чернильные пятна с тех же галстуков.

О, автор должен сказать, что школьные нянечки видят и знают значительно больше, чем это можно подумать.

— Молодцы, ребята, — говорит она. — Я хвалю вас.

И от неё уже нет никакой редакционной тайны. Слава наклоняется и шепчет, а тётя Валя одобрительно кивает головой и говорит, загибая пальцы: «Записывай, записывай!»

Рейд начался.

Какой рейд? Об этом можно догадаться, обратив внимание на изменения, которые претерпел плакат «Ракеты» на следующий день. Теперь через весь лист было выведено название: «Неряха идёт по школе». Но кто Неряха? Объяснение даётся внизу плаката уже мелкими буквами. «Особенно рекомендуем прослушать передачу ученикам шестых, седьмых, восьмых классов».

Участники рейда побывали везде, где могут быть ученики. И после уроков в библиотеке собрался большой радиосовет. Слава принимал заметки и каждого спрашивал:

— Факты правильны? Фамилии точны? Смотри, головой отвечаешь. Каждый кивал головой, уверяя, что он прекрасно понимает: ошибки в таком деле быть не должно.

В четыре часа, когда я отпустил всех читателей, оказалось, что, кроме корреспондентов «Ракеты», в библиотеке набралось немало любопытных. Их деликатно попросили оставить помещение. Шестиклассники и семиклассники повиновались, уступая превосходящим силам корреспондентов «Ракеты».

Только один человек делал вид, что к нему-то призыв «посторонних просят удалиться» отношения не имеет. Это не просто девятиклассник, а такой, который на голову выше самого высокого из присутствующих. Короче говоря, редактор школьной газеты Володя Антонов.

— Я надеюсь, — покровительственно похлопывая Славу по плечу, сказал Володя, — мне-то можно остаться. Вы молодцы, интересно придумали. Хотелось бы знать подробности.

— Редакционная тайна! — улыбаясь, развёл руками Слава.

— Все подробности завтра в восемь часов сорок пять минут утра, — преувеличенно вежливо произнёс Петька Файнштейн, настежь распахивая дверь библиотеки перед Володей.

— Может быть, вы его напрасно? — спросила Анюта, смотря вслед редактору стенгазеты.

— Может быть, — весело согласился Слава.

... На следующее утро раньше всех в школе появились Саша Кореньков и Костя Марев. Даже раньше Кузьмы Васильевича.

— Надо проверить сеть, — сказал Саша Кореньков.

— Надо! — поддакнул Костя Марев.

— Только в рубку я тебя не пушу, — сказал, подумав, Кореньков. — Не положено тебе.

— Не пустишь, — грустно согласился Костя.

— Ты пойдёшь по классам, — решил Кореньков. — Я буду считать вслух, а ты проверяя репродукторы.

— Есть! — почти по-военному, радостно откликнулся Костя.

Полчаса по всей школе раздавалось: «Раз, два, три... Раз, два, три...»

Нянечка Валентина Анисимовна, послушав, решила: «Опять Школьный вальс играть будут». Но она ошиблась. В восемь часов тридцать минут явился Слава. Он вручил записному диктору Петьке Файнштейну конверт. Ровно в восемь часов сорок пять минут во всех классах вновь раздалось: «Внимание! Внимание! Внимание!»

Включил репродуктор и я у себя в библиотеке.

— Говорит «Ракета!» Говорит «Ракета!» Начинаем нашу первую субботнюю передачу из цикла «Разговор по душам». Передачу

мы назвали «Неряха ходит по школе», — с упоением вещал Петька Файнштейн.

На этот раз Валерик был не у микрофона, а слушал вместе со мной в библиотеке. Как он переживал! Он только показал ребром ладони на горло, что, вероятно, должно было обозначать: «Мне-то ещё нельзя говорить».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕБЮТ „эльфы“

Рассказывает Аня

Я очень рада за ребят. Им так нужна была удача! И вот она пришла. Признаться, приятно чувствовать себя соучастницей. Но... по порядку.

В субботу я появилась в школе на час раньше положенного. Кузьма Васильевич прохаживался по вестибюлю. Он поздоровался, как всегда наклонив голову, ни слова не спросил о причине столь раннего появления, но я готова ручаться, что правая бровь его поднялась чуть выше обычного. Для непоколебимого Кузьмы Васильевича много и это. Может быть, мне показалось, но как будто бы его степенные шаги были мельче и чаще. Одно несомненно: директор, не терпящий никакого скопления и нарушения ритма потоков в раздевалке, терпеливо обходил толпу ребят, собравшихся у плаката «Неряха ходит по школе».

Подходили к плакату по-разному. Но, отходя, каждый поправлял ремень или воротничок. И это уже не мало.

А ровно в восемь часов сорок пять минут я услышала взволнованный, почти не искажённый репродуктором голос Пети Файнштейна, открывшего передачу. Вечно запасной вошёл в основной состав радиогазеты.

Я отправилась по классам. Почти везде слушали «Ракету». Петя по радио раскрывал секреты нянечки Валентины Анисимовны и просил радиослушателей подсчитать, сколько же пуговиц она пришивает к пальто в год, если ежедневно выручает пять — шесть человек.

Я заглянула в седьмой «в» класс, когда тот же Петя удивительно похоже имитировал грозное требование библиотекаря Григория Павловича: «Руки!» Оказывается, только за день, когда проходил рейд, отправлено из библиотеки мыть руки двенадцать человек с неизменным напутствием: «Хорошую книгу — в чистые руки!»

Фамилий в передаче названо не так уж много. Но вот Жорику Реготяну было самым серьёзным тоном рассказано, как делать китай-

ский фонарик из любимых им пышек и промасленных страниц учебника литературы.

Участники рейда обнаружили нескольких шестиклассников, которые делали хлопушки из бумаги, наполняли эти хлопушки водой и поливали друг друга и всё вокруг. Грязь, конечно, развели страшную.

Почему же именно эта затея так возмутила восьмой «а» класс, куда я зашла? Да очень просто. Именно восьмой «а» натирал полы в третьем этаже, где развернулась водяная баталия. И, засучивая рукава, несколько восьмиклассников ринулись в коридор. Теперь они знали, из-за кого им снизили оценку за дежурство.

Восьмиклассникам помешал, а шестиклассников спас звонок.

На переменах герои передачи бодрились, делали вид, что они польщены общим вниманием, но их хватило ненадолго.

После уроков ко мне явились ребята из «Ракеты» чуть ли не в полном составе.

— Ну как? — с торжеством спрашивали они.

— Умницы, — похвалила я. — Так и держите.

— Это ещё не всё, — скромно, но многозначительно заявил Слава. — В понедельник добывать будем.

Действительно, в понедельник я убедилась, что сама передача — это ещё полдела.

С тех пор как Валерик отдал в полную собственность «Ракеты» магнитофон «Эльфа» последней модели, прошло немного времени, но к Саше Коренькову прочно пристало удачно найденное прозвище «Эльфоносец». Ему, под персональную ответственность, вручил магнитофон Фёдор Яковлевич. Вот и на летучку «Ракеты» он пришёл с аппаратом, пристроил его и ждёт сигнала, чтобы пустить в погоню за словом магнитофонную ленту. Зажигается зелёный огонёк. Включён микрофон. Теперь только нажать клавишу...

— Нажми, Саша, — просят ребята, кружа вокруг «Эльфы», как мухи над сладким пирогом.

Но Саша не склонен забавляться. Магнитофон требует уважения. Придёт время, и он нажмёт клавишу без всякой просьбы.

Все права первым записываться на магнитофон были, конечно, у Валерика. Он выиграл «Элфу». Он придумал название радиогазете. Он старший диктор. Увы, всё ещё безголосый. Валерик что-то шепчет Саше.

— Не сомневайся, — отвечает Саша. — Обязательно заговорит!

Сегодня редакционная летучка особенно многочисленна. Кроме знакомых нам ребят, сюда приглашены, или просто приведены, герои передачи «Неряха ходит по школе».

Впрочем, где здесь неряхи? Самый требовательный глаз не обнаружит среди присутствующих неопрятного человека. И для библиоте-

каря Григория Павловича сегодня приятный день. На обычное требование: «Руки!» — ему показывают только что отмытые ладони. «Хорошую книгу — в чистые руки!» Получается вроде пароля.

Слава открывает редакционную летучку.

— На прошлой неделе, — говорит он, — мы возобновили выпуск «Ракеты».

— Знаем! Знаем! — несётся в ответ.

— В школе много говорят о нашем «Неряхе».

— Слишком много, — раздаётся реплика с конца стола.

— Кузьма Васильевич считает и просил передать, — продолжает Слава, — что мы начали очень важное дело. Но, может быть, кого-нибудь обидели зря? Как ты считаешь, Жорик?

— Конечно, зря, — охотно соглашается Жорик. — Разве это на меня похоже? — спрашивает он, показывая на плакат, перекочевавший из вестибюля в библиотеку. — Волосы торчат пучком во все стороны. У меня же волосы выются! — и он бережно огладил свою причёску. — Неряха ходит по школе. Грубо. Очень грубо. Почему нельзя сказать: неаккуратный человек? И при чём здесь китайский фонарик? А пышки я действительно люблю.

Никто, и я, конечно, в том числе, не мог удержаться от смеха. Только Слава терпеливо продолжал выяснять существо дела.

— Ну, а руки и теперь будешь мыть?

— Если вам доставит удовольствие, — вежливо согласился Жора, — могу мыть... — Он подумал: — Два раза, нет, три раза в день.

— Очень хорошо! — остановил его Слава. — Теперь послушай!

— Что ещё послушай? — уставая от вежливости, переспросил Жора.

— А ну, замрите! — перебил его Саша Кореньков. И в наступившей тишине раздались странные звуки. Кто-то быстро и пискливо забормotal на тарабарском языке.

— Это ты говоришь! — пояснил свистящим шёпотом Валерик.

— Я? — набросился на него Жорик. — Зачем издеваешься, какое право имеешь? Это я говорю? — обратился он к Славе, ища поддержки.

Но тот подтвердил.

— Ты. Только наоборот... Ленту перематывают.

— Замрите! — потребовал снова Саша Кореньков.

В наступившей тишине прозвучало: «Если вам доставит удовольствие, могу мыть... Два раза, нет, три раза в день».

И тут в микрофоне прозвучала негромкая реплика Валерика, которую мы сначала не расслышали:

— Жора научился считать до трёх. Сколько же ему теперь понадобится мыла...

На этот раз вместе со всеми смеялся и Жора.

Только шестиклассникам было не смешно. Им ещё предстояла

встреча с «Эльфой». Хлопушки — треугольнички из бумаги — лежали на столе как вещественные доказательства.

Саша Кореньков взял их в руки.

— Хорошо сделано. Чисто! — одобрил он. И для проверки махнул рукой. Хлопушка сработала — раздался щелчок. Но, к счастью, воды в ней не оказалось.

— Объясните, — предложил Кореньков.

— Да, — поддержал Слава. — Скажите нам, как вы относитесь к выступлению «Ракеты»?

Двое ребят, из неустрашимых, на этот раз выглядели жалко. Они сопели, кряхтели. Один уже начал тереть кулаком глаза. А другой выжимал:

— Ну. Значит. Не будем. Больше. Обещаем, что ли!

— Смотрите, — предупредил Слава, — эту запись в следующую субботу мы передадим по школьному радио. Может быть, ещё хотите что-нибудь добавить?

Но ребята молчали. Они даже вспотели от напряжения.

— Всё, — решил Саша Кореньков. — Хватит! Только плёнку переводим.

— Нет, не всё, — послышался знакомый голос. Я не обратила внимания, что в библиотеке находился и Костя Марев. Он пришёл убирать и застрял в книгохранилище, вытирая, или делая вид, что вытирает, пыль с книг. — Нет, не всё, — повторил он, выходя к столу. — Теперь пойдём!

И не очень вежливо подтолкнул шестиклассников.

— Марев, ты куда? — спросил сердито Слава.

— А их дружки ждут. Умели нашкодить, пусть сумеют и пол натереть. Вот когда натрут, тогда придут и в микрофон скажут. А я проверю, это на моей лестнице.

«Дружками» оказались восьмиклассники. Они немедленно взяли прибывших под конвой. И я не сомневаюсь, что на площадках третьего этажа пол на этот раз был натёрт до блеска.

Ещё несколько человек сообщили «Эльфe», как они относятся к субботнему выступлению «Ракеты». Теперь заключительная часть следующей субботней передачи, собственно, была уже готова. Ну, а начало?

Когда все посторонние ушли и с разрешения Григория Павловича дверь библиотеки была закрыта на ключ, чтобы редакционная тайна была полной, Слава спросил:

— Кто хочет предложить «гвоздевую» тему? — (Григорий Павлович рассказал им о газетных «гвоздях»). И тут не то прошипел, не то прошептал Валерик:

— Пусть Света говорит.

На него зашикали:

— Валерик! Ты же знаешь, что Света больна!

Но Саша Кореньков с совершенно серьёзным видом, о чём-то посоветовавшись с «Эльфой», что-то намотав и что-то перемотав, потребовал: «Замрите!»

Снова мы услышали шипение Валерика, теперь уже идущее с коричневой ленты магнитофона:

— Ну, говори же, Света, говори.

А затем, к общему удивлению, и больше всех к удивлению Славы, заговорила его сестра Светлана:

— Дорогие ребята, — прозвенел её голос. — Здесь нет никого посторонних? Тогда буду говорить я. Следующую передачу давайте назовём «О клипсах, брючках и прочих штучках».

— О чём, о чём? — переспросили ребята, точно Света могла их слышать.

И Саша Кореньков как полномочный представитель «Элфы» разъяснил:

— О клипсах, брючках и прочих штучках! Понятно?!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

МНЕ ПРЕДЛАГАЮТ ДРУЖБУ

Рассказывает Слава

Я понимаю — пренеприятное это ощущение, когда тебя выставляют за дверь, да ещё приговаривают: «Редакционная тайна!». И кто говорит? Малявка, вроде Петьки Файнштейна. А главное, кого выставляют? Уважаемого товарища Антонова, редактора общешкольной стенной газеты. Скандал!

Я и сам испытал нечто подобное перед тем, как они в стенгазете напечатали знаменитый фельетон «Ракета плюхнулась в грязь»... Но тайна — так тайна. Для всех.

В субботу почти вся школа пришла за четверть часа до звонка. Специальный выпуск «Ракеты» — первая передача из цикла «Разговор по душам». Слушайте, слушайте! Неряха ходит по школе...

В общем, Анята заявила, что это событие в школе.

А стенная газета? «Вымпел» промолчал! Школьный правофланговый, редактор Антонов, даже не слушал передачи. Тем хуже для стенгазеты.

Самое главное-то впереди — «По следам наших выступлений». И в следующую субботу из репродуктора слышится бормотание неволь-

ных героев «из цикла». Без всякого цветного телевидения можно убедиться, что краска заливает их теперь чистые щёки. Они обещали исправиться. И это обещание записано на плёнку. Теперь неряхи сами готовы следить за другими и, если им доверят, примут участие в новом рейде.

Девчонки... простите, девочки торжествуют. Среди них не обнаружено нерях. И, прогуливаясь под ручку с подружками на переменах, они так и сыплют:

— Нет, у него, кажется, в прошлом году была расчёска.

— Интересно, это на ботинках следы кембрийской глины?

— Мама в командировке. Приедет через месяц, сделает складку на брюках. Не возьмёт же он сам утюг в руки!

И так далее и тому подобное.

Но вот и они, острые язычки, дождались. Перед следующей субботой мальчики приободрились. Ещё бы, на плакате в вестибюле был изображён набор украшений, которые неизвестно, куда лучше продевать: в нос, или в уши, или использовать на ёлке в Зоологическом саду.

А передачу назвали «О клипсах, брючках и разных штучках».

Ну, уж в эту субботу никого не нужно было будить. Все будильники проявили полную сознательность и прозвонили на четверть часа раньше обычного.

Передачу вёл Валерик. До появления «Ракеты» немногие знали его. А теперь, выражаясь «высоким стилем», его маленькая фигура стала одной из самых заметных на школьном горизонте. И вот Валерик своим звонким, я бы сказал, подкупающим голосом рассказывает о том, как Галя Черноусова и её подруги несколько раз ходили в музей. Ходили, да не доходили. Каждый раз у Сада отдыха они сворачивали в павильон, где открыта «Выставка-продажа женских ювелирных украшений». Так они не попали в Русский музей и в Пушкинский дом.

Как-то за ними увязался Валерик — ему, как он говорил, хотелось подарить что-нибудь маме на день рождения. Но сбережений Валерика на подарок не хватило. Зато познания в области ювелирных украшений с помощью добровольных гидов неизмеримо выросли. Он узнал, какие клипсы идут из Вены, какие из Праги и какие бусы из Польши и Венгрии...

Вторую часть передачи читал Петька Файнштейн. Он рассказывал, как их отряд проиграл соревнования по пионерскому четырёхборью. Всею виной оказались брюки другой Гали — Муратовой. Вместо того чтобы прыгать в высоту в трусах или натянуть обыкновенные тренировочные штаны, «честные», как выразился Петька, она вырядилась в неудобное модное изделие и трижды сшибла рейку, кстати, разорвав при этом злосчастные брюки. Владимир Андреевич, учитель физкультуры, сказал, утешая Галю:

— Не ты, Галя, проиграла, а брюки!

— Но пионерам нашего отряда от этого не легче, — заметил Петька Файнштейн.

А в заключение передачи публиковались сатирические стихи неизвестного автора (опять редакционная тайна), посвящённые школьным модникам. «Погоди, погоди, мы накрутим бигуди, мы начешем чёлку, с нас не будет толку». Заканчивалось всё утверждением, что старая пословица, оскорбительная и неверная применительно к женщинам — «волос долог, да ум короток», — теперь становится злободневной и верной для некоторых наших парней.

В понедельник утром, как всегда, вывешивают очередной номер стенной газеты. По старой памяти я пришёл пораньше прочитать номер. Обычно мы смотрели «Вымпел» вместе с редактором Володей Антоновым. Когда я появился, он сделал вид, что не замечает меня, ещё выше задрал голову. К газете подошёл и Прохор Степанович. Некоторые ребята говорят, что интересуется он газетой как секретарь учительской партийной организации. Может быть. Но я помню, что и раньше, когда он не был секретарём, всегда в понедельник, ещё до уроков, прочитывал свежий номер, и мы с нетерпением ждали, что скажет Прохор Степанович.

На этот раз о номере он не сказал ничего, а спросил Антонова:

— Радио слушаешь, Володя?

Тот сначала не понял и переспросил:

— Какое радио?

— Наше, школьное. У них уже можно кое-чему поучиться.

— Нам?

— Вам!

Я ушёл, чтобы не мешать людям разговаривать.

А после уроков Володя и Прохор Степанович появились в библиотеке на летучке. Их не сразу заметили. Все были так увлечены спорами, что сначала было трудно разобраться. Громче всех раздавался резкий голос Гали Муратовой:

— Почему вы преследуете девочек? Что вы понимаете в модах? Что вы понимаете в брюках? — Тут раздался такой хохот, что Галя вынуждена была на минутку перевести дух. — Я хотела сказать: что вы понимаете в женских брюках? Смеются. Некультурные какие-то. А мой папа лучший закройщик ателье высшего разряда.

— Так мы не против твоего папы, — рассудительно заметила Наташа Щагина, одна из немногих девочек, которая определённо взяла сторону мальчиков. — На Рижском взморье ты была бы великолепна. Но на стадионе изделия твоего папы пострадали.

Снова смех. И сквозь него голос Петьки Файнштейна:

— А мы проиграли пионерское четырёхборье! Из-за этих брюк!

Прохор Степанович подошёл к Григорию Павловичу и с притворным удивлением спросил:

— Где же знаменитая библиотечная тишина?

Тот только отмахнулся.

Тишина наступила, когда Саша Кореньков невозмутимо провозгласил:

— Замрите!

Многие участники этой бурной встречи уже забыли, что рядом с ними крутила свои диски «Эльфа».

Теперь они слышали себя. Удивительно: каждый быстро узнавал других, а свой голос ему казался искажённым. Слушали внимательно. Шикали, если кто-нибудь слишком громко отзывался на фонограмму «Эльфы». И только один раз хохот потряс своды библиотеки, когда возмущённая Галя Муратова запротестовала:

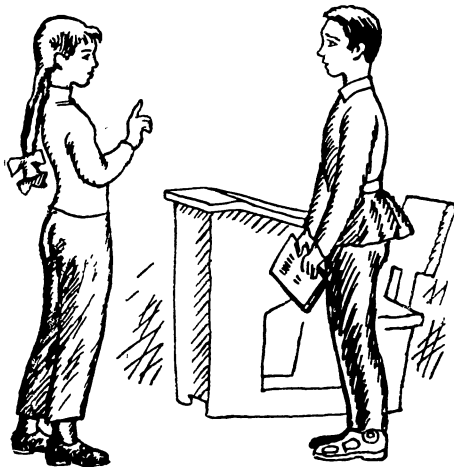
— Я этого не говорила!

«Эльфа», не возражая Гале, продолжала свой репортаж.

Володя сидел в углу грустный и молчал, хотя порой и ему, наверное, хотелось вмешаться в разговор. Мне стало вдруг не по себе. Я подошёл и, пожалуй, слишком громко, сказал:

— Ну как, коллега?

— Пришёл предлагать дружбу, — сказал он, сжимая мою руку. Если бы он знал, что «Ракета» выступит против него лично! Но тут уж я ничего не мог поделать!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ У МИКРОФОНА НАШ СПОРТИВНЫЙ КОММЕНТАТОР

Рассказывает Наташа Щагина

Мой день — вторник. В это утро я встаю на час раньше и прихожу в школу в одно время с Кузьмой Васильевичем, человеком точным, как спортивный хронометр. В четверть девятого ко мне присоединяется Слава. Мы ещё раз проверяем текст передачи. В половине девятого поднимаемся наверх. К тому времени Саша Кореньков уже в рубке.

Без двадцати девять.

— Всё готово, — говорит Саша. — Жду сигнала...

Без шестнадцати девять я усаживаюсь на стул, передо мной — микрофон. Слава машет рукой Коренькову: «Давай!» И запыхавшийся Валерик (он имеет обыкновение появляться в последнюю минуту, зная, что, в крайнем случае, его выручит Петька Файнштейн) своим удивительно звонким голосом объявляет:

«Внимание! Внимание! Внимание! Говорит «Ракета»! Говорит «Ракета»! Передаём спортивный выпуск. У микрофона наш комментатор Наташа...»

Валерик называет мою фамилию. Слава кивает головой. Я гляжу на микрофон и... у меня перехватывает горло — кажется, что не сумею сказать ни слова.

Откашливаться нельзя. Это надо делать раньше. Я умоляюще смотрю на Славу, Валерика. «Ну же, ну, Наташа, начинай!» — беззвучно требуют они. И я словно бросаюсь в холодную воду. Голос кажется чужим, хриплым. Но это только первые слова. Потом микрофон перестаёт быть врагом. Он мой друг, большой друг. Пусть меня слышат все-все в школе. Ведь я рассказываю очень интересные вещи. Иначе незачем выходить к микрофону.

По лицам Славы, Валерика, показывающегося иногда из рубки Саши Коренькова я вижу, что всё в порядке. Ну что ж, мне очень нравится быть спортивным комментатором. Признаться, я даже немножко горжусь этим.

Я понимаю, как далеко мне до Вадима Всеволодовича Синявского. Но ведь он тоже когда-то начинал и тоже, наверное, побаивался микрофона.

— Ну, как? — смотрю я вопросительно на главного редактора. Он довольно кивает головой. Валерик объявляет конец передачи. И мы бежим скорее вниз по широкой деревянной лестнице. Мимоходом я успеваю взглянуть на себя в большое зеркало. Растрёпа. Раскрасневшаяся растрёпа. На ходу поправляю волосы. Уже первый звонок. Ребята в классе, преподаватели у дверей — с картами, указками в руках, с журналами под мышкой. Я пробегаю в класс и быстро усаживаюсь на свою парту около окна.

Так повторялось много раз. Но этот вторник был совсем особенным. Я не поднималась вверх, а пошла к ребятам, которые по вторникам слушают передачу в гимнастическом зале.

Они с удивлением встретили меня. Сюрприз есть сюрприз.

— Сегодня не будет спортивной передачи?

— Выступит другой комментатор? — допытывается Володя Антонов. — Но кто, Наташа? Прямо замучили меня редакционными тайнами. — И добавляет негромко: — Значит, вечером на каток?

— На каток! — отвечаю я и громко добавляю для всех: — Сейчас Петя объявит, кто сегодня ведёт спортивную передачу. — Даже Владимир Андреевич не понимает, почему я сижу здесь, а не у микрофона. Володя садится недалеко от меня на низенькую гимнастическую скамейку. Он вытягивает свои длинные ноги, кажется, до самой середины зала.

Передача началась.

— Это ты? — удивлённо говорит Володя, услышав мой голос из репродуктора.

— Не мешай, — отвечаю я. — Дай послушать.

За меня в рубке хозяйничает Саша Кореньков, у которого на вооружении наша любимая «Эльфа». Короче говоря, это мой первый репортаж, записанный на плёнку. Репортаж с матча на кубок района.

И все мы слушаем. Владимир Андреевич, ребята и я.

— Микрофон «Ракеты» установлен на балконе гимнастического зала нашей школы, — говорит мой голос. — Идёт решающая игра на кубок района по волейболу. Первую партию выиграли хозяева поля. Они сейчас слева. Во второй партии с тем же счётом — пятнадцать : десять — победили их противники из школы имени Некрасова.

— Мы включили микрофон при счёте десять : десять в решающей партии. Судит игру ученик нашей школы Валерик Серёгин. Его знают как опытного и беспристрастного школьного судью. Вот и сегодня, несмотря на упорную борьбу и, если так можно выразиться, кипящие страсти, мы ни разу не услышали криков болельщиков: «Судью на мыло!» — или что-либо подобное.

— Подают некрасовцы. Мяч идёт низко над сеткой. Володя Антонов, наш самый высокий нападающий, подпрыгивает и пытается взять его. Напрасно! Мяч скользит по его пальцам, меняет направление и падает далеко за пределами площадки. Счёт одиннадцать : десять ведут некрасовцы. Вы слышите гул голосов — это наши болельщики. Они требуют: «Шайбу!» Ещё подача некрасовцев, и... что это с Володей? Мяч шёл на него, а он даже не шелохнулся. К Володе подбегает Слава, что-то кричит Костя Марев. На площадке поднимается шум. Вот уж не время! Ну да... Некрасовцы воспользовались растерянностью наших, и счёт уже тринадцать : десять. «Малый сэтбол», как принято говорить у болельщиков. Ещё одна сильная подача. На этот раз её принимают хорошо. Пас к сетке. Ещё один пас на выход. Bravo, Володя! Чудесный удар. И как только сумели вытянуть его некрасовцы? Вот они пасуются на своей стороне. Мяч тихо перелетает над сеткой. У Володи удобное положение. Ещё бы, такой рост, и мяч идёт прямо к нему. Он слегка подпрыгивает, бьёт. Мёртвый удар! Что это за шум? Да тут произошло недоразумение! Мёртвый-то — мёртвый, но Володя перестарался и занёс руку за сетку, на сторону некрасовцев. Валерик засчитывает и этот мяч в пользу наших противников. Но что происходит на площадке?

Володя подлетает к Валерию и начинает размахивать руками. Судья не хочет его слушать. Володя протестует. Тогда Валерик повелительно показывает рукой, предлагая Володе покинуть поле.

...Окончательный результат? Он известен уже всем ребятам, сидящим со мной на низенькой скамеечке, и огорчённому Владимиру Андреевичу. Антонов был всё-таки удалён. Оставшись впятером, наши ребята яростно сражались. Им даже удалось отыграть два мяча. Но большего наша пятёрка против шести некрасовцев сделать не смогла. Решающая партия была проиграна со счётом 15:12.

— Кто в этом виноват? — спрашивала я в конце репортажа.

И дальше скороговоркой (плёнка совсем кончалась): «Репортаж был организован редакцией ежедневной школьной радиогазеты «Ракета». Вела репортаж Наташа...» На мою фамилию плёнки так и не хватило.

— И чего ты спрашивала, кто виноват? — сердито сказал Володя, поднимаясь со скамеечки. — Ясно, твой Валерик засудил своих ребят.

Другие волейболисты поддержали Володю. Кто-то предложил даже, вроде как шутя: «Его вздуть надо!»

— Эх вы, вояки, — сказал Владимир Андреевич. — После драки кулаками размахались. Всей командой на одного Валерика, на судью. Марш на уроки! Ну, поздравляю, Наташа, с первым репортажем, — протянул руку Владимир Андреевич. — Ты у нас прямо Синявский.

Вслед за ним протянули свои руки и другие ребята. Все, кроме Володи.

— В шесть на катке? — тихо переспросила я.

— Каждый по отдельности! — громко ответил он.

— Ну, это уже низость. Да как ты смеешь?

...Пока я бежала в класс на урок, все меня поздравляли, окликали: «Синявский! Синявский!» А на душе было скверно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

СКОЛЬКО РАЗ ПРОЗВОНИТ БУДИЛЬНИК

Рассказывает Света

Я рада поболтать. Никогда не думала, что может быть так скучно дома. Особенно утром, когда все в школе.

С вечера Слава прячет будильник себе под подушку, чтобы утром не разбудить меня. Тётя Нина встаёт ещё раньше и готовит нам завтрак. С какой радостью я вскочила бы вместе с ней! Но нельзя, доктор велит лежать. Ходить разрешается недолго — и то лишь по комнате.

А тут ещё письмо от папы: «Очень рад, что вы здоровы. А из меня тут прямо пар идёт. Сплю по три-четыре часа в день — и то не каждые сутки. Но зато дела двигаются. Такой красавец цех растёт! А люди какие здесь чудесные. Вот бы вам вырасти такими. Что-то ваш отец на сон грядущий размечтался. Того и гляди, стихи писать начнёт. Да вы у меня критики строгие. А мне к тому же и отоспаться надо. Спокойной ночи, мои дорогие. И ты, моя хозяйшюшка. И ты, мой старший. Ваш папа».

Я перечитываю письмо. И мне становится грустно. Он ничего не знает о моей лакунарной ангине. Мы решили не сообщать. Тем более что в кровати доктор меня выдерживает, главным образом, как он говорит, для профилактики.

Да, грустнее всего утром, когда все ребята на уроках. А потом к нам приходит столько народу, что Слава даже «регулирует движение».

Приходят ребята из «Ракеты», и мы вместе придумываем «радиогвозди». Потом Слава садится за уроки. А я вышиваю или тоже делаю уроки.

На час меня выпускают «погулять» по комнате. Я быстро устаю. Тогда меня закутывает в свой тёплый платок тётя Нина, втискивает в кресло и открывает форточку.

Хорошо, что каждый день у нас бывает Валерик. С ним так легко разговаривать. Но именно из-за Валерика у меня серьёзные неприятности с тётей Ниной. Она ничего не понимает в дружбе. Вот и вчера. На кухне позвонили. Тётя Нина подходит ко мне и говорит:

— Светочка, дай-ка я поправлю подушки. Это, наверное, твой жених.

Я сначала даже не поняла. А когда поняла, что это про Валерика, страшно рассердилась. И сказала, что никого-никого не хочу видеть и что мне не надо никаких женихов. Что я сейчас оденусь, побегу на вокзал, уеду к папе. В общем, я расплакалась, тётя Нина испугалась. В это время в комнату постучали. Оказалось, пришёл не Валерик, а доктор. На этот раз очень строгий. Они вышли в коридор, и я слышала только, что тётя Нина поддакивала: «Хорошо, хорошо, доктор! Да уж не беспокойтесь, доктор. Хорошо, хорошо!»

Потом он вернулся в комнату, а тётя Нина пошла варить кофе. Он сел около кровати. А я лежала к нему спиной. Он посидел немного, крикнул, поднялся и сказал: «Ну, я пойду, хотел немножко побыть у тебя, но ты отвратительно принимаешь гостей. Не притворяйся, знаю, что не спишь».

Тут я не выдержала, фыркнула. Повернулась к нему и схватила за руку.

— Доктор, миленький, ну посидите, пожалуйста, со мной. Мне так скучно, так тоскливо. Посидите, Айболитик.

Я до сих пор не понимаю, как я могла такое сболтнуть. Ведь доктор мог обидеться, прислал бы вместо себя какую-нибудь противную тётку, у которой только и счастья — колоть шприцем.

Но он не обиделся, а удивился и стал пощипывать свою бородку-клинышек.

— Как ты сказала? — переспросил он.

— Айболитик, — тихонько повторила я.

— Пора бы моей пациентке знать настоящее имя лечащего врача, — проворчал он. — Запомни: Терентий Фёдорович.

— Терентий Фёдорович, миленький, — говорила я, всё ещё держа его руку. — Скажите мне правду. Вы же учились, много видели, на войне были. Только не смейтесь надо мной. Обещаете?

— Если не рассмешишь, смеяться не буду.

— Скажите, пожалуйста, могут дружить мальчик и девочка? Вот так просто дружить?

— Дурацкий вопрос, — пробормотал он и закашлялся.

Я так и не поняла, действительно он кашляет или скрывает смех.

— То есть, я хотел сказать, несколько наивный вопрос.

— Ну всё-таки? — не отставала я.

— Слушай, рыженькая! (Он так хорошо сказал, что я несколько не обиделась). Если хочешь знать моё мнение, — без дружбы не стоило бы жить на свете. Человек без друзей или урод, или несчастный. И чем раньше приходит дружба, тем радостнее.

— И не обязательно, чтобы он был женихом? Я не хочу жениха.

Тут он уже откровенно рассмеялся:

— Ты знаешь, рыженькая, я тоже против женихов. Невест я ещё признаю, но женихов...

— Значит, можно дружить просто так, потому что дружится? — допытывалась я.

— Не знаю, — подумав, сказал он. — «Просто так» — это какая-то ленивая дружба. Если уж ты меня спросила, — он осторожно высвободил руку и погладил меня по голове, — если уж ты меня спросила, то мне всегда казалось, что дружба — это восхождение к неведомым горным вершинам. Друзья идут, связанные одной верёвкой. И если один сорвётся в пропасть, он должен знать, что его друг не перережет верёвки, даже сам рискуя жизнью. Твой друг идёт вперёд и подтянет тебя. Ты идёшь впереди и помогаешь подняться другу.

В это время тётя Нина принесла кофе. Доктор выпил его и стал собираться.

— Ну-с, моя драгоценная пациентка, — сказал он уже обычным тоном, — не киснуть!..

— Но я хочу в школу!..

— А заниматься можно и дома, — сказал он смеясь и ещё раз погладил меня по голове. — Каждый сам себе может устроить школу на дому... И чтобы послезавтра глаза были весёлые. А то рассержусь.

Когда доктор ушёл, я долго думала, как же это сделать школу на дому.

Есть у нас будильник? Есть. Очень похоже на школьный звонок. Понятно? Хватит ему ночевать под подушкой Славки. Пускай звенит, как в школе. На урок! С урока! На большую перемену! На маленькую! И я буду сама заниматься в то же время тем же предметом, что и ребята. Они географию — и я географию, они историю — и я историю.

Я не выдержала и поделилась своей идеей с тётей Ниной. Она ничего не поняла.

— Всё-то ты придумываешь, Светлана. То крем-брюле, то будильник. Ежели человек болеет, то он должен болеть как полагается. Чтобы и лекарство было, и режим, и никакого умственного напряжения. А то ещё наживёшь разжижение мозгов.

Когда тётя Нина начинает говорить про «разжижение мозгов», — это надолго. Я не стала с ней спорить, а только сказала, что ужасно проголодалась. Она обрадовалась и сразу же побежала на кухню. А я потихоньку встала и взяла к себе в кровать будильник.

Валерик пришёл раньше обычного. У них было всего четыре урока. Он-то сразу всё понял.

— Вот это идея! Я даже удивляюсь, как ты сама придумала. Это настоящая мужская идея.

— Почему мужская?

— У женщин всё-таки не бывает такой силы воли насчёт ученья. Вот если бы я заболел, можно было бы попробовать.

— А Софья Ковалевская, а Зоя Космодемьянская, а Валентина Терешкова?!

Удивительно, откуда у мальчишек столько спеси, даже у самых умных? И что мне было ему ответить, когда он сказал: «Ну, ты же не Софья Ковалевская». В общем, я ему сказала, что и он не Алексей Мересьев, и не Павел Корчагин, и не Юрий Гагарин.

Пришла тётя Нина, принесла завтрак и начала нас мирить. Валерик ушёл, и мне ещё больше захотелось ему доказать, что сила воли может быть у каждой девочки.

Скоро появился Слава.

— Ну, сестрёнка, ты сегодня лучше выглядишь. Доктор был?

— Был. Долго сердце слушал. Пил кофе. И прописал новое лечение.

— Да?

— Школу на дому...

— Ты шутишь?..

Я подробно рассказала Славику о своей идее. Сначала он пытался поднять меня на смех. Но потом воодушевился и решил, что сам станет директором новой школы. Скоро мы распределили все должности. Я согласилась, чтобы Валерик стал завучем. А тётя Нина — заместителем директора по хозяйственной части. Оставалось, собственно, только две вещи: будильник и расписание звонков. Я знала только, когда звонок на первый урок и звонки с пятого и шестого урока. А теперь? Теперь мне нужно было полное расписание — восемнадцать звонков. Тётя Нина даже расстроилась. Она заявила, что не выживет, если будильник будет звонить двадцать раз в день.

Пока мы спорили, влетел Валерик. Он успел побывать в поликлинике — его горло лечат лучами УВЧ. Как он объяснил, это токи ультравысокой частоты, которые мы будем проходить в девятом классе. А Славик уже прошёл. Но дело не в лучах.

В кабинете физиотерапии, на столике у дежурной сестры, стоят необыкновенные часы. Против каждой цифры есть дырочка, в которую втыкается контакт. Когда стрелка дойдёт до нужного времени, раздаётся звонок. И медсестра вытаскивает шнур. Валерик объяснил, что это очень простое устройство. и если мы ему дадим наш будильник, они с Сашей Кореньковым сегодня же вечером разберут его и просверлят в корпусе дырочки. Тётя Нина подняла крик, что она не даст портить часы. Валерик шепнул мне, что он раздобудет другой будильник.

Славик наспех пообедав, побежал проводить редакционную летучку, обещая обязательно что-нибудь придумать и посоветоваться с ребятами из «Ракеты».

Приходили девочки и рассказывали, что за-

завуч

*зам. директора
по хозяйственной
части*

дано. День был очень хлопотливый. Я даже не поспала после обеда, как велел доктор. А тётя Нина заявила, что она больше не выдержит такой жизни и не согласна быть никаким заместителем никакого директора никакой школы. Не для того она уходила на пенсию.

Когда пришёл Прохор Степанович, я больше всего боялась, чтобы он не спросил, а что я сегодня делала. Весь день прошёл в суматохе.

Прохор Степанович рассказал мне все новости. Он знает и то, чего ребята не знают. Школа приняла заказ на клетки для белых мышей и кроликов. Проект моей школы на дому одобрил: «Очень хорошо. Я тебе и дам первый урок». И стал очень интересно рассказывать. Так что даже тётя Нине понравилось. Но урок продолжался недолго.

— Не хочу тебя утомлять. И вообще посоветуйтесь с доктором, через силу не занимайся. Если немножко и отстанешь, то мы тебя просто не аттестуем.

Я не знала, что такое «аттестуем». Но когда к нам пришла мама Валерика, узнать, нет ли его у нас, она объяснила, что это значит не выставят отметок, а спросят в следующей четверти, когда я поправлюсь. Она посмотрела почему-то на будильник. И сказала ещё: «Не могу понять, куда делся мой будильник? Я уже час его ищу. Звонила Валерию Валериевичу на работу, не захватил ли он будильника с собой. Он рассердился и заявил, что на работе не спят и никого будить не надо».

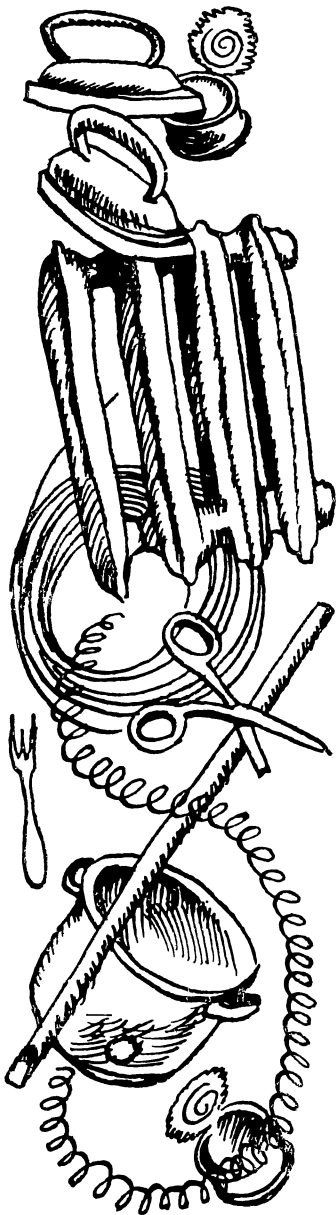
И я подумала, что всё-таки Валерик и Саша Кореньков будут приспособлять часовой механизм для моей школы на дому.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ КРЫШКА ОТ ЛЮКА, ИЛИ КТО ПРАВ?

Рассказывает Слава

Это нужно продумать. И очень основательно, чтобы потом ещё больше не начудачить. Могут ли быть правы два человека, если один говорит да, а другой — нет. Как будто, нет. Тогда, значит, прав один из них? Как будто, да. Но кто? Или, может быть, мы оба не правы?

Ну, разберёмся. Прежде всего — факты. Пионеры собирают металлический лом. И не просто так, а чтобы этого металла хватило на сооружение тепловоза для детской железной дороги. Хорошо это? Бесспорно. Каждый класс должен собрать полтонны лома. Шестой «а» собрал полторы. Втрое больше любого другого класса, в том числе и больше нашего, девятого. И вот в понедельник, за полчаса до первого

звонка, вывешивается еженедельная школьная стенная газета «Вымпел», где пионеры 6-го «а» класса называются передовым дружным отрядом победителей. А за десять минут до звонка радиогозета «Ракета» задает вопрос: «Куда пропала крышка от люка?» И пионеры 6-го «а» класса — уже вредные, а не полезные ребята.

Кто же прав — «Ракета» или «Вымпел»?

На первом уроке у нас было пение. С начала года поём «Среди долины ровных» и никак не можем спеться. Так вот, весь первый урок ушёл у ребят на споры, кто же прав. Пока пели первые голоса, спорили вторые, пели вторые — спорили первые. Продолжали спорить ещё громче на перемене.

Володя Антонов говорит:

— Полторы тонны есть? Есть. Тепло-воз будет? Будет. На остальное наплевать. Надо уметь видеть главное в каждом явлении.

Я возражаю:

— Тебе важно сколько. А как и что — безразлично. Полторы тонны — значит, победитель? А то, что добрая половина утащена у дворников, раньше собравших лом, а то, что для округления веса Петька Файнштейн вместе с ребятами притащил крышку от канализационного люка, — это тебе всё равно?

— Ну, насчёт крышки от люка я не знал, — отвечает Володя Антонов. — А что стоящие вещи в лом бросают — это и у тебя опыт есть. Не забыл, как свою кровать в металлолом сдал?

— И дурак был, сознаюсь. За то наказан. До сих пор на раскладушке сплю. И ведь я свою кровать отдал. А тут государственная вещь. Вот если кто-нибудь сломает ногу, попадёт в темноте в люк, — твой же отец, за компанию, пострадает.

— Почему мой?

— Да он же управдом, или, как называют, техник-смотритель.
— Так это в нашем доме?
— В нашем, вашем — неважно. «Надо уметь видеть главное в каждом явлении».
— А главное всё-таки, что ребята собрали полторы тонны лома.
— Заладила сорока Якова одно про всякого.
— Сам не знаешь, что болтаешь. Действительно, рыжий-красный — человек опасный.
— Ну... За это по морде быют...

И мы чуть не сцепились. К счастью, у нас вторым уроком была астрономия, и в дверях показался Прохор Степанович.

На уроке было тихо, хотя мне казалось, что многие думали не о звёздах. После звонка мы окружили Прохора Степановича и, как он сказал, «спустились с высот небесных на грешную землю». Он внимательно всё выслушал, но предложил разобраться самим.

— Попробуйте поспорить на комсомольском бюро. Это полезный спор, только без кулаков, конечно. Ну, а уж если комсомольскими силами не разберётесь, тогда сядем подумаем вместе.

Следующий урок — физкультура. Владимир Андреевич отвёл вторую половину урока на волейбол. Капитанами назначил Володю Антонова и меня. Обычно в таких случаях каждый мечтает попасть в команду Антонова. Но на этот раз заупрявился Костя Марев и попросился ко мне.

Я спросил его почему и получил неожиданный ответ:

— Не хочу с ним. Вредитель он прямо, зачем в лом бросать нужные вещи!

Я сначала даже не понял, о чём это Костя. Оказывается, всё о крышке от люка. Скажи пожалуйста, даже его задело!

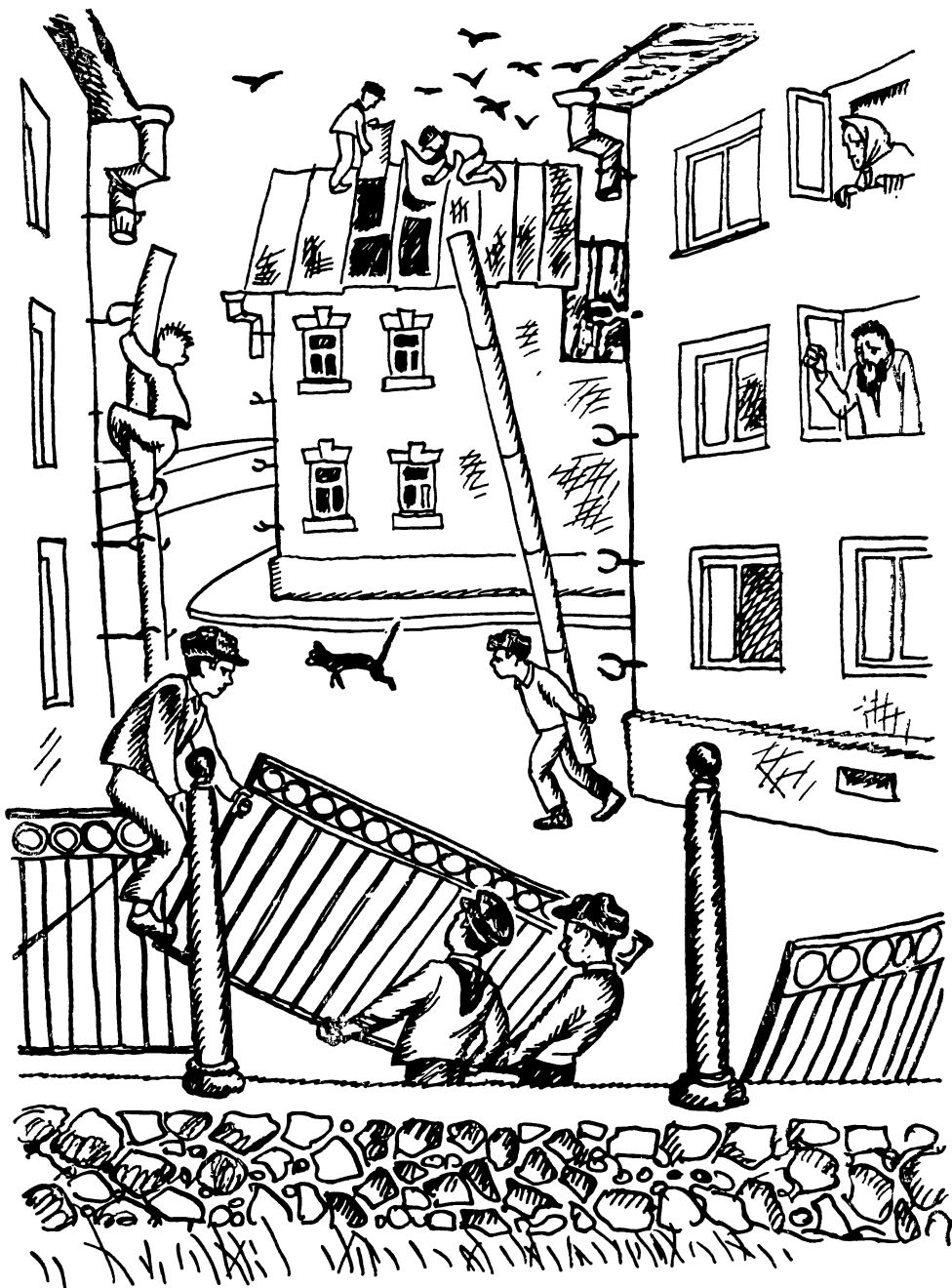
Игра была злая, я бы даже сказал — ожесточённая. Похоже, что с одной стороны те, кто за «Ракету», а с другой, кто за «Вымпел».

Будь это баскетбол, а не волейбол — обязательно подрались бы. К звонку счёт 17:17. Так и разошлись, не доиграв. Владимир Андреевич чуть ли не силой заставил нас — капитанов команд — обменяться рукопожатиями.

«Ну, на сегодня хватит с меня металлолома», — подумал я и ошибся. Четвёртого урока не было, заболела учительница физики. Я пошёл в комсомольскую комнату, смежную с пионерской, к Диме Андрееву. Его не было, а через приоткрытую дверь невольно услышал спор старших вожатых.

— Никакого вымпела им вручать нельзя! — утверждала Анята.

— Значит, мы обманем ребят, — возражала Дагмара. Пообещали. Они бегали по дворам, таскали тяжести, и всё за твои прекрасные глаза?

— Если так пойдёт дальше, они станут вывёртывать медные краны, срывать водосточные трубы, а в один прекрасный день школьный сад останется без чугунной ограды. Ты этого хочешь?

— Так что, по-твоему, крышка от люка весит полторы тонны? И вообще я ждала тебя из твоих черноморских поездов. А ты, оказывается, вовсе оторвалась от пионерских дел. Сколько ты времени тра-тишь на «Ракету».

— А разве это не пионерское или, больше того, не комсомольское дело?

— Вот именно. Тебе всё надо «больше того». С ума сойти...

Дальше слушать было невозможно. И хотя я до этого усиленно двигал стульями, покашливал, чтобы дать знать о себе, теперь пора было исчезать. Иначе выходило, что я подслушиваю.

... Крышка от люка. Ну и далась нам всем она! Однако кому же всё-таки вручат выпел? Да и в выпеле ли здесь самое главное?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

КАК Я СНОВА СТАЛ ЗАПАСНЫМ

Рассказывает Петя Файнштейн

Это было чудесное время, когда Валерик осип, а Свете после болезни запретили выходить из дому. Не подумайте, что я плохо отношусь к ним. Наши отношения испортились всего несколько дней назад, когда меня снова перевели в запасные. А до этого... Ну конечно, Света мне нравится больше. Валерик часто задаётся, хотя никто не будет спорить: у него отличная дикция и голос что надо. На то и старший диктор. Но он плохо растит смену, то есть меня, и, когда здоров, почти ничего не даёт другим читать по радио. Только что если сам опоздает.

Так вот, когда Валерик ходил в школу, но не мог выступать у микрофона, а Света могла выступать у микрофона, но не могла ходить в школу, вот тогда мне было раздолье. Главный редактор и председатель радиокomiteта Слава каждое утро до и после передачи говорил мне: «Петька, ты опора нашей «Ракеты»». Даже Наташа, до чего строгая, хвалила меня. «Мы, — говорит, — тебя, Петя, явно недооценивали». Вот как: Петя, а не Петька.

И я думал, что, когда к микрофону вернутся Валерик и Света, мы будем читать втроём, кому что понравится. Откровенно говоря, я очень старался. Это и Фёдор Яковлевич — учитель физики — заметил, который только с техниками занимается. Но иногда стараешься, стараешься, а получается наоборот.

Вы знаете, как приятно, когда похвалит «Ракета». Из тридцати двух репродукторов вылетает твоё имя. Вся школа слышит. А меня ни разу не похвалили. С одной стороны, не за что было, а с другой — раз я сам диктор, то мне о себе неудобно говорить. Такова судьба работников радио. Но Валерик уже стал выздоравливать, и я подумал, что если бы мне удалось отличиться, то ведь об этом мог бы рассказать Валерик. А случай как раз и представился.

Когда было объявлено о сборе металлолома, чтобы построить тепловоз для детской железной дороги, ребят уговаривать не пришлось. На совете дружины решили между классами распределить дома и дворы. А чтобы никому не было обидно, бросили жребий. Нашему классу достался большой, с двумя дворами дом, где живут Валерик и Света. Ребята здесь знают каждый уголок. Жорик Реготян даже запрыгал от радости, когда узнал, что по жребию попался такой удачный дом.

В первый день мы, несколько разведчиков, ушли с урока химии, чтобы на месте всё осмотреть, распределить между ребятами лестницы и подвалы. Мы, правда, не сказали учительнице химии, зачем нам нужно было уйти раньше, но у нас уже были выставлены отметки, и мы почти на законном основании побежали в свой дом.

— Видите? — встретила нас тётя Настасья, показывая на свою большую метлу. — Если будете шалопутничать, то я вас этой метлой. Идите к управдому. А без него не дам ни гайки, ни швайки, ни старого утюга.

Мы пошли в контору. На дверях вывеска: «Техник-смотритель Н. В. Антонов принимает. . .» Когда принимает, было не так уж важно, потому что на дверях висел большой замок, а через сорок минут сюда должен был прийти весь класс. Вдруг откуда-то сверху раздался голос. Мы обернулись и увидели очень высокого тонкого мужчину.

— В чём у вас надобность, юные граждане?

Жорик Реготян, задирая голову, очень вежливо объяснил высокому мужчине, что такое детская железная дорога и зачем туда необходимы вместо паровозов тепловозы, потому что у них выше КПД (Жорик так и сказал: КПД — коэффициент полезного действия).

Услышав про КПД, высокий мужчина закивал головой и неожиданно спросил:

— Володю Антонова знаете?

— Редактора стенгазеты?

— Волейболиста?

Высокий закивал головой:

— Мой сын.

Отец Володьки Антонова? Здорово. Голоса-то у них похожи. Да и ростик — во!

— Скажите дворникам, — говорил Антонов-папа, — что я разрешил. Только...

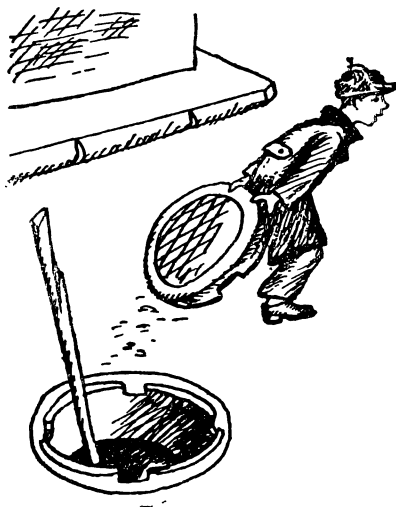
Насчет «только» мы узнали очень скоро. Оказывается, летом провели центральное отопление, осенью двор асфальтировали и все завалы разобрали. Сами дворники собирали всё ненужное и раз в месяц отправляли в грузовике на склад металлолома. Вот и сейчас в одном углу, огороженном деревянным барьером, были аккуратно сложены несколько старых кроватей, обломки ржавых водопроводных труб, старого кровельного железа. Вот почему нас так встретила тётка с метлой. Обращать на это внимание? Из школы сюда уже бежали пионеры!

Портфели мы сложили на кухне у Светы, а сами отправились по лестницам. Через час все должны были снова собраться у Светы. Но на самом деле пришлось встречаться на площадке лестницы около её квартиры. Светина тётя Нина не может пускать к больному ребёнку целый класс. Нанесут холод и грязь. Договорились: к Свете по одному проходят наши представители.

Вскоре стали возвращаться ребята. Добыча у них была небольшая. Один принёс пару старых подсвечников, двое других подобрали где-то ломаную батарею парового отопления, — видимо, дворники недосмотрели. Всего этого было мало. Решили, что каждый поищет и у себя дома. А то, что собрали, сложили прямо на снег против окон Светы и попросили её присматривать.

На следующий день после уроков пришли с саночками. Не так уж мало собрали. Последний раз остатки погрузили почти в темноте. Санки были неполные. Решили ещё раз обойти все закоулки. И тут я налетел на злосчастную крышку от люка, которую кто-то приподнял, оставив в люке торчащую палку. Я упал и расшиб коленку. И никак не мог понять, чего Жорик радуется. Мне-то хотелось плакать. Но когда Жорик объяснил, и я обрадовался.

Да, это то, чего нам не хватало. Разбросают на пути разные металлические предметы. Убирай за ними. Мы едва-едва взвалили эту крышку на санки. И Жорик пошёл узнавать, свободен ли путь. Пока он разговаривал с дворничихой и расхваливал, какой хороший и чистый двор в этом доме, мы с ребятами вывезли последнюю партию нашего железного лома.

Через несколько дней выяснилось, что именно наш шестой «а» победил — собрал чуть ли не на три колеса тепловоза. Все были довольны, только Света заметила, что так не полагается делать. Ну конечно, не полагается, но не везти же крышку от люка обратно.

А вообще, оказывается, стоило, потому что отсюда и пошли неприятности. Света рассказала тётё Нине, тётя Нина — Славе, и в понедельник утром, когда мы радовались победе, которую расписал «Вымпел», ко мне подошёл главный радиоредактор и позвал наверх в актовЫй зал, к микрофону. Я, ковыляя, поплёлся за ним.

До начала очередного выпуска «Ракеты» оставалось ещё десять минут. Нужно было познакомиться с текстом, посмотреть, нет ли трудных незнакомых слов, опечаток, и вообще неплохо негромко прорепетировать до микрофона.

Заголовок мне совершенно не понравился: «Куда пропала крышка от люка?» Совершенно ясно — куда. Из неё будут делать колесо для тепловоза. Дальше хвалили наш шестой «а» и ругали меня с Жориком, говоря, что мы подвели класс и вроде как стащили крышку от люка.

Вот так да! Моё имя, наконец, может зазвучать в школьном эфире. Но как?!

Надо было выиграть время. Я спросил Славу:

— Ты видел сегодня стенгазету? Ну, «Вымпел»? Там же совсем наоборот насчёт металлолома.

— Видел, — отвечал Слава. — Мы будем отстаивать свою точку зрения.

Он подошёл к рубке и спросил Коренькова:

— Саша, у тебя всё готово?

— Что значит — готово? — спросил я Славу. — Я, во всяком случае, не буду читать этой кляузы. С меня достаточно коленки. И так я неделю уже хромаю из-за этой крышки.

— Пора, — сказал Кореньков.

— Читай, — зашипел Слава.

— Не буду! — сказал я и положил передачу в карман. — Ещё что вам скажет Дагмара!

— Пора! Тридцать секунд до начала передачи. Включаю! — раздался голос Саши.

Но я был уже на лестнице. А у класса меня настиг голос Валерика — знакомый голос, который я давно не слышал из репродуктора. Этот голос сообщал, что сейчас будет опубликована корреспонденция «Куда девалась крышка от люка?». Валерик читал передачу по копии.

Ну, что ж ещё? На очередной летучке меня решили выгнать из «Ракеты» за попытку сорвать передачу и только после поручительства Анюты оставили диктором, но снова запасным.

Это нехорошо, но у меня какое-то чувство гадливости к Васеньке Меньшову. А что, собственно, я могу сказать о нём плохого? Одевается по последнему крику моды. Одни носочки чего стоят. Курит дорогие сигареты. Но если говорить правду, у нас в девятом курит не он один. А дорогие, — значит, есть деньги. И он не жадничает. Выручает, если его попросят. Вытягивать долга не станет. Так, если к случаю, скажет.

Не любят ребята, правда, его маму. Но ведь, как говорится, не знаю, правильно ли, дети не ответственные за родителей. Учителя Васеньку терпеть не могут — насолил он всем.

Нашу учительницу физики, которая работала по совместительству, а чаще болела, он просил рекомендовать пособие по термоядерной физике. А когда она называла какую-нибудь книгу, говорил: «Извините, это явно устарело». Учителю истории он задает вопросы по «текущей политике». Правда ли, вот мама слыхала... И загнёт такое... А если учитель говорит: «Не верь слухам», — отвечает: «Вот я и хочу, чтобы вы меня вооружили».

Раньше, когда мы поглупее были, ребята даже довольны: спектакль. Так за вопросами и разговорами урок пройдёт.

Вообще не без способностей парень. Он не только на слух, но и по губам, по жестам, чуть ли не по глазам схватывает любую подказку, списывает так, что ни разу не попался. Ловкач! Знает тридцать девять способов, как ответить урок, не тратя времени на подготовку.

Никто за это не осуждал Васеньку. А некоторые даже завидовали и охотно слушали его поучения: «Учитесь жить, дети!»

Да, конечно, нам нужно учиться жить уже сейчас. Но как?

В начале декабря в классе прошёл слух, что в школу возвращается Фёдор Яковлевич, который два года назад ушёл на пенсию. Прежняя учительница физики в общем-то устраивала всех. Кто хотел заниматься — занимался. К остальным она не придиралась, и получить двойку за четверть или полугодие можно было лишь совершенно ничего не желая знать. Но и радости на её уроках было мало. Она всегда выглядела усталым человеком.

Фёдор Яковлевич пришёл к нам на первый урок прямо из рубки, где он занимался с ребятами. Мы встретили его как полагается: встали, громко поздоровались. Он улыбнулся: «Не надо гаркать, молодцы, испу-

гаете!» Фёдор Яковлевич всех помнил, если не по фамилии, то по имени. Свою палку с хитрым набалдашником он повесил на стул и начал урок.

— Что вы знаете о красоте современной науки? Мечтаете ли о том, чтобы самим проникнуть в тайны космоса, или предоставите решать эти задачи другим? А что, если вас привлекут ещё не раскрытые загадки атомного ядра? Я не верю, заметьте, не верю, что человек будущего может быть равнодушен к физическим наукам во всём их великолепном многообразии.

Как это было не похоже на прежнюю учительницу. Мы не просто слушали Фёдора Яковлевича. Он как бы повёл нас путешествовать в край неизведанного. Вот видите, как цветисто стал выражаться редактор «Ракеты». Тех, кто интересуется современной физикой, Фёдор Яковлевич пригласил на организационное собрание кружка «Физические проблемы».

— А теперь... Давайте выясним, что вы знаете, что вас интересует.

Когда до звонка оставалось четверть часа, физик вызвал: «К доске пойдёт Меньшов!»

— Фёдор Яковлевич, — начал вкрадчиво Васенька, — но ведь нам уже неделю по физике ничего не задавали.

— Тем лучше, — подхватил старый учитель. — Полная свобода выбора темы. Прошу к доске.

Васенька поплёлся. Он проверил, на месте ли тряпка, ещё раз тщательно протёр и без того чистую доску, затем пошёл в угол за указкой.

Фёдор Яковлевич расхаживал по кабинету, рассматривая приборы и таблицы, точно здороваясь со старыми знакомыми. Наконец потребовал:

— Прошу, Меньшов, мысли...

Когда все возможные оттяжки были использованы, Васенька Меньшов завёл:

— В текущем учебном году, после того как мы начали курс девятого класса, по физике мы проходили ряд важных тем, в которых (Васенька вдруг воодушевился) не было отражено современное состояние физических наук.

Он хотел посмотреть, какое впечатление произвела последняя фраза на Фёдора Яковлевича, но тот сидел к нему спиной.

— Вы думаете? — прервал его учитель. — Ну, так до важных тем мы не скоро доберёмся.

Те, кто занимался у Фёдора Яковлевича, знали, что переход на «вы» не предвещает ничего хорошего. Но Васенька, видимо, считал, что первая часть поединка сложилась в его пользу. Он выиграл почти пять минут.

— Ну-с, мыслей нет, перейдём к фактам, — не поворачиваясь, сказал Фёдор Яковлевич. — Как известно, вас и вашего одноклассника Марева в школе называли «капитанами». (Ребята, притихшие было, оживились.) Вы вместе с присутствующим здесь вашим коллегой Маревым обосновались в радиорубке (Костя встал, но Фёдор Яковлевич рукой показал ему, чтобы он оставался сидеть на месте). Произошла авария, за которую товарищ ваш единолично расплачивался. Скажите, из-за чего, по-вашему, перегорел трансформатор, какие физические явления там произошли и какую работу нужно проделать в подобных случаях, чтобы вернуть в строй трансляционную установку? Вам понятно? Повторите вопрос.

— Фёдор Яковлевич, — заелозил Васенька, — так ведь это не по программе.

— Вы считаете? — грозно переспросил учитель.

Васенька выглядел растерянно и смотрел на нас умоляюще. Но это не была обычная формула, которую можно подсказать или показать на пальцах.

— А вы? — обратился он к Косте Мареву.

— Я этим всем перемучился, — едва слышно сказал Костя.

— И правильно сделал. Но меня сейчас интересует не психологическая часть, а техническая, физическая, если хочешь.

— Так я у ребят всё повыспросил. У Лёни и Оскара, которые к нам приходили. А потом Саша Кореньков мне показывал. Вы не глядите, что он в седьмом классе. Вот он какую штуку сам смонтировал — позавидуешь!

Костя вытащил портсигар из кармана, что-то подкрутил, и мы слышали негромкое раздумчивое «Степь, да степь кругом...» Пел хор мальчиков. В портсигаре был смонтирован приёмник на полупроводниках.

Нет, я думаю, никогда такого урока в физическом кабинете не было. Я посмотрел на часы. До звонка оставалось ещё восемь минут. Но где Васенька? Он уже с невинным видом сидел на своей парте и перелистывал учебник физики.

Но отвечать ему пришлось. Фёдор Яковлевич подошёл к доске и крупным размашистым почерком написал три вопроса.

— Прочтите, Меньшов, — снова вызвал он Васеньку. — Вооружайтесь мелом и отвечайте, в письменном виде. Ну-с.

Снова Васенька у доски. Лицо у него ста-

новится выразительным. Он приказывает, настаивает, просит, умоляет: «Подскажите, ну!» Взгляд Фёдора Яковлевича устремлён куда-то рядом с Васенькой. Но одновременно, мы в этом убеждены, он видит всё, что делается в классе. Подсказывать невозможно.

Когда Меньшову показывают на пальцах, что осталось пять минут до звонка, Фёдор Яковлевич, не оборачиваясь, поправляет вслух:

— Не пять, а шесть минут.

Ни у кого сегодня нет охоты выручать Меньшова. Из наглого он становится жалким. Что-то пишет на доске. Стирает. Снова пишет, начинает фразу и не доканчивает.

— Не знаете! — со звонком подытоживает Фёдор Яковлевич, — простейших формул.

— Я знаю, — пытается возражать Васенька, — но забыл, смутился.

В классе раздаётся хохот. «Васенька смутился!» Это неправдоподобно и невыразимо смешно...

— Да, физика из вас не выйдет, — говорит Фёдор Яковлевич. — А вот артист миманса превосходный. Вы так очаровательно изображали нищего у школьной доски. Вы просите не ставить двойку? Конечно, не поставлю. Двойка — это оценка неудачного или неверного ответа ученика. Заметьте, ученика. А я, запомните, нищих в наше время не признаю. И даже двойки вам не подам. Получайте дневник.

Когда новый, вернее старый, учитель физики ушёл из класса, Васенька приободрился.

— Ловко я его обвёл. Учитесь жить, дети! Он даже двойку побоялся мне поставить! — хвастался Меньшов. — А вы? — набросился он на должников. — Продаёте? Засыпаться боитесь! Козлы!

А ему в ответ:

— Нищий у доски! Здёрово он тебя.

После уроков я ждал в библиотеке Володю Антонова, с которым надо было, наконец, поговорить начистоту.

К Григорию Павловичу подошёл Меньшов, спросил: «Вы не скажете, что такое миманс?»

— Миманс — это группа артистов, играющих характерные роли без слов. Кажется, так. Впрочем, для точности посмотри в словаре иностранных слов.

Уходя из библиотеки, Васенька столкнулся с Володей Антоновым и сунул ему в руку сложенный вдвое листок из тетради:

— В стенгазету. Не струсил?

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ „БОЛЕТЬ НАДО УМЕТЬ“

Рассказывает Анята

Я познакомилась с обаятельным человеком. Вот таким должен быть врач. Во дворе его знают все и он знает всех. Если иногда и забудет имя, то припоминает: «У тебя отморожены были уши? Значит, Оля?». Или: «Это ты в прошлом году наглотался арбузных косточек? Владик?». Есть у него и маленькая слабость. Обожает кофе. Чашечку. По вкусу и запаху может рассказать своим маленьким пациентам, откуда эти кофейные зёрна, из Гватемалы или с Цейлона.

Света, Слава и Валерик очень метко его прозвали «доктор Айболит». Света утверждает, что с ним можно разговаривать, как с лучшей подругой. Он часто запаздывает, но если уж обещал, то в этот день придёт обязательно.

Так вот, доктор Айболит, или, как его называют взрослые, Терентий Фёдорович, подал Свете замечательную идею. Бедная девочка с осложнениями лакунарной ангины совсем было закисло. Теперь у её кровати столик с будильниками, один голубой, другой коричневый круглый с дырочками-гнездами на циферблате, который отзванивает начало уроков и перемен.

Я как-то днём, по дороге из райкома, забежала к ней. Представьте, не пустила в комнату. «Анята, не обижайся, у меня сейчас алгебра. Через десять минут вторая большая перемена, посиди, почитай, ты услышишь звонок».

И я услышала. Действительно, не прошло и четверти часа, как поднялся страшный трезвон. Сразу зазвонили: на кухне, телефон и коричневый будильник Светланы. Я помчалась и нечаянно смахнула со столика голубой, самодельный. Он упал на пол и тоже затрещал со страшной пронзительностью. Надо было ещё открыть дверь на кухне и снять телефонную трубку. Оказывается, это пришла давать английский урок мама Валерика, а по телефону звонил Прохор Степанович. Он передавал, чтобы Света не беспокоилась. Завтра придёт беседовать по пройденным темам.

Потом звонили девочки. Обещали забежать вечером. Потом — Валерик, спрашивал, состоялся ли урок английского языка. Наконец тётя Нина вернулась из магазина, я уже ответила не то на четыре, не то на пять телефонных звонков.

Оказывается, в игре, которую затеяли Света и доктор, тётя Нине отводится заметная роль, точнее — две: она завхоз и, что ещё важнее, учительница домоводства. Тётя Нина не сознаётся, но ей доставляет

большое удовольствие ставить за пирожки четвёрку (пятёрку она может поставить только себе), а за штопку носков даже тройку.

Я уже собралась уходить, когда появился, шумно отдуваясь, тот самый доктор.

— Здравствуйте, Анюта, — сказал он после того, как ему удалось самостоятельно снять пальто, ускользнув от услужливой тётки Нины.

Оказывается, он знал моё имя, хотя видел в первый раз. Это Слава, Света и Валерик понарасказали обо мне. До звонка мы сидели с Терентием Фёдоровичем в кухне, пили кофе — колумбийский, как он заявил. Потом доктор стал развивать теорию, что, оказывается, и болеть надо тоже уметь.

— Вы посмотрите на Светлану. Если бы она позволила себе раскиснуть, то болезни хватило бы надолго. А сейчас каждый день приносит улучшение. Вы скажете — игра? Тем лучше. Умная игра всегда нужна в жизни.

Я не смогла расспросить его подробнее, что он под этим подразумевает, так как мой собеседник по звонку коричневых лабораторных часов отправился к Светлане.

Он долго осматривал и выслушивал её. Потом что-то стал мурлыкать себе под нос. Тётя Нина заявила, что это хороший признак. После очередного звонка у них начался урок физкультуры. Он сделал Свете лёгкий массаж и показал упражнения для кистей рук и ещё какие-то нетрудные. Затем, с помощью тётки Нины, закутал Светлану, посадил в кресло, открыл форточку, предложив таким образом «погулять».

В передней опять заторопился, ускользнул от тётки Нины, пытавшейся подать ему пальто.

Мы вышли вместе. Я спросила, когда можно ждать Светлану в классе. Он ответил:

— Недели через две.

И добавил:

— Надо уметь болеть. Вам понятно?

И, хотя никто нас не слушал, доктор, понизив голос, доверительно сообщил мне:

— Девочка хочет походить на Софью Ковалевскую, Зою Космодемьянскую и Валентину Терешкову сразу.

Если бы вы знали, как приятно старшей вожатой, когда умные и сердечные люди хвалят её пионеров.

А Терентий Фёдорович, продолжая свою мысль, заговорил о Валерике.

— Это очень замечательный молодой человек. Он растёт на глазах. И не только потому, что я дал ему упражнения на подтягивание по

утрам во время зарядки. В нём начинают проявляться такие черты характера...

Что начинает проявляться в характере Валерика, на этот раз я так и не узнала: доктора окружили мамы, которые всегда нуждаются в совете врача. Он только успел заметить:

— Не считаете ли вы, что у медицины и педагогики есть много точек соприкосновения?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Рассказывает автор

«Старый друг — лучше новых двух» — гласит пословица. А друзья идут в школу по разным сторонам улицы. Если один забыл, что задано, он не спрашивает у другого. Я уж не говорю: один не подскажет другому. Может быть, это к лучшему. После случая с «нищим у доски» в девятом стали меньше подсказывать. Но ведь раньше вместе уроки готовили. И если один спрашивал, заходя в библиотеку, прежде всего: «Где Славка?» — то другой вбегал через несколько минут: «Куда же делся Вовка?» А теперь? И это два комсомольца. Два редактора: Володя Антонов и Слава Рябинкин.

Как зовут чёрную кошку, пробежавшую между ними? «Редакционная тайна»? Все разделились: одни — за Рябинкина, другие — за Антонова. Одни за «Ракету», другие за «Вымпел». Сегодня на большой перемене ко мне подошёл Володя Антонов:

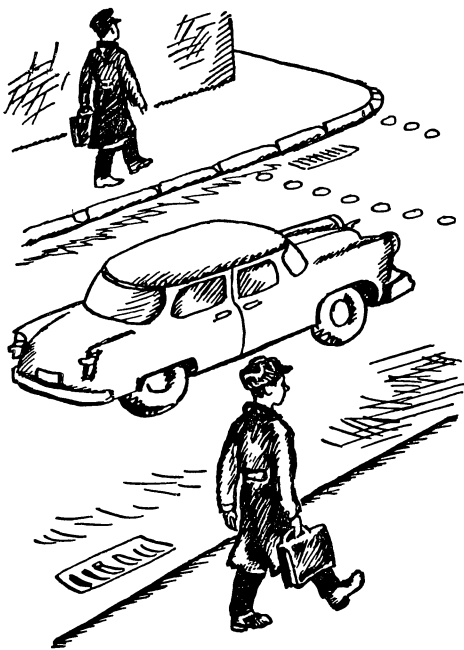
— Можно после уроков с вами посоветоваться?

«Что-нибудь серьёзное», — подумал я, потому что разговоры на обычные темы мы вели и без предварительных предупреждений.

— Устраивает в пятнадцать ноль-ноль? К этому времени я освожусь.

— Есть в пятнадцать ноль-ноль, — отозвался Володя.

Нигде так хорошо не разговаривается, как в библиотеке за стеллажами, у комплектов старых газет. Звуки школьной жизни чуть слышны. С трудом различаешь голоса, где-то вдали дребезжание звонка. Книг на полках столько, что кажется, и жизни не хватит все перечесть. А ведь это только сравнительно небольшая школьная библиотека. Здесь, в книгохранилище, в обществе великих писателей и замечательных мыслителей, разговор идёт сосредоточенный, неторопливый. Я люблю больше слушать, чем говорить, Володя даёт мне такую возможность.

— Да, — продолжает он с горечью, — я никогда не подумал бы, что многолетняя дружба так вдруг рассыпается. Из-за чего?.. — он замолкает.

— Из-за чего? — переспрашиваю я, дав ему подумать.

— Из-за «Ракеты», — решает он. — Без неё всё было очень спокойно.

— А это хорошо, когда «всё спокойно»?

— Слава всегда помогал мне. Не одну субботу допоздна засиживались, оформляя «Вымпел». А ведь люди в субботу ходят на каток, на танцы. И мы злились, но не уходили из пионерской, пока не был нарисован последний заголовок. А в понедельник утром обязательно свежий номер. Нашу заметку «Кулачная расправа» пять раз срывали подхалимы Илюхи Гаврилова. Мы

снова восстанавливали её и даже наклеивали на видное место подборочное анонимное письмо, где нам угрожали мордобоем. Помню примечание от редакции, короткое, в два слова: «Не боимся!». А самим, конечно, страшно. Ходили по вечерам только вдвоём. Потом Гаврилов приходил к нам, просил, чтобы газета его не преследовала, а то ему не кончить школы — выгонят. Мы сказали: «Уймешь кулаки? Пиши обещание в стенгазету». И горды были — собой, газетой. Ну, что было, то сплыло. А вот сегодня... Посоветуйте, что нам с этим делать.

Володя Антонов передал мне вдвое сложенный лист из школьной тетради, исписанный красивым почерком.

*В стенную газету
„Вымпел“*

«Направляю вам фельетон «Мальчик резвый, кудрявый...», или, может, хотите иначе назвать, дело не в этом, все факты проверены, подтверждены и санкционированы».

Знакомый почерк! Вот только с орфографией... Зачем «санционированы» — без буквы «к», вылетевшей из середины? Но читаем дальше.

«Вы, конечно, слышали его голос, то нежный, то звонкий. Да и сам он не раз попадался под ноги на путях в столовую или в библиотеку, такой семиклассник мелкого роста. В школе хорошо знают Валерика Серёгина, но не со всех сторон. Он очень, слишком внимателен к девочкам. С одной из них его можно было видеть в шкафу радиорубки. С ней же он ушёл на почти ночную прогулку в ресторан или мароженицу. В результате девочка заболела, да и сам Валерик долгое время лишился счастья слышать его индивидуальный голос. Интересно, какие новые приключения планирует Дон Валерик, известный в школе сердцеед. Это особенно должно заинтересовать интеллектуального редактора радиогазеты «Ракета», который много места в своих передачах уделяет вопросам дружбы, любви, морали и пола.

старик Базиль”.

После подписи приписка:

«Имя автора известно редактору школьной стенной газеты В. Антонову. Однако заметку прошу опубликовать в ближайшем номере под указанным псевдонимом».

Не знаю почему, но меня особенно поразил этот «псевдоним». Ведь раньше была «мароженица» — через «а». Я прочёл письмо ещё раз. Сложил его и вернул Володе.

Он выжидательно посмотрел на меня и, не дожидаясь ответа, определил:

— Свинство!

— Что же ты собираешься делать, индивидуально, интеллектуально?

— Что? Я против того, чтобы эту гадость помещать в газете. Грязная стряпня, а не фельетон. Редколлегия меня поддержит. Так и ответим.

— И сколько же ребят ознакомятся с этой заметкой?

— Четыре-пять.

— А из них никто не расскажет дальше?

— Мальчишки — нет. В девочках не уверен.

— Так ведь это только и нужно твоему «старика Базилью». Чтобы сплетня поползла.

— А что делать? Если просто вернуть, так он будет ходить по школе и размахивать своей бумажкой: «Боятся критики! У меня все

факты правильны. Был шкаф? Был. Было мороженое? Было. Болеет Светлана Рябинкина? Болеет».

— А что, если «старик Базиль» сам попросит обратно свой фельетон?

— Зачем же он попросит? — удивился Володя.

— Надо сделать, чтобы попросил. Иначе пообещать опубликовать, с комментариями Глафиры Алексеевны.

— Вы так думаете?

Меня позвали к телефону в канцелярию, и я оставил Володю сочинять ответ.

А вернулся только через полчаса: задержал Кузьма Васильевич.

За стеллажами, на том месте, где я оставил Володю в одиночестве, теперь беседовали двое. Собственно, это была не беседа, а крутой, горячий спор. Они не заметили меня, когда выходили из библиотеки. Я расставлял книги. Но то, что они выходили вместе, было уже хорошо.

Позже у себя на столе я обнаружил конверт с надписью: «Лично Григорию Павловичу».

Это был ответ школьного редактора газеты «старик Базиль».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

МЕНЯ ВЫЗЫВАЮТ НА ПАРТБЮРО

Рассказывает Валерик

Совершенно невероятно... Меня вызывают на партбюро! Меня, Валерика Серёгина. Папа даже сначала не поверил. Мама встревожилась и сказала, что, наверное, будут «прорабатывать». Папа возразил, что меня ещё рано прорабатывать на партбюро, а если надо, — вызовут на совет дружины. Я ведь только пионер и даже ещё не комсомолец. Мама всё-таки решила позвонить Прохору Степановичу и спросить его, в чём дело. Она хотела, чтобы позвонил папа, но он наотрез отказался. Наконец решилась сама, но, когда Прохор Степанович подошёл к телефону, начала говорить что-то странное.

— Я жена члена партии Серёгина.

Наверное, Прохор Степанович ничего не понял, потому что мама ещё раз повторила, что она жена папы. И только когда выяснилось, что она же и моя мама, разговор пошёл спокойнее.

— Да, да, да! И я так думаю! Вы совершенно правы!

Потом заулыбалась:

— Мне кажется, вы его перехваливаете.

Потом погрузилась:

— Да, конечно, как ко взрослому. А вы думаете, он справится?

С чем мне предстояло справиться, я на этот раз не узнал: мама потребовала, чтобы я срочно пошёл погулять: «такая чудесная погода».

Я оделся, но гулять не пошёл. Погода отвратительная. Лучше заглянуть через площадку к Славе и Свете.

Тут меня ожидало небольшое разочарование. Славу тоже вызывают на партбюро. Он сказал, что и Светлану вызвали бы, если бы она уже ходила в школу. Оказывается, партийное бюро собирается для того, чтобы обсудить «Ракету». Специально. Ну, может быть, и другие вопросы найдутся, но наш поставят первым. Что-то будет? Пришёл Володя Антонов, и его, как он сказал, также приглашают на это заседание.

Дома за ужином мама усиленно расспрашивала о «Ракете». Но я сказал, что мне нужно подумать, прежде чем серьёзно отвечать на такие вопросы. Папа рассмеялся. А мама почему-то обиделась. Иногда её трудно понять.

К счастью, мама и папа торопятся в гости. Вызвали такси. Собственно, торопится мама, папа готов, как всегда, раньше её. А мама ищет клипсы.

— Разволновалась я с этой «Ракетой» и не знаю, куда их положила! Вот, одна на столе, а где другая?

Мы начинаем искать все вместе. Я лезу под кровать и получаю шлепок. Не больно, но обидно. Тогда я сажусь за стол, а искать клипсину начинает папа. Он уже в пальто, и мама не даёт ему раздеться, потому что такси, наверное, уже подъехало. И вдруг — гениальная мысль! Я, кажется, знаю. Именно так! Мама напрасно ищет, больше одной клипсины ей не надо. Другая, оказывается, у неё уже давно прицеплена к уху.

— Что же вы раньше мне не сказали? — возмущается она.

Опять мы виноваты.

Ушли. Можно подумать о серьёзных вещах. Итак, меня вызывают на партбюро. Значит, со мной считаются. Значит, я что-то сделал для школы. А что?

Так, если серьёзно говорить с самим собой, то, пожалуй, меня правильно не назначили редактором «Ракеты». Раньше я думал, что редактору достаточно иметь клей и ножницы. «Рыцарь клея и ножниц!» Хороший заголовок для субботней передачи.

Впрочем, клей и ножницы пригодятся при монтаже магнитофонной ленты. Нет, редакторская работа трудная, и я теперь совсем иначе отношусь к Славику. Сколько он натерпелся из-за этой «Ракеты»! Подумать только — «Ракета шлёпнулась в грязь!» А «Школьный вальс?»

А когда Наташа делала репортаж? И с лучшим другом поссорился. На принципиальной основе.

А вообще, по-моему, лучше ребят, чем у нас в «Ракете», во всей школе нет. Я уже не говорю о Свете. Мне только одно не нравится. Мама занималась с ней английским и каждый раз: «У неё чудное произношение, у неё словарный запас». Мне не жалко, конечно, пусть словарный запас, но ведь она это говорит специально, чтобы я почувствовал.

И ещё. Я никогда столько не думал. Другой раз даже голова заболит. Думаешь, над чем раньше и думать не стал бы. Как поступить? Когда мы проводили рейд «Неряха ходит по школе», то все начистили ботинки, подворотнички чистые к курточкам пришили (мне, правда, мама пришила). Но потом рейд кончился. Дальше сапоги чистить каждое утро до блеска? Надо вставать раньше или опаздывать в школу. Не чистить? Так вот, Жорик Реготян через две недели после рейда подходит ко мне и говорит:

— Валерик, есть одно секретное дело. Я не могу тебе сказать, но ты же знаешь, я главный художник стенной газеты... Ты обещаешь никому ничего не говорить?

Я обещал.

— Даже Славе? — пытал меня Жора.

Я обещал.

— Даже Свете?

Я обещал, хотя добавил мысленно про себя «не». Чтобы вышло «не обещаю».

— Ни папе, ни маме? — продолжал Жорик.

— Слушай, Жора, — рассердился я. — Если хочешь говорить, — говори. А не хочешь, так и я тебе чего-то не скажу. — Он наклонился и зашептал:

— Редколлегия «Вымпела» проводит рейд «Неряха снова ходит по школе».

И побежал. А я посмотрел на свои ботинки. На улице грязь, галош надевать не хотелось. «Хорошо, если рейд не сегодня», — подумал я.

Целую неделю вставал на четверть часа раньше, каждое утро чистил щёткой и наводил блеск бархоткой. Света спрашивает: «Валерик, ты в ботинки вместо зеркала смотришься?»

Тогда я ей рассказал, в чём дело. Она смеялась тоненько-тоненько, так, что даже слёзы закапали. А потом почему-то обиделась: «Я думала, ты для меня стараешься быть аккуратнее». Прибежала тётя Нина: «Валерик, девочка больна, а ты её расстраиваешь!» Света считает, что, по её мнению, Жорик разыгрывал меня. На всякий случай я ботинки чищу до блеска каждый день. Надо всё-таки спро-

силь у Володи Антонова, будут они проводить такой рейд или нет? Но ботинки — это с полбеды.

Мы передавали материал про Васеньку Меньшова — «Нищий у доски», как он отвечал Фёдору Яковлевичу. Васенька неделю зелёный ходил. Я думаю, если бы он мог, он бы всех нас отравил. Он и в рубку забраться может — напортить. Мы вызвали его на заседание радиокомитета, чтобы он перед магнитофоном сказал, как думает поступать дальше. Не пришёл. Правда, его в школе и не было в тот день.

Это был вторник. А накануне, в понедельник, в стенгазете был ответ «старика Базилю», кажется, это тоже против него. В общем, можно догадаться, что Васеньку сравнивают с доном Базилио из «Севильского цирюльника», который поёт арию о клевете. Я был в пионерской, когда Васенька влетел туда на второй перемене. Он что-то хотел нашептать в связи с этой заметкой Дагмаре. И она всех нас выгнала из пионерской комнаты. Потом пришла Анюта и удивилась: «Почему вы в коридоре?» И открыла своим ключом дверь. И сказала Дагмаре такое, что та взвилась. А нас пригласила в пионерскую, но был уже звонок.

Хотя Васенька не явился на вызов, мы стали обсуждать эту передачу сами. Написана она была интересно. Прочтена хорошо. И техники нас на этот раз не подвели. Слышимость во всех классах была отличная. Значит, отличная передача? Так нет. Поднимается Саша Кореньков и говорит:

— Зря мы давали «Нищего у доски». Ну, поднимите руки, кто никогда шпаргалкой не пользовался? Или, на худой конец, сам не подсказывал?

Никто не поднял руки. Мне стало страшно. Я-то не поднял руки потому, что не могу не подсказывать. Меня просто подмывает, когда кто-нибудь отвечает, высказаться. Бывает даже так, что учитель рассердится и говорит: «Ну, Серёгин, раз ты лучше всех знаешь, попробуй отвечай у доски». И выходишь к доске — и ничего, ни одной мысли. Ну, если ребята выручат, как же не воспользоваться. Ну, а почему Слава не поднял руки или Наташа? Не захотели или... В общем, точкатице.

Мы все, конечно, знаем и от учителей, и от родителей, и из учебников, что нельзя подсказывать или списывать. И я сам знаю. А почему же так выходит? Вот и думаешь, думаешь над всякими разными вещами, так что другой раз даже урока не приготовишь. Тут посложнее, чем с ботинками.

Итак, меня вызывают на партбюро. Что-то будет!

РАЗГОВОР НА СЕРЬЁЗНЫЕ ТЕМЫ

Рассказывает Слава

Мы стояли на площадке четвёртого этажа и подталкивали друг друга. Никто не хотел идти первым. Самым смелым оказался самый младший — Валерик, а мы гуськом потянулись за ним: Саша Кореньков, Наташа, Дима Андреев, Володя Антонов и замыкающим — я.

За девять лет мы с Володиёй облазили всю школу. И всё-таки рядом с физическим кабинетом осталось одно помещение, закрытое для нас. Туда и направилась теперь, стараясь не шуметь, наша процессия.

На двери надписи: «Местком», «Партбюро». Валерик бесстрашно постучался, и мы услышали знакомый голос Прохора Степановича:

— Входите, входите!

Взрослые были уже на месте, хотя мы явились минута в минуту. И ничего в этой маленькой комнатке не оказалось особенного. Стол, такой же как в канцелярии, и шкаф канцелярский, около него несгораемый сундучок, как у секретаря директора, несколько стульев да диванчик с обивкой непонятного цвета, на котором беседовали Кузьма Васильевич и Фёдор Яковлевич. Вот и всё. Мы с Валериком уселись на один стул. Это заметил Кузьма Васильевич; он подвинулся к краю диванчика, то же сделал и Фёдор Яковлевич, в середине оказалось свободное пространство.

— Ну, старший диктор, — позвал Валерика Фёдор Яковлевич, — твоё счастье, что ты малогабаритный, — садись между нами.

Счастье? Спорить в подобных случаях невозможно. Валерик осторожно уселся на самый кончик дивана, между директором и учителем физики. Прохор Степанович уже постукивал карандашом по столу.

— Члены партийного бюро все здесь. Приглашённые? Григорий Павлович, где же старшие вожатые?

Григорий Павлович ведёт протокол; он пожимает плечами — сообщено всем. Ага, вот и они. Разгорячённые, сердитые, — видно, о чём-то недоспорившие, появляются Анюта и Дагмара. Прохор Степанович неодобрительно поглядывает на часы.

— Начнём? — спрашивает он и, не ожидая ответа, самым серьёзным тоном продолжает: — В начале октября сего года на школьном горизонте наблюдалось необычное явление. Появилась непредусмотренная никакими планами учебно-воспитательной работы «Ракета». У нас не было единого мнения в отношениях к этому явлению природы. Но Кузьма Васильевич настаивал, чтобы, несмотря на неудачи, «Ракета» продолжала свой путь. Я не говорю здесь об энергии, которую прило-

жила Анна Васильевна (это он об Анюте), о ценной помощи всеми уважаемого Фёдора Яковлевича (Фёдор Яковлевич смущённо кашлянул), о том, что в библиотеке нарушена тишина. Главное здесь другое: «Ракета» была поддержана самими учениками. Их усилия оценены не только в школе, но даже в Атлантическом океане. Не правда ли, Валерик?

— Нет, теперь уже в Тихом океане, — поправил Валерик.

— Как писали в гимназических учебниках, Великий, или Тихий, океан, — вставил Фёдор Яковлевич.

Всё так не походило на официальное заседание. Прохор Степанович говорил негромко, сидя за столом, обращаясь одновременно и к нам и к членам бюро. О наших делах здесь говорилось с уважением. И вскоре скованность, смущение у нас исчезли. Валерик, потеснив соседей, плотно уселся на диване, положил локти на колени и вытянул вперёд шею.

Впрочем, ни за кем другим мне наблюдать уже не пришлось. И вот почему. Конечно, доклад мой был подготовлен заранее и переписан в специальную тетрадку. Дома я несколько раз сам перечитал его, даже дал Свете, чтобы она окончательно расставила запятые, — они её изумительно слушают. Увидев в моих руках тетрадку с докладом, Прохор Степанович взял её.

— То, что у тебя написано, мы и сами прочтём. А ты расскажи своими словами, что знаешь и думаешь. Запнёшься, товарищи помогут. Здесь подсказывать разрешается.

Так меня обезоружили. По памяти я всё-таки продекламировал первые строчки: «Радиогазета «Ракета» была организована три месяца назад. За это время в школьном эфире прозвучало шестьдесят два выпуска. Из них...» — тут я забыл, что «из них», и остановился. Начал декламировать снова и снова запнулся.

— Давай по дням недели! — подсказала Анюта.

Я посмотрел на Прохора Степановича. Он утвердительно кивнул головой.

— Понедельник можно пропустить, — посоветовал Валерик.

— Нет, нельзя! — вдруг возразил Саша Кореньков. — В понедельник мы с Фёдором Яковлевичем профилактику проводим. Пропустим понедельник, во вторник передачи не будет.

— А летучка? — подсказала Анюта.

— Да, правда. В понедельник мы, главным образом, спорим. А техники делают своё дело, — подхватил я.

— Значит, монополии капитанов конец? — спросил Прохор Степанович.

— Подготовлено шесть техников, на каждый день недели. Скоро объявим дополнительный набор, — отпартовал Саша.

— Дайте же и докладчику сказать. А то я не знаю, что заносить в протокол, — заметил Григорий Павлович. — Что во вторник?

— Вторник? — Я уже понял, как выйти из положения. — Наш спортивный комментатор.

— Знаем, знаем, Наташа-Синявский, так, кажется?

— Не отказываюсь, — весело отозвалась Наташа и рассказала о спортивных передачах.

Среда досталась Валерику, который заменяет Свету.

За четверг я краснел. Обещали давать по две передачи малышам, они занимаются в две смены, а редко когда получается что-нибудь интересное. Зато в пятницу материал из библиотеки и клуба встреч; мы всегда уверены — Григорий Павлович поможет.

Последний день недели — суббота. Именно субботние наши передачи больше всего и обсуждали на партийном бюро. Тут вспомнили и нашего неряху, и брючки, и нищего у доски.

— Система, — говорил Кузьма Васильевич. — Система — вот что хорошо и заслуживает поощрения. У них свой твёрдый календарь со своими особенностями. Этот календарь вошёл в ритм школьной жизни.

Фёдор Яковлевич показал чертежи, разработанные с помощью Лёны Фогеля Сашей Кореньковым и Костей Маревым. Ни мало ни много — переоборудовать радиорубку в студию звукозаписи.

— В каких отношениях редакция «Ракеты» и редакция «Вымпела»? — спросила Анюта, хотя она отлично знала все наши отношения.

— Они не понимают критики, — последовала реплика Антонова.

— А ты сам как относишься к критике? — вспыхнул я.

— Мне не нравится эта перепалка, — впервые строго сказал Прохор Степанович. — У меня, в свою очередь, ряд вопросов. Почему во вторник «Ракета» не даёт обзора нового номера стенной газеты? Газета вывешивается сначала на втором этаже, туда с других этажей на переменах дежурные не пускают. Дайте же возможность всем ребятам сразу узнать, что интересного в свежем номере стенгазеты. Почему в стенгазете не помещать лучших материалов, переданных по радио. Пусть тот, кто не услышал, прочтёт.

Прохор Степанович выступал последним. Так уж полагается, на то он и секретарь партбюро.

— Самое важное — «Ракета» вошла в жизнь школы. Она помогает воспитывать у ребят добрые чувства, зовёт на большие дела. Вы делаете общешкольное дело, то есть дело общественное. Но делать-то его нужно ещё интереснее, живее, изобретательнее. И дружно, вместе со стенной газетой, которая, кстати, вырастила тебя, Слава.

— Я не боюсь говорить с вами на серьёзные темы, — продолжал Прохор Степанович. — Вы пришли на заседание партийного бюро. Ваша

«Ракета» выходит на орбиту. Пожелаем ей верного пути и долговечности. А для долговечности надо уже сейчас подумать о смене. Кто может быть редактором после Славы Рябинкина? Как думают члены бюро и приглашённые? Как ты сам думаешь, Слава? Как думает комсомольский секретарь?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Рассказывает Слава

Пока я раздумывал, Дима Андреев, как всегда, неторопливо и весело изрёк:

— Теперь Валерик годится редактором.

Тут и произошло неожиданное. Дагмара подскочила и зашипела:

— Что еще предложит комсомольский секретарь? Валерик не будет редактором. Это невозможно.

— Почему? — возмутилась Аня.

— Почему невозможно? — загремел Фёдор Яковлевич.

И все ребята зашелестели:

— Почему? Почему!?

— Послушаем ваши соображения, — заинтересовался Прохор Степанович.

Но прежде чем Дагмара успела что-нибудь сказать, вскочил Валерик и стал объясняться:

— Я действительно не могу быть редактором. Я раньше очень хотел и думал, что достаточно клея и ножниц. Но теперь-то вижу, что главное не в этом, а какой человек редактор. Это очень трудно. Ещё не дорос, — вздохнул Валерик и сел, добавив грустно: — Опять не дорос. . .

— Трудно тебе или не трудно, — перебила Дагмара, — это никого не касается. Должен работать, куда поставят. Доверили тебе возглавить санитарный актив, а ты не оправдал доверия. И я принуждена была сказать, чтобы ты не смел появляться после того, как несколько раз прогулял заседания совета дружины. Не оправдал доверия, понимаешь?

— Значит, Валерика Серёгина ребята выбрали в совет дружины, а вы, Дагмара Дмитриевна, его единолично выгнали? — переспросил Прохор Степанович. — Как же пионерская демократия?

— Но ведь это же дети! — возмутилась, в свою очередь, Дагмара.

— Значит, их не нужно уважать? — вступился Фёдор Яковлевич.

— Опять. — вздохнул Григорий Павлович. — Высказывайтесь же по порядку. Я просто не могу вести протокол.

Прохор Степанович постучал по столу карандашом.

— Ну, а как вы, Анна Васильевна, смотрите на всё это? — спросил он, обращаясь к Анюте.

— Может быть, я и не права, — отвечала Анюта. — Но я рассуждала так. «Ракета» не менее важное дело, чем конкурс классных санитаров, сбор макулатуры. И если Валерик добровольно взялся за него, пускай покажет, на что способен. Девочка, которая теперь отвечает за санитарное состояние классов, за цветы и всякое такое, справляется лучше Валерика.

— Ясно, — сказал Прохор Степанович, поглядывая на часы.

— Мне так и не дали высказаться, — взорвалась Дагмара. — Я совершенно не согласна с нашей старшей вожатой. Валерик не может быть редактором. Вы, наконец, вынуждаете меня представить документы, говорящие о моральном облике этого слишком резвого мальчика.

Она вытащила из сумочки какую-то записочку, потом заметку, написанную от руки, которую мы с Володиёй Антоновым сразу узнали, и листок, вырванный из блокнота.

— О каком, позвольте, облике? — переспросил Кузьма Васильевич.

— О моральном, или, если хотите, об аморальном, — отвечала Дагмара.

— Это, пожалуй, другой вопрос, — возразил Прохор Степанович. — Нужно ли его сейчас обсуждать, пусть решают члены партбюро. Что же касается «Ракеты», то мы выяснили всё необходимое. Благодарю всех, принявших участие в обсуждении: докладчика, его товарищей, конечно, и тебя, Валерик. Все приглашённые свободны. На несколько минут попрошу задержаться вожатых и комсомольского секретаря.

Мы вышли. Я остался ждать Диму. Мне было не по себе. А на Валерика просто жалко смотреть. Он подошёл ко мне и сказал:

— Слава, Дагмара там размахалась запиской, которую Света мне писала ещё месяца три назад. И откуда она эту записку выкопала? Но ведь ты знаешь, как по-хорошему мы дружим со Светой.

— Ничего, Валерик, всё образуется, — сказал я. — Не болтай лишнего. Иди, а то дома беспокоятся.

Ждал я Диму, пожалуй, не меньше часа. Или время так долго тянулось...

Когда он наконец вышел, то был взъерошен и сердит. Мы молча спустились по лестницам. Только на улице Диму наконец прорвало.

— Анюта сказала ей, что она просто сплетница, ничего не понимающая в детской душе — это её глубокое внутреннее убеждение, — и напомнила, что писал Добролюбов.

— Добролюбов?

— Прохор Степанович даже попросил повторить эту цитату. Я не помню точно, но примерно так: «Всякий, кто поступает против внутрен-

него своего убеждения, есть жалкая дрянь и тряпка и только позорит своё существование».

Он сжал мне руку и, уже улыбаясь, добавил:

— Эффект был потрясающий, хотя Анюта только цитировала классика. «Дрянь и тряпка!» И ещё добавила, что ей противно работать со своей бывшей подругой.

Ну, Анюта, это здорово!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Рассказывает Ностя Марев

Конечно, у меня и раньше бывали дни рождения. В каждом году есть 13 декабря. Но это мало кого интересовало. Разве мать побольше поплачет в этот день да скажет: «Вот если бы твой отец был жив». Мама говорила, что у отца были «золотые руки». День рождения у меня всегда скверный. Ведь это одновременно и день смерти отца. «Такая судьба», — говорила мать. А вышла она снова замуж, отчим оказался пьяницей и перестал меня бить только года два назад, когда я с ним насмерть схватился из-за матери. Тогда-то он испортил мне ногу, я до сих пор немного прихрамываю.

В прошлом году 13 декабря мне выдали паспорт. А в этом я и не думал о дне рождения.

Первым мне неожиданно напомнил Васенька Меньшов, по дороге в школу.

— Стукнуло сегодня семнадцать? Полагается отметить. Выпьем вечером. Приглашаешь?

— Приглашаю, — говорю. — Пей сам, за своё здоровье.

Очень он мне противен стал.

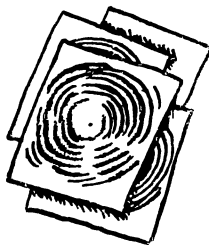
— Ах, какие мы теперь гордые. Не подходите, нам поручена швабра.

Хотел я ему всыпать. Потом решил не портить себе и так плохого настроения. А главное, откуда он о моём дне рождения узнал? Раньше-то не интересовался.

— Ладно, — говорит он. — У меня в портфеле десять пластинок, возьми, что выручишь — пополам. Я тебе доверяю, главный механик.

Бывало, правда, продавал я его пластинки, нацарапанные на рентгеноплёнке, но не захотелось снова мараться.

— Ладно, — говорю, — продавай сам — вся выручка тебе. Можешь, если хочешь, и за моё здоровье выпить, а пока проваливай.

На этом и расстались. Но кто же всё-таки напомнил о моём дне рождения? Вскоре я узнал всё.

Началось с того, что нянечка тётя Валя заторопила: «Константин, тебя Фёдор Яковлевич спрашивал...» Она никогда не звала меня Кокой, а всегда Константин, выговаривая имя по-своему, вроде Ки-
стантин.

Я не пошёл по классам проверять репродукторы, а поднялся прямо в актовый зал.

В рубке гремел голос Фёдора Яковлевича. Увидев меня, он загудел:

— Почему без швабры и тряпки? Немедленно прибрать в рубке!

— Фёдор Яковлевич, разве вы не знаете? Мне не разрешают сюда. Меня же отсюда выгнали.

Тут подскочил Валерик.

— Иди, Костя, — зашептал он быстро.

Значит, можно?! Значит, пустили снова!

— И чтобы в твоё дежурство была хирургическая чистота, — раздался голос Фёдора Яковлевича.

Внизу у библиотеки я чуть не сшиб Сашу Коренькова. Саша потянул меня за руку и вложил в неё, я даже сначала не поверил, свой деревянный портсигар, приёмник, смонтированный на полупроводниках.

— Бери, — сказал он, — только не роняй, теперь он твой, совсем.

Я сунул портсигар в карман и сдал ему руку. Никогда не подумал бы, что такие ребята есть среди семиклассников. А наверху, куда я примчался со шваброй и тряпкой, меня ждал ещё подарок.

Слава протянул кулёчек и сказал:

— Светлана сейчас выздоравливает и проходит под руководством тёти Нины курс кулинарных наук.

В кулёчке оказались пирожки, ещё тёплые. Даже

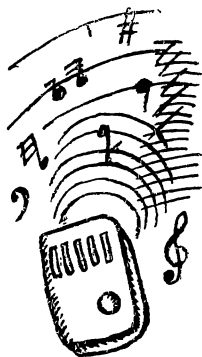
Фёдор Яковлевич не отказался попробовать вместе со всеми.

— Смотри, Костя! — сказал он негромко. — Пусть этот год будет у тебя умнее, чем прошлый.

А Петька важно поднял правую руку:

— Бокал шампанского за именинника.

Я молчал. Мне так хотелось отблагодарить и Валерика, и Свету, и Петьку, и Славу, и, конечно, Фёдора Яковлевича, и вовсе незнакомую тётю Нину. Тут я вспо-

мнил про дело. Фёдор Яковлевич знал, конечно, за что меня и Васеньку выгнали из рубки. Но он с первого же дня требовал не только от Саши, а почему-то и от меня, чтобы в классах каждое утро проверялись репродукторы. Я замечал, что «Ракету» очень хорошо слушают по субботам, — интересные передачи. Ну, спортсмены ещё по вторникам — Наташу. А в остальные дни бывали случаи, особенно перед контрольной, выключают радио и шумят — кто о чём — до звонка.

Мне и пришло в голову, что самые лучшие минуты у нас пропадают между первым и вторым звонком, когда ребята уже уселись, а учитель стоит в дверях с журналом под мышкой и ждёт второго звонка.

Три минуты — это очень много, если читать у микрофона: полторы странички печатного текста. И эти три минуты будут слушать в полной тишине.

Я и стал об этом говорить. Но меня прервали.

— Хорошо, хорошо! — сказал Слава, — приходи на летучку. Всё обсудим.

А Саша Кореньков выгнал всех из рубки.

— Начинаем. Замрите!

— По местам, — командовал Слава. — Валерик, к микрофону.

«Внимание! Внимание! Внимание! Сегодня 13 декабря. Передаём очередной выпуск «Ракеты»!»

... «Ракета»! Было время, я её ненавидел.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ ФОНАРИ

Рассказывает автор

Можно ли драться в школе? Конечно, нет. Дерутся ли в школе? Конечно, да. И в школе, и во дворе. А из-за чего мальчишки дерутся? Этот вопрос нам, взрослым, далеко не просто выяснить. В самом деле, по крайней мере, трое из нас отметили появление в школе нескольких учеников с живописными отметинами на лице, именуемыми в просторечии «фонарями». Конечно, синяки и кровоподтеки различной формы заметил Кузьма Васильевич, начавший, как обычно, ровно в восемь своё путешествие по вестибюлю. Одним из первых в школу явился Слава — нос у него посинел и распух, под глазами большие коричневые круги. Отвечая на безмолвный вопрос директора, Слава, всегда страдавший от неумения врать, пробормотал что-то насчёт проклятой двери, которая вчера совершенно неожиданно встала на его пути. Через четверть часа появился Валерик с большой нащёпкой из клейкого пластыря на лбу

и вздувшейся щекой. Из-под наклейки в разные стороны исходило сияние с переходами от тёмно-синего к зелёному и жёлтому.

Валерик объяснился более бойко:

— Бегу вчера в библиотеку. Вдруг навстречу открывают дверь. Я — раз об неё, о самый угол...

Позже других пришёл Костя Марев. Он был изукрашен разнообразнее других и прихрамывал больше обычного. Директор в ответ на приветствие только спросил:

— Дверь?

— Угу! — довольный этим вариантом, согласился Костя. Ему трудно было разжимать челюсти: болела щека, болели зубы. Связь между этими «фонарями» Кузьме Васильевичу так и не удалось установить. Может быть, потому, что главный пострадавший, Васенька Меньшов, в этот день вообще не прибыл к началу занятий. Он был доставлен только к третьему уроку с перевязанной щекой и с такими «фонарями», что для бегающих глазок остались только узенькие щёлочки.

Сказать, что мама Меньшова со своим сыном вошла в школу, было бы неправильно. Она вломила с силой двенадцатибалльного урагана. Её голос из вестибюля проникал во все этажи здания. Он притих только в кабинете директора, превратившись в тоненький, плачущий. Мы были у Кузьмы Васильевича, когда она вместе с потомством ворвалась в директорский кабинет.

— Кузьма Васильевич, что же это делается? На ребёнка нападают хулиганы, увечат его, ещё немного — и надо на рентген вести, нет ли пролома. До каких же это пор будет? Если вы сами не задержите бандитов, то я... Не пионеры у вас, а хулиганы.

— Подождите! — властно прервал Кузьма Васильевич и обратился к Меньшову: — На кого жалуешься?

Васенька молчал.

— Кто тебя так изукрасил? — в другой форме повторил вопрос Кузьма Васильевич. Васенька безмолвствовал.

Тогда заговорил директор.

— Я знаю, — сказал он раздумчиво. — Это, наверное, дверь. Ты на дверь, конечно, налетел, в библиотеке?

Васенька, обрадованный догадливостью директора, кивнул головой.

— Ну, что же вы хотите? — обратился директор к мамаше Меньшовой. — Жалоб с его стороны нет. Надо осторожнее передвигаться по школе. Пусть идёт на уроки. Разберёмся. А в следующий раз прошу вас являться ко мне в часы, отведённые администрацией школы для встречи с родителями.

В вестибюле нянечка, Валентина Анисимовна, ещё слышала: «Бандиты, убийцы! Я на вас найду управу!» Но в этих возгласах уже не было прежней силы и убеждённости.

Мы с вами не будем ожидать результатов расследования. Автор имеет возможность полностью воспроизвести картину всего происшедшего накануне у меня в библиотеке.

К концу года у школы иногда остаются неизрасходованные деньги. И когда позвонили из Книжной лавки писателей, что прибыла партия новинок, я оставил Славу, Костю и Валерика, а сам поехал за желанными покупками.

Слава за стеллажами готовил радиопередачу. Костя монтировал микроприемник в скорлупе грецкого ореха. Валерик одинолично восседал на моём библиотечном месте и уже отпустил всех малышей, пришедших обменять книжки. В это время в читальном зале и появился тот, кого Валерик меньше всего хотел видеть.

Васенька Меньшов пребывал в отвратительнейшем настроении — последние дни его преследовали неудачи. И сейчас малыши, выходя из библиотеки, показывали на него пальцами, кажется, кто-то даже бросил вслед ненавистное «нищий». С каким бы удовольствием Васенька дал Фёдору Яковлевичу вписать в свой дневник самую обыкновенную двойку. Меньшова уже никто в классе не слушал, когда он цитировал сам себя: «Учитесь жить, мальчики!» В библиотеку же он зашёл полистать «Крокодил». Но первым, кого увидел, открыв дверь, был тот самый Валерик, который организовал злосчастную передачу «Нищий у доски». И даже не постеснялся при этом объявить себя редактором передачи.

Васенька подошёл к столу, отделяющему читальный зал от книгохранилища, и спросил, оглядываясь:

— Ты что здесь уселся, «мальчик резвый, кудрявый»?

Валерик промолчал, хотя внутренне весь напрягся.

Васенька протянул руку через стол и угрожающе нежным голосом пропел:

— Дай я тебя ушипну за подбородочек, крошка...

То, что произошло дальше, до известного момента напоминает древнюю легенду о Давиде и Голиафе, или, в переводе на более современный язык, схватку бойца веса «пера» с бойцом тяжёлого веса. Валерик вскочил на стол и прыгнул в читальный зал. Васенька от неожиданности отпрянул в сторону. Тогда Валерик повернулся, разбежался и, пренебрегая всякими правилами, боднул девятиклассника головой в живот. Удар был стремительный, и Васенька от боли согнулся вдвое.

— Ты так! Щенок, малявка, пузырь! Да я с тобой одной левой справлюсь. — И он с силой ударил Валерика по лицу.

Много ли надо Валерику? И если Васенька не Голиаф, то и Валерик не Давид. Он лежал, распластанный, на полу, и брызнувшие слёзы мешались с кровью. Было не только больно, но и унижительно: он не

мог по-настоящему постоять за себя. А Васенька готовился пнуть своего противника ногой, когда почувствовал, что сзади его схватили сильные руки.

Валерик приподнялся на локтях, с трудом встал и, не поворачиваясь, пошёл к столу, где всего четверть часа назад он мирно выдавал книги, воображая себя библистекарем. Голова кружилась. Ощупал рот языком. Да, одного переднего верхнего зуба не хватало.

— Маленьких бить?! — услышал он знакомые голоса.

Это подоспели Слава и Костя.

— Бить? Он сам полез. А я его одной левой, — защищался Васенька.

— А что на левой? — угрожающе спросил Костя.

На левой был перстень с печаткой, удар которого и придал такую сокрушающую силу.

— Ну, мы сейчас тебе покажем и левую и правую, — продолжал Костя.

— Ещё бы, — отвечал Васенька, пытаясь вырваться, — двое на одного.

Но тут вмешался Слава.

— Отпусти его, мы с ним один на один посчитаемся. Закрой дверь.

— Пусть только перстень снимет, — согласился Костя и закрыл дверь ключом на два оборота.

Кольцо было снято и положено на стол. Дрались по всем правилам, за этим наблюдал Костя. Славе, малоопытному бойцу, досталось побольше, но и Васенька не ушёл без урона.

— Хватит, — заявил Костя, выполнявший роль арбитра. — Отдыхай три минуты. Больше времени нет. Ещё придёт кто-нибудь. Со мной будешь драться.

В этой последней схватке Васеньке пришлось туго. И хотя сопротивлялся он отчаянно, но в конце концов должен был просить пощады.

— Не хочу больше о тебя руки марать, — согласился Костя, вставая. — А колечко твоё... — Он приоткрыл форточку и выбросил гордость Васеньки — перстень с печаткой.

Васенька, отругиваясь, заковылял во двор — отыскивать своё кольцо.

— Получил сполна, — заключил Костя. — А ты — айда под кран с холодной водой, — обратился он к Валерику. — А зуб свой забери. Разве зубами бросаются? Такой зуб на память хранить надо. И запомните: если что, — на дверь налетели.

По-разному встречали бойцов дома. Но описание этих встреч не входит в задачу автора. Скажем только, что зуб Валерик действительно оставил себе на память. И даже предъявил его доктору Айболиту, который, к ужасу мамы Валерика, поздравил своего пациента с «боевым крещением».

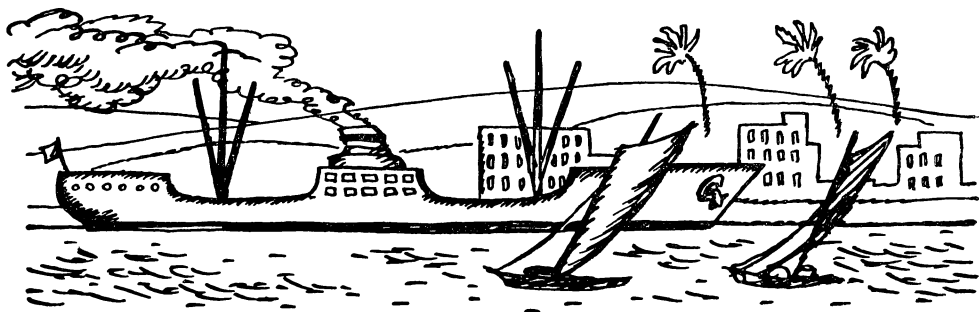
ДОБРЫЕ ВЕСТИ

Рассказывает Валерик

Итак, я — редактор. Нет, ещё не всей «Ракеты». Но всё-таки редактор очень важных новых передач «Добрые вести». Слава остаётся до марта главным редактором «Ракеты», а там видно будет: кто ещё подрастёт, тот и станет его замещать.

Как вы думаете, легко найти хорошее? Нет, нелегко. Я убедился на собственном опыте. Плохое, оказывается, всегда виднее. А хорошее надо искать... И я начинаю находить. Первая передача уже прозвучала. Правда, не совсем удачно. А может быть, и совсем неудачно. Разное говорят.

Пустили мы «Добрые вести» в среду. До начала уроков, между первым и вторым звонком. Так предложил Костя Марев. И он оказался прав. Слушали замечательно. Все уже и без того сидят за партами, ждут учителя. А тут ещё Кузьма Васильевич подарил две минуты — сказал нянечкам, чтобы немножко раньше звонок дали.

Прежде всего я передал радиogramму с борта «Томи». Виктор Афанасьевич Зыбков радировал, что теплоход пришвартовался в одном из портов Карибского моря и после выгрузки возьмёт курс на Ленинград. Рассчитывает увидеть всех на вечере встречи, просит приберечь для него и товарищей хорошие новости. Вот я и обратился к ребятам с просьбой передать добрые вести из пионерских отрядов. Мы соберём их и предьявим морякам.

Вторым было сообщение о том, что наша волейбольная команда

взяла реванш у некрасовцев. Наташа настаивала, чтобы оставить этот кадр для спортивной передачи, но какой смысл? Лучше уж я её опережу, хотя я и не комментатор. Сообщение о победе встретили аплодисментами во всех классах. А третий кадр был насчет того, что Жорик Реготян наконец получил тройку по русскому языку. Жорика вы, наверное, помните. Он главный художник стенной газеты, но рисует и нам всякие плакаты к субботним передачам. Очень смешно получается. Около его плакатов всегда народ. Жорик приехал из Средней Азии, и русский язык там учили совсем не строго. Вот он и наделал в первой же диктовке двадцать девять ошибок!

Его хотели перевести на класс ниже, но он дал слово, что дома будет писать диктовки. На последней диктовке в классе он сделал всего пять ошибок — орфографических. Да ещё запятой не поставил. И всюду очень много восклицательных знаков. Ему вывели тройку. Он даже приплясывал.

А мне говорят: «Какая же это добрая весть? Вот если бы пятёрку, да не одну!»

У меня почему-то никогда не выходит совсем гладко. А вообще добрых вестей кругом немало. Но одна... О ней могу сообщить пока только неофициально. Мы с Сашей Кореньковым готовим передачу «Мой кролик летит на Марс!»

Саша у нас известный «мастер — золотые руки». Когда школа получила заказ на клетки для белых мышей и кроликов, его назначили бригадиром. Его клетки признали самыми лучшими.

Но ему стало интересно, кто в этих клетках живёт. И он пошёл в научный институт. Ну, там пропуск не давали, но он сказал, что пионер и что хочет посмотреть, хорошо ли живётся кроликам в его клетках. Тогда пустили. А потом он бывал у кроликов чуть ли не каждый день, приносил морковку, если нужно, чинил клетки. И особенно подружился с Пилотом, одним совершенно белым кроликом с красными глазами. Я ему говорю, что белых кроликов с красными глазами очень много бывает. Он мне: «Я своего Пилота из тысячи узнаю».

Один раз приходит Кореньков в школу, ну, совершенно взволнованный, отзывает меня в сторону и показывает какой-то журнал.

«Видал?» — спрашивает и показывает мне фотографию животных, которые летали в космической ракете. «Вижу, — говорю. — А что?» — «Смотри внимательно. Не узнаёшь? — спрашивает Саша. — Это же мой Пилот, мой кролик! Я сразу узнал его, я же его ещё совсем маленького кормил».

Тут мне и пришла мысль о передаче. Вы только подумайте, если это действительно Пилот, то, значит, и наша школа участвует с ним в космических полётах. Своим трудом. Ну, хоть немножечко! Это же здорово!

Но всё-таки надо проверить. Мы послали официальный запрос от «Ракеты» в Космическое управление Академии наук. Должно же быть такое!

Скоро Новый год, и Света начала ходить в школу. К ним на неделю с Дальнего Севера приехал отец — Михаил Михайлович. Света выздоровела. Но я думаю, что не совсем, она ещё очень бледная. Тётя Нина говорит: «Одни веснушки остались!»

Коричневые лабораторные часы вернули доктору Айболиту. Теперь у Рябинкиных один будильник, который мы с Сашей Кореньковым просверлили. Откровенно говоря, я на него не стал бы рассчитывать. Что ж делать, как говорит Фёдор Яковлевич, наука требует жертв.

Кстати, о жертвах. На следующий день после битвы в библиотеке в школу прибежала мать Васеньки Меньшова и долго шумела, что её ребёнка избивают бандиты. А ещё через день она появилась снова, разыскала Диму Андреева и потребовала, чтобы за её Васеньку поручились наши комсомольцы. Оказывается, его два раза задерживала милиция. Он спекулировал пластинками на старой рентгеноплёнке. А плёнку украл у отца на работе.

...Сегодня иду на совет дружины. Три месяца носу не показывал после того, как меня с позором выгнали. А теперь пойду. Надо попросить, чтобы они подумали о добрых вестях. Анюта говорит: «Будут добрые дела — будут и добрые вести».

И ещё: Володя Антонов, Жорик Реготян и другие из стенгазеты тоже готовят добрые вести. Они хотят сделать специальный выпуск к вечеру встречи с выпускниками. А вчера в библиотеке, когда я дежурил, выдавал книжки малышам, за стеллажами беседовали Володя Антонов и Слава.

— Каким же мы были дураки, раздувая всякую редакционную тайну! — говорил Володя и хлопал Славу по спине.

— И обижались на критику, — смеялся Слава.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, МОЖЕТ БЫТЬ, ПОСЛЕДНЯЯ

ПРОЩАЙ, НЕТ, ДО СВИДАНИЯ!

Рассказывает автор

Вот и пришла пора прощаться с друзьями. Как вы, наверное, заметили, автор охотно уступал страницы книги своим героям. Вот и сейчас, не задерживаясь на описании мглистого вечера, вокзальной сутолоки, огней семафоров, гудков локомотивов и сирен электричек, автор считает своим долгом проследовать с вами прямо на платформу

№ 5, откуда уже после полуночи отправляется длинный поезд на Дальний Север.

Здесь мы найдём если не всех, то многих героев повести. Вместе с отцом на Дальний Север уезжает Света. На этом настоял доктор Айболит. Вот, кстати, и он здесь, даёт последние указания тётке Нине. Да, она тоже едет на Север. Дело в том, что отца Светы там оставляют работать. Ну и, естественно, нового начальника нового цеха на новом месте ждёт новая квартира — отдельная, со всеми удобствами. Это вполне устраивает тётю Нину.

Слава остаётся в Ленинграде кончать школу. Выяснилось, что наша школа растущая, — в ней будет и выпускной десятый класс. Слава через год пойдёт в университет. Если не пройдёт по конкурсу, то поедет работать к отцу. На Севере молодые люди очень нужны.

Итак, трое отъезжающих. А провожающих? Много больше. Анюта тормозит, старается развеселить Свету. Девочка крепится. Но нелегко бросать школу посередине года, даже если едешь с отцом в новые заманчивые края. А сколько друзей остаётся в этом большом и милом сердцу городе...

Всей семьёй на вокзал явились Серёгины: папа, мама, Валерик.

В полном составе редколлегия «Ракеты», даже с избытком. Вместе с Сашей Кореньковым здесь Костя Марев. Именно он, уловив минутку, сунул в руки Светланы поющий портсигар — маленький радиоприёмник. Сейчас они вместе с Сашей Кореньковым конструируют приёмник уже в грецком орехе. А портсигар поможет Светлане всегда слышать Ленинград. Наташа пробует комментировать проводы, но спортивный репортаж у неё выходит лучше.

А вот на перроне появились и представители «дружественной державы» — «Вымпела» — Володя Антонов и главный художник стенгазеты Жорик Реготян: он в своём блокноте пытается увековечить сцену расставания.

До отхода поезда остаётся пять минут. Из дребезжащего репродуктора пробивается голос:

«Граждане провожающие, проверьте, не захватили ли вы билетов граждан отъезжающих...»

Ах, нет на вокзальном радио своего Валерика или Светы. Да и Саша Кореньков не стерпел бы такого унылого дребезжания.

Валерик стоит в стороне. Только один человек уезжает из Ленинграда — Светлана, а как тускнеет всё. К Валерику подходит Михаил Михайлович, отец Светланы, и протягивает руку. Сильное мужское рукопожатие.

— Ну, дети, пора прощаться, вы хорошо дружили. А настоящая дружба от времени только крепнет, — говорит он Валерику и Свете.

И Валерик чувствует, как тёплые влажные губы прижимаются

к его щеке. Перед глазами мелькает рыжая прядь волос. Он скорее понимает, чем слышит: «Прощай, Валерик!»

Нет, всё-таки это неправильно. Почему Света должна уехать на Север, а он остаётся? Он остаётся, а Света должна уезжать в места, где ещё и почту, наверное, раз в неделю привозят, и то, наверное, или на оленях, или на вертолётах.

Тётя Нина в отчаянии. Она уже в вагоне, и ей кажется, что все останутся на платформе, а она одна уедет на Север. Торопит и проводница. Но когда граждане отъезжающие проходят в купе и Света принимает к стеклу, остаются ещё долгие две минуты. Люди уже не знают, что говорить. И сказать ничего нельзя — тебя не услышат. Да и надо ли говорить?

Поезд уже тронулся. Поймёт ли Светлана Валерика? Он объясняет что-то знаками, губами, всем лицом, двигаясь вслед за поездом. Очень важно, чтобы она поняла: «Прощай» — неверное слово. «До свидания, Света!» — кричит он громко.

...И автору этой повести важно, чтобы читатели тоже правильно поняли его. Ему не хочется прощаться ни с ребятами из «Ракеты» ни с вами, дорогие друзья-читатели. Кто знает, может быть, мы ещё встретимся. До свидания!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ДВА ЗАЙЦА ЛЁНИ ФОГЕЛЯ

Рассказывает Анюта

Это непростительно — прервать повесть, когда развернулись самые важные события! Конечно, Григорий Павлович не мог знать, что произойдёт после отъезда Светы. Но если уж произошло... Впрочем, всё по порядку.

Ну вот, уехала Света. В школе больше тысячи девочек и мальчиков. Одних пионеров в дружине шестьсот. Вокруг «Ракеты» 30—40 корреспондентов, столько же у «Вымпела», а Светки моей рыженькой решительно не хватает. И Слава скучает, и Валерик ходит как в воду опущенный. Даже Петька Файнштейн загрустил. Всё пристаёт к Славе: «Что пишет сестрёнка? Мне привета нет?» Так вот, через несколько дней после того, как мы проводили Светлану, мне позвонил Лёня Фогель из радио, бывший ученик нашей школы. Замечательный радиотехник и, к тому же, отлично танцует. Ребята из «Ракеты» повторяют за ним: «Радиорепортажу принадлежит великое будущее».

— Анна Васильевна, как вы относитесь к Валерику? — спросил он. — Это настоящий парень?

Я сказала, что люблю Валерика, считаю его разносторонним, хотя с ним подчас и приходится трудно: он разбрасывается, иногда забывает о том, что обещал.

— Но всё-таки это настоящий парень? — допытывается Лёня. — Понимаете, Анна Васильевна, я хочу убить сразу двух зайцев, сделать небольшой сюрприз и ему, и школе.

Я не поняла тогда, о каких зайцах толкует в трубку мой собеседник. В пионерской собрался штаб конкурса самоделок, и мне было некогда. Потом, оказывается, Лёня звонил Григорию Павловичу и спрашивал про читательский формуляр Валерика. Затем разговаривал по телефону с мамой Валерика — узнавал, как сын готовит уроки. И та сказала, что он всегда пользуется папиной Большой Советской Энциклопедией, но часто забывает ставить тома БСЭ на место.

А через несколько дней Валерик приходит в пионерскую и спрашивает, не знаю ли я что-нибудь о зайцах Лёни Фогеля. Но тогда было не до зайцев, потому что Валерик увлёкся передачей о самоделках из серии «Добрые вести».

Самой лучшей конкурсной работой оказался грецкий орех Саши Коренькова. Отличный приёмник, смонтированный в скорлупе. А Костя Марев ещё придумал приспособление. Орешек можно прикреплять к уху. Самому всё слышно, и другим не мешает. Чуть тронул пальцем — настраиваешься на другую станцию. Ребята были в восторге, все просили: «Дай орешек, дай орешек». Да и мне ужасно понравилось.

Саша и Костя, наверное, по моим глазам заметили, что мне очень хочется иметь эту игрушку, и Саша свеликодушничал: «Дарю вам, Анна Васильевна». Я отказалась, ведь это на конкурс и очень дорогая вещь. Сколько стоит? Костя тогда возмутился:

— Если за деньги, Анюта, (он в первый раз меня так назвал), то наш орешек не продаётся.

— Ведь вы же сами покупали детали, — сопротивлялась я.

— Но я-то зарплату получаю, — возразил Костя. И Саша подтвердил: триоды куплены с Костиной полочки, остальное собрано из старья.

Все восхищались этой миниатюрой. Слава посвятил передовую «Ракеты» умелым рукам. И здесь впервые рядом с фамилией Коренькова прозвучала фамилия Марева, смекалкой которого может гордиться школа. А «Вымпел» поместил фотографию ореха на фоне нашего большого библиотечного кактуса.

Но орех я не взяла всё-таки. Глафира Алексеевна тоже подтвердила, что это непедагогично. «Анюта, девочка, — наставляла она. («Зовите меня, пожалуйста, Анна Васильевна», — сердито попросила я). — Анюта, — повторила она, точно не слыша. — Вместо того чтобы увлекаться игрушками, вы лучше обратите внимание на вашего любимого Валерика. Я вынуждена была поставить ему двойку за невнимание.

А ведь он способный мальчик, из хорошей семьи. Вы же имеете на него совершенно исключительное влияние!»

Разговор происходил в учительской, и Прохор Степанович подтвердил: у Валерика что-то не ладится в последнее время.

Слушая передачу о наших самоделках, таких замечательных, я удивлялась, как вяло, безжизненно звучал голос Валерика.

— Анюта, Анюта! — укоризненно заметил Слава, когда я попыталась с ним заговорить на эту тему. — Светка мне шлёт такие тоскливые письма. Просится обратно в Ленинград. Ну и Валерик... Неужели вы ничего не понимаете. А я-то думал...

Мне стало совестно. Тоже считаю себя знатоком юных душ, получила высшее педагогическое образование и не увидела, не поняла, как зябко стало Валерику, как одиноко среди многих друзей без одного любимого друга.

А тут развернулись события, которые всё поставили вверх ногами. Я отказалась от ореха. Но он всё-таки достался мне. На торжественном вечере, когда вручались призы за лучшие самоделки, первыми на сцену вызвали Сашу и Костю.

— Ну, как ваш орех, звучит? — спросил Кузьма Васильевич, вручая премию — набор радиодеталей.

— Послушайте, пожалуйста! — предложил Саша и поднёс орешек к уху директора. Кузьма Васильевич послушал и обратился ко мне:

— Да ведь это же ваш голос, Анна Васильевна!

Но когда орех передали мне, я услышала не себя, а голос мамы Валерика. Она говорила: «Алло, алло! Мой сын занимается очень сосредоточенно. Когда у него задания по истории, он всегда берёт Большую Советскую Энциклопедию или другие солидные источники».

Пока Кузьма Васильевич награждал других, орешек переходил из рук в руки, или, вернее, от уха к уху. Григорий Павлович, услышав: «Будем учиться, как Валерик Серёгин!» — развёл руками. У негохватила орешек Дагмара и, прикрепив к уху, зашипела:

— Ага, это ваш хваленый Лёня Фогель спял радиопередачу. Какой позор! «Школа должна гордиться таким учеником, а мы такой школой». Нашли кем гордиться!

Орешек перешёл к Прохору Степановичу, но ему уже досталось попури из советских оперетт.

— Хорошая слышимость, — сказал он. — Но что там говорилось о Валерике и о нашей школе?

Это был сюрприз Лёни Фогеля! Оказывается, ему нужно было сдавать курсовую работу на заочном факультете журналистики, и он решил смонтировать «мировой» репортаж из телефонных бесед. В том числе и со мной. Выдержки из бесед он снабдил восторженными ком-

ментариями. Выходило, что Валерик самый лучший ученик не только в школе, но, может быть, и в городе!

В репортаже была и правда и неправда. Верно то, что сказал каждый из собеседников по телефону. Да, Валерик много читал, многим интересовался и мог бы учиться отлично. Мог. Но в последнее время, полагаясь на свою сообразительность и память, он часто не слушал на уроке, думая о чём-то своём. Нахватал троек по математике и даже по истории, которую очень любил. И вообще учился спустя рукава. А Лёня сделал его отличником!

Хорошо ещё, что эта передача шла по какой-то пятой или четвёртой программе — на Сибирь и Дальний Восток, у нас в Ленинграде по трансляционной сети её, к счастью, не передавали.

И всё-таки это очень неприятно. А тут ещё Дагмара ввязалась: — Я же говорила, что твой Валерик выскочка и хвостун!

Когда Кузьма Васильевич кончил вручать награды, слово взял Саша Кореньков. Он вышел на сцену.

— Мы, я и мой товарищ Константин Марев, решили подарить этот орешек старшей вожатой Анюте, — он поправился: — Анне Васильевне. Другу нашей «Ракеты».

Кузьма Васильевич развёл руками, в зале захлопали. Кореньков подошёл и положил орех мне на ладонь. Теперь уже отказаться было невозможно.

Орешек! Разгрызть его оказалось нелегко.

ГЛАВА Сороковая

ЯБЛОКИ РАЗДОРА

Рассказывает Слава

Когда Саша Кореньков, краснея от натуги, внёс в библиотеку большую корзину с яблоками, все оживились: «Что ещё за новость?» А он, не обращая ни на кого внимания, взгромоздил корзину на стол перед Валериком и сказал: «Твои. Серёгинские, все до единого!»

Мы уже привыкли, что к Валерику поступает всевозможная корреспонденция: и радиogramмы с Атлантического океана, и служебные письма из Радиоцентра, и открытки из разных портов мира. Но это было что-то новое и... вкусное. Ребята потянулись было за яблоками — большими красными апортами. Но Кореньков решительно отвёл руки.

— Это его личные. Заслуженные. И послание приложено. Пусть записной диктор огласит.

Он передал какую-то бумагу Петьке Файнштейну. Валерик ещё

ничего не понимал. А я начинал догадываться. Дело в том, что меня, Диму Андреева и Володю Антонова вместе с Анютой вызывал на большой перемене директор.

Кузьма Васильевич не переставая ходил по своему кабинету. На столе у него была целая горка писем, а у стола — вот эта самая корзина, которую втащил в библиотеку Кореньков. Только тогда она была не раскрыта, хотя от неё пахло вкусно, душисто.

Валерик уставился на Коренькова, взял яблоко и спросил:

— Ну?! В чём дело?!

В читальный зал уже входил Дима Андреев с охапкой писем. Он был сердит и ни на кого не смотрел.

— Вот, любуйтесь, — сказал Дима, бросая письма на стол. Как всегда, в понедельник в читальном зале у кактуса собрался на летучку радиокомитет. — Вот, — повторил комсомольский секретарь. — Директор рекомендовал рассмотреть поступившую корреспонденцию и определить наше отношение ко всему этому.

Все переглянулись.

— Надеюсь, ты не возражаешь?! — обратился Дима к Валерику.

— Я?! — переспросил Валерик. — Почему я должен возражать?

— Тогда читай, Слава, — Дима уселся за стол и вытянул свои длинные руки.

На бланке из Центрального радиокомитета нашей школе сообщали, что передача «Учиться, как Валерик Серёгин» получила широкий отклик юных радиослушателей (прилагается 168 писем, а также корзина с яблоками, которые прислали пионеры Алма-Аты из своего пришкольного сада). Центральный радиокомитет благодарил директора школы, педагогический коллектив и дружину за то, что они воспитали такого замечательного пионера, и просил ответить радиослушателям, приславшим отклики из разных городов, а яблоки передать Валерику и его товарищам из «Ракеты».

Поднялся шум. Ребята разволновались и потребовали, чтобы я читал подряд всё. Я взял на выдержку несколько посланий. Невозможно же на летучке читать 168 писем.

В первом пионеры из города Светлый на Дальнем Севере писали, что им очень понравилось, как учится Валерик, который вовсе не ограничивается тем, что задано, но хочет узнать всё и больше и лучше, чем на уроке, и к тому же успевает выступать как старший диктор «Ракеты».

Затем мне попало письмо одной девочки, которая предлагала Серёгину Валерию дружбу и просила прислать фотографию, хотя она и так очень ясно представляет себе его — такого высокого, мускулистого, спокойного. Она писала, что у них в классе нет дружбы мальчиков и девочек, и просила поделиться опытом.

Затем Петя встал в позу и стал декламировать с выражением стихи пионеров из Алма-Аты, которые были вложены в корзину.

Лучшие яблоки, лучший сорт —
Это алма-атинский апорт.
Лучший парень — в учёбе пример —
Это, конечно, Валерик-пионер.
Эти яблоки — награда за труд,
Пусть ест на здоровье наш друг.

Валерик взял одно яблоко, надкусил его. Он перебирал письма, положенные перед ним, рассматривал марки, ни слова не говорил. Раньше бы двадцать раз перебил меня. Ребята же всё больше и больше шумели. Но яблок пока никто не брал.

Тогда вмешался Григорий Павлович:

— Я прошу не разводить такого адского шума. Это же библиотека. Мне кажется, вы не понимаете, что произошла большая беда, говоря военным языком — ЧП, чрезвычайное происшествие.

— Да, именно ЧП, — сказал, вставая, Дима Андреев. Валерик на весь Советский Союз представлен как замечательный отличник. А ведь он стал учиться плохо. Что же теперь делать? Опровергать? Но что? Что может Валерик ответить всем этим ребятам?

Снова вмешался Григорий Павлович — он показал на письма.

— Вы теперь ещё раз убедились, какая огромная сила у слова, да ещё переданного в эфир.

— Что скажешь, Валерик? Как могла появиться такая передача, отвечай! — потребовала Аня.

Валерик пожал плечами, не поднимая головы, которую он положил себе на руки.

— Отвечай, — настаивала Аня.

Валерик медленно приподнялся.

— А чем виноват я? Ну, не отличник, так я и не говорил Лёне, что отличник. А в энциклопедию смотрю, это мама правду сказала. И ты, Аня, ведь тоже говорила, что я разносторонний. А Лёня смонтировал всё вместе... — Валерик махнул рукой и снова сел. Взял было опять яблоко, но, подумав, положил обратно на стол.

— Ты подвёл школу, товарищей, неужели непонятно? — возмутилась Аня. — Можно только поражаться твоему легкомыслию. Ведь не ребёнок, взрослый человек.

Аня хотела ещё что-то добавить, но тут неожиданно вмешалась Дагмара. Хотя её никто не просил, она явилась на летучку.

— Я просто удивляюсь, — начала Дагмара, — как вы ставите вопрос. Почему все набрасываются на Валерика? У мальчика, конечно, могла быть лучше успеваемость. Но вы же сами сделали его незаменимым. Я-то никогда не гладила Валерика по головке, хотя справедли-

вость требует сказать, что у него замечательные способности. Он не виноват, если репортёр с бантиком, чтобы загрести гонорар, записал на плёнку то, что ему Валерик не говорил. Надо привлечь к суровой ответственности этого репортёра. Правда, Валерик?

Валерик ничего не ответил. Он положил голову на руки и смотрел прямо перед собой — на корзину с яблоками.

Тогда заговорил Саша Кореньков.

— Если уж слово попало в эфир, его на плёнку не вернёшь. Валерика должен сказать, что про него наврано в телефонном репортаже, а что правда. Я запишу на плёнку, размножим копиями и разошлём банделолями. Вот и всё.

— По ста шестидесяти восьми адресам?! — спросила я.

— Да разве в одном Валерике здесь дело, — заметил Дима Андреев. — А как вся школа будет выглядеть? В этом городе Светлом или в Алма-Ате, откуда эта корзина с яблоками, получат опровержение: яблоки скушали — и спасибо, а Серёгин, у нас, извините, совсем не такой.

— А что по этому поводу скажет «Ракета»? Или придётся выступить в стенной газете? — спросил редактор «Вымпела», Володя Антонов.

— Пойдите, пойдите, разрешите мне прокомментировать! — вскочила Наташа. — Я предлагаю так: что в репортаже неправда, пусть будет правдой!

— Непонятно! — загалдели ребята.

— А я сейчас всё объясню. По радио прозвучало, что Валерик Серёгин отличный ученик и очень здорово умеет заниматься, с выдумкой, не дожидаясь, пока учитель подтолкнёт. Так пускай Валерик станет самым что ни на есть лучшим отличником. Тогда в заметке всё будет правдой, хоть и с опозданием. Другого выхода нет, — решительно заключила Наташа и, сев на место, что-то продолжала доказывать соседкам.

— Легко сказать — отличником! — вздохнул Костя Марев.

А вот мне эта мысль понравилась. И я поддержал Наташу:

— Пусть Валерик нажимает по всем правилам. А мы его от «Ракеты» пока освободим.

Дима Андреев добавил:

— Не только от «Ракеты», но и ото всех дел. Раз такая история.

— А мы обойдёмся без Валерика? — спросил кто-то.

— Обойдёмся, — загудели ребята.

Валерик поднял голову.

— Так я вам не нужен? — тихо, но так, что все слышали, спросил он. — Совсем не нужен?

— Занимайся по-серёгински, — предложил Жора, который успел

нарисовать смешную карикатуру, где изображалось, что Валерик спутал тройку с пятёркой.

— Ясно. Точка-тире! — сказал Валерик звонко, почти весело. Потом взял надкушенное яблоко и как-то боком двинулся к двери.

— Валерик, куда ты? Вернись немедленно! — потребовала Анюта.

— Вот тебе и «здравствуй, дедушка!» — нехотя пошутил Петька. На него все цыкнули. Анюта направилась было к двери, но почему-то передумала.

У всех испортилось настроение. Мы ещё немного поговорили, порассуждали, что же делать с нашим чрезвычайным происшествием. И вдруг в библиотеку ворвалась нянечка Валентина Анисимовна. Растрёпанная, испуганная, заплаканная.

— Убили, убили его! — запричитала она. — Этот гад ползучий Васька под машину толкнул. Вот тут, против школы как раз. Уже и «Скорая» приехала...

И она, плача, уронила голову на корзину с яблоками. Яблоки, подсакивая, покатились по полу.

— Кого, кого убили, тётя Валя?! — затормошили её девчонки.

Но мы уже поняли, что беда случилась с Валериком. И бросились, толкая друг друга, на улицу...

ГЛАВА Сорок первая

ЧИСТАЯ ПРАВДА

Рассказывает Валерик

Оказывается, я всё-таки жив. Окончательно это выяснилось только через неделю. Мне «чертовски повезло», как уверяет доктор Айболит. Я не «отдал концы», как сказал бы Виктор Зыбков. Главному хирургу, Степану Ефимовичу, пришлось собирать и склеивать меня по кусочкам. Дело-то было плохо.

Все тогда набросились на Васеньку. Но, если по чистой правде, то, пожалуй, Васенька не совсем виноват. Во всяком случае, он меня не убивал. Из библиотеки я выбежал, зажав в руке злополучное яблоко, ни о чём не думая. Просто мне стало вдруг обидно, что я совсем никому не нужен: боялся расплакаться при всех.

На улице первым навстречу — Васенька. Только его в эту минуту и не хватало! Он подошёл совсем близко, притянул к себе за курточку: «Ну что, мальчик резвый, кудрявый, всё торопишься? Яблочко на розе кушаешь? Не боишься ангельский голосок застудить? Может, прополощем горлышко?»

От него противно несло перегаром. «Ты не думай, Меньшов всё знает, — продолжал он. — Тебя из «Ракеты» вытурили? А кто тебе настоящий друг? Не веришь? Хочешь, перстень подарю? Помнишь перстень? Зубик-то тебе ещё не вставили?»

Тут я рванулся от него на мостовую и... больше ничего не помню.

Очнулся в больнице. Не понимаю: где, что. Хочу пошевелить ногой. Ничего не чувствую. Спрашиваю доктора Айболита — он около меня оказался:

— Где мои ноги?

— Спокойно, дружок. Не шевелись. Всё на месте. Только надо терпением вооружиться, большим терпением. Снайпер лежит не двигаясь по двадцать часов. А вот тебе придётся не меньше чем двадцать суток.

Тут подошёл другой доктор, высокий, тоже в белом халате, Степан Ефимович.

— Разговорчики? Прекратить. Обеспечить полное спокойствие. И никаких следователей.

Тогда я ничего не понял; мне что-то дали выпить, вытерли губы — и я снова забылся.

Через несколько дней в палату привели лейтенанта милиции. И на него надели белый халат. Он сел около меня и всё время спрашивал, толкал ли меня в тот день Васенька или не толкал. Объяснил, что это очень важно установить для следствия — и чтобы я говорил чистую правду.

— Нет, не толкал. Он держал. А я сам вырвался!

Так и записал лейтенант милиции. И попросил подписаться Анюту, которая дежурила вместо мамы.

Ничего не подделаешь, если по чистой правде, то снова я сам виноват, как во всей этой истории. Никто меня ни разу не упрекнул. А ведь я подвёл школу, Кузьму Васильевича, «Ракету». Ребята все такие понимающие, деликатные, что реветь хочется. А нельзя. Выдержка. Точка-тире. Лежи, дорогой Валерик, двадцать дней на вытяжении, если хочешь, чтобы твои косточки зажили и ноги заходили.

А вдруг не заходят? А вдруг, как у Настоящего человека. У него тоже сначала ноги целы были. Человеку очень нужны ноги, и совсем не важно, если уж не такие длинные. Как хорошо бежать вприпрыжку в школу, учиться, выпускать «Ракету». Я подумал, какой я был глупый, что не умел ценить вот таких простых вещей. Не мог на уроке и пяти минут спокойно усидеть. А тут три недели не шелохнуться! Или больше?

И я лежу, лежу, лежу... На вытяжении. Перелом сложный, да ещё

нервы повреждены. Это значит, нога сломанная поднята вверх, чтобы кости на место стали, на ней груз... И... не шелохнуться.

Не дождёшься пяти часов вечера, когда в палату пускают, по одному, ребят. А первое время была только мама да Анюта, которая её подменяла. Потом Степан Ефимович сказал:

— Хватит! Никаких круглосуточных дежурств. Наш Валерик Валериевич теперь уже не слабый, а вполне удовлетворительный больной. Починили, клеили, нужно отлежаться.

Да, днём ещё ничего. Лежишь, как снайпер, не на снегу, конечно, но всё-таки. А вот вечером, когда потушат свет, трудно. По тёмной стене бегут отблески фар автомобилей. Лежу в палате один.

Когда мне становится очень грустно, вручает грецкий орешек, Анюта принесла. Слушаю разные станции, пока не надоест. И уже многих дикторов по голосам узнаю...

И всё думаю, думаю: как это могло случиться? Жалеют меня, а мне почему-то жалко Лёню Фогеля. Это неправда, что он хотел, как говорит Дагмара, «загрести гонорар». Парень из нашей школы приходил ко мне в больницу. Оказывается, он хотел сначала делать репортаж о «Ракете», об её старшем дикторе. А в редакции ему сказали, что нужно об отличнике. И он решил, что всё равно «сойдёт». Хотел сюрприз сделать, убить двух зайцев. А что получилось...

— Как я тебя подвёл, Валерик! — всё повторял он, сидя около меня.

Анюта рассказывала, что Лёня получил единицу за диплом и ещё выговор на студии. А он-то уверял: «Валерик, ты ни в чём не виноват!»

Не виноват? Это как рассуждать! Я, наверное, виноват не в том, что говорил, а в том, чего не сказал. Взял и промолчал, как теперь учусь.

Просто я не думал, что из-за таких пустяков может грандиозное ЧП случиться.

Доктор Айболит — единственный, кто ко мне может приходиться во всякое время. Когда я ему сказал про «пустяки», он согласился: «Бацилла тоже маленькая, её и под микроскопом не всегда разглядишь. А сколько зла натворить может. Так и ложь».

А Григорий Павлович сказал мне, что будет писать в своих мемуарах всю правду и о героях и о трусах. Он напишет о том, как один молодой солдат, чтобы спасти всех, закрыл своим телом амбразуру. А другой...

Другой был послан в разведку и должен был проползти 400 метров и сделать проход в проволочных заграждениях. Он 400 метров прополз и доложил, что задание выполнил.

А когда под утро наши пошли в атаку, то у заграждений застряли, и многие погибли. Проход-то парень начал делать, да отполз, не закончил. А сказать всю правду побоялся — промолчал. И стал предателем. Товарищей сколько погубил.

А вчера пришёл главный хирург, принёс будильник медицинский: «Валерик Валериевич, хватит бездельничать, а то скиснешь. Мне Терентий Фёдорович рассказал о твоём великом изобретении — «Школа на дому со звонками».

Я запротестовал. Это Света придумала. Я только завучем был. Но всё равно буду по этой системе заниматься. Урок у ребят — урок у меня. Можно и без звонков.

— Можно и со звонками. У нас этой аппаратуры хватает! Справишься?

Когда столько друзей, разве можно не справиться? А я-то в библиотеке тогда мог подумать, что если мне правду в глаза говорят, то я никому не нужен. Одна Дагмара, видите ли, за меня заступилась. Да ещё Васенька дружбу предложил. Тоже, друг с перстеньком!

Я знаю, теперь ребята так на уроки поднажали. Как говорит физик Фёдор Яковлевич: «Репутация подмочена — надо выручать фирму». Это он про школу и про меня сказал, когда приходил ко мне в больницу.

Сидел около меня, разглаживал свою бороду и всё спрашивал, не оставя ли мне палку с серебряным набалдашником. Палка из кизила, крепкая, хорошо опираться, когда ходить начну.

Степан Ефимович не разрешил: «Встанет на ноги, палками мы его обеспечим. А потом и сам побежит. И в футбол играть будет».

Хорошо бы. Если только меня не утешают. Но доктор Айболит сказал, что это чистая правда. А ему-то можно верить.

...Мне уже разрешили писать. Я попросил конверт авиапочты. Мама спросила кому. Ну конечно, на Дальний Север, ведь Света ещё ничего не знает. Я просил, чтобы Слава не сообщал ей о ЧП. А теперь уже можно. Но я должен сам всё написать. Пусть даже презирует. Но врать больше не буду.

...В школе скоро вечер встречи. Без меня. Впрочем, не совсем. Саша Кореньков обещал принести «Эльф» в палату — записать меня на плёнку. И я буду говорить с ребятами — старший диктор «Ракеты», находящийся на излечении. А ко мне проведут трансляцию из большого зала, и я всё буду слышать. Это уже Лёня Фогель старается!

И последнее, самое неожиданное. Навещал Прохор Степанович. Он просил подумать о том, кто будет в будущем году редактировать «Ракету».

Как вы считаете? Имею ли я на это право?

САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ И САМАЯ КОРОТКАЯ

Рассказывает автор

Теперь я спокойно могу приняться за свои мемуары. Тем более что жизнь снова столкнула меня с однополчанами, которые стали мирными людьми: учителем географии Прохором Степановичем, он изучал географию не только по учебникам, но и по дорогам войны; с доктором Терентием Фёдоровичем и его однокашником, хирургом Степаном Ефимовичем; с замечательной санитаркой военного госпиталя, школьной нянечкой Валентиной Анисимовой; с гвардии майором Кузьмой Васильевичем — директором школы.

А писать мемуары я решил для ребят. Пускай другие пишут для взрослых. Мне почему-то кажется, что я с ребятами найду общий язык. Во всяком случае, буду стараться. Ведь и меня «Ракета» многому научила.

Вы понимаете, что мы просто обязаны были рассказать эту повесть.

А теперь прощайте. Или, может быть, всё-таки до свидания?

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава первая. Капитаны радиорубки. <i>Рассказывает автор</i>	5
Глава вторая. Как это началось. <i>Рассказывает Валерик</i>	7
Глава третья. Происшествие за происшествием, или Несчастный день Валерика. <i>Рассказывает автор</i>	11
Глава четвёртая. Привет из Атлантики. <i>Рассказывает Валерик</i>	14
Глава пятая. Когда в библиотеке не должно быть тихо... <i>Рассказывает автор</i>	16
Глава шестая. День рождения, или Школьный вальс. <i>Рассказывает Валерик</i>	17
Глава седьмая. Как быть с Атлантическим океаном? <i>Рассказывает Слава</i>	20
Глава восьмая. Летучка. <i>Рассказывает автор</i>	22
Глава девятая. Редакционная тайна. <i>Рассказывает Слава</i>	24
Глава десятая. У меня новое ампула. <i>Рассказывает Валерик</i>	28
Глава одиннадцатая. Анюта или Анна Васильевна? <i>Рассказывает автор</i>	32
Глава двенадцатая. Останется ли Анюта Анютой? <i>Рассказывает автор</i>	34
Глава тринадцатая. По методу Шерлока Холмса. <i>Рассказывает Света</i>	36
Глава четырнадцатая. Книгоеды. <i>Рассказывает Слава</i>	41
Глава пятнадцатая. Здравствуй, бабушка! <i>Рассказывает Валерик</i>	43
Глава шестнадцатая. Чёрная неделя. <i>Рассказывает автор</i>	45
Глава семнадцатая. Большой магнитофон. <i>Рассказывает Валерик</i>	48
Глава восемнадцатая. Крем-брюле. <i>Рассказывает Света</i>	51
Глава девятнадцатая. Косметический ремонт. <i>Рассказывает автор</i>	55
Глава двадцатая. Мой секрет. <i>Рассказывает Анюта</i>	58
Глава двадцать первая. Находка из Находки. <i>Рассказывает Валерик</i>	63
Глава двадцать вторая. Субботняя передача, или «Неряха ходит по школе». <i>Рассказывает автор</i>	66
Глава двадцать третья. Дебют «Эльфы». <i>Рассказывает Анюта</i>	70
Глава двадцать четвёртая. Мне предлагают дружбу. <i>Рассказывает Слава</i>	74
Глава двадцать пятая. У микрофона наш спортивный комментатор. <i>Рассказывает Наташа Щагина</i>	77
Глава двадцать шестая. Сколько раз прозвонит будильник. <i>Рассказывает Света</i>	80
Глава двадцать седьмая. Крышка от люка, или Кто прав? <i>Рассказывает Слава</i>	85

Глава двадцать восьмая. Как я снова стал запасным. <i>Рассказывает</i> <i>Петя Файнштейн</i>	89
Глава двадцать девятая. Нищий у доски. <i>Рассказывает Слава</i>	93
Глава тридцатая. «Болезнь надо уметь». <i>Рассказывает Анюта</i>	97
Глава тридцать первая. Старые друзья. <i>Рассказывает автор</i>	99
Глава тридцать вторая. Меня вызывают на партбюро. <i>Рассказывает</i> <i>Валерик</i>	102
Глава тридцать третья. Разговор на серьёзные темы. <i>Рассказывает</i> <i>Слава</i>	106
Глава тридцать четвёртая. Обсуждение продолжается. <i>Рассказывает</i> <i>Слава</i>	109
Глава тридцать пятая. Семнадцать лет. <i>Рассказывает Костя Марев</i> . .	111
Глава тридцать шестая. Фонари. <i>Рассказывает автор</i>	113
Глава тридцать седьмая. Добрые вести. <i>Рассказывает Валерик</i> . . .	117
Глава тридцать восьмая. Прощай, нет, до свидания! <i>Рассказывает</i> <i>автор</i>	119
Глава тридцать девятая. Два зайца Лёни Фогеля. <i>Рассказывает</i> <i>Анюта</i>	121
Глава сороковая. Яблоки раздора. <i>Рассказывает Слава</i>	124
Глава сорок первая. Чистая правда. <i>Рассказывает Валерик</i>	128
Глава сорок вторая. Самая последняя и самая короткая. <i>Рассказывает</i> <i>автор</i>	132

Д о р о г и е ч и т а т е л и !

*Присылайте нам ваши отзывы
о прочитанных книгах и пожелания
об их содержании и оформлении.*

*Укажите свой точный адрес и
возраст.*

*Пишите по адресу: Ленинград,
Д-187, наб. Кутузова, 6. Дом дет-
ской книги издательства «Детская
литература».*

ДЛЯ МЛАДШЕГО
И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

НИКОЛЬСКИЙ ЛЕВ МОИСЕЕВИЧ

«РАКЕТА» ВЫХОДИТ
НА ОРБИТУ

Ответственный редактор
И. Г. Одовцева

Художник-редактор
Э. Е. Бордюловская

Технический редактор
З. П. Кореньюк

Корректоры
Ю. А. Бережнова и Л. К. Малявко

Сдано в набор 2/XI 1965 г.
Подписано к печати 25/XII 1965 г.
Формат 70 × 90^{1/16}. Печ. л. 8,5.
Усл. печ. л. 9,94. Уч.-изд. л. 8,49.
ТП 1966 № 234. М-58069 Тираж
50 000 экз. Ленинградское отделение
издательства «Детская литература».
Ленинград. Д-187, наб. Кутузова, 6.
Заказ № 693.

Фабрика «Детская книга» № 2
Росглавполиграфпрома Государст-
венного комитета Совета Минист-
ров РСФСР по печати. Ленинград,
2-я Советская, 7. Цена 41 коп.

41 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“